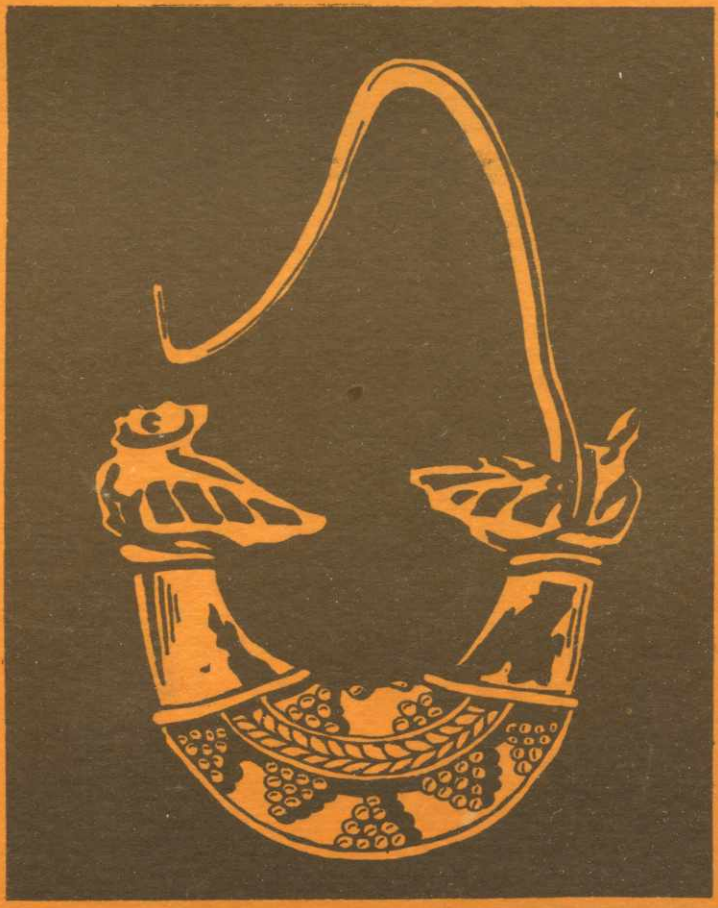
ПОЛТАВСЬКИЙ
КРАЄЗНАВЧИЙ
МУЗЕЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ



ПОЛТАВА-1990

Полтавское областное управление культуры

Полтавский краеведческий музей

К 100-летию Полтавского
краеведческого музея

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ

Сборник научных трудов

Полтава. 1990

ББК 63.4 (2 Ук...)
А 87

В сборнике, посвященном 100-летию Полтавского краеведческого музея, публикуются новые археологические материалы из раскопок и разведок, произведенных экспедициями областного краеведческого музея совместно с институтами археологии АН СССР и АН УССР на территории Полтавщины.

Для археологов, историков, музейных работников, краеведов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ: Сборникк научных трудов. Редкол.: **Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Супруненко А. Б.** (отв. ред.). – Полтава, 1990. – 115 с. – (Полтавский краеведческий музей).

Редколлегия: **Кулатова И. Н.** (отв. секретарь), **Луговая Л. Н., Супруненко А. Б.** (отв. редактор).

Рецензенты: доктора исторических наук **А. В. Чернецов** и **Б. А. Шрамко.**

Художник: **Суховская И.В.**

На обложке: золотая подвеска из кургана № 16 у с. Олефирщина Диканьского района Полтавской обл. (раскопки И. Н. Кулатовой).

© Полтавский краеведческий музей, 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 1991 г. Полтавский краеведческий музей отметит свой 100-летний юбилей. Широкая известность в республике и стране, контакты с зарубежными музеями, уникальность коллекций и шедевра архитектуры украинского модерна – здания музея, привлекали и привлекают в Полтаву многих гостей, жителей города и области. Более 190 тыс. экспонатов областного музея наглядно представляют культурно-историческое наследие Полтавщины, ее природу, трудовую и общественную деятельность полтавчан.

В известности музея немалая доля принадлежит археологической части собрания и исследовательской деятельности учреждения, также насчитывающей столетие. Археологическое собрание, составляющее пятую часть от общего количества экспонатов, представлено не только древностями Полтавщины, но и Харьковской, Луганской, Сумской областей, коллекцией северо-причерноморских находок, а также яркими собраниями памятников искусства и материальной культуры Древнего Египта, Греции, Ближнего Востока.

В археологической части собрания музея находятся такие широко известные всем специалистам комплексы, как материалы раскопок Гонцовской позднепалеолитической стоянки, позднетрипольского поселения у с. Лукаши, курганного могильника скифского времени в ур. Таранов Яр у с. Мачехи, Кабаковский 1915 г. и Полтавский 1905 г. клады бронзовых изделий срубной культуры и серебряных украшений рубежа X-XI вв. и др.

Традиционной для музея является активная исследовательская и охранная археологическая деятельность. В музее работает несколько археологических экспедиций, производящих полевые исследования в пределах Полтавской области. Часть из них являются совместными с экспедициями академических учреждений, других музеев. Материалы раскопок последних также поступают в фонды музея.

За последнее десятилетие археологическая деятельность музея заметно оживилась, что выразилось не только в объемах полевых исследований, но и в участившихся выставках новых материалов, проведении научных конференций, серии научно-практических семинаров „Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины" (1988-1990гг.), улучшении издательской работы. В течение 1985-1990 гг. музеем опубликовано по археологической проблематике изданий объемом более 40 печатных листов.

Настоящий сборник продолжает серию археолого-краеведческих изданий музея 1920-х и 1980-х гг. В сборнике помещен очерк археологических исследований Полтавского краеведческого музея (1891-1990 гг.), подготовленный на значительном археологическом и литературном материале А. Б. Супруненко. Публикации Л. Н. Луговой, Ю. А. Шилова и О. П. Журавлева вводят в оборот комплекс стратифицированного кургана предсрубного и срубного времени у с. Михайлики под Полтавой, исследованного экспедицией музея в 1985 г. Публикация И. С. Мельниковой посвящена доследованным курганам эпохи раннего бронзового века у сс. Мушты в бассейне р. Псел и Кириленки на левом берегу р.

Днепр, заметка И. В. Бовкуна – находке каменной сверленной полированной мотыги в Нижнем Поорелье. В статье И. Н. Кулатовой публикуются материалы женского погребения скифского времени из могильника у с. Олефирщина, а в работе В. В. Приймака – материалы охранных исследований памятников последней четверти I тыс. н. э. в Поворсклье. Статья О. В. Сухобокова и С. П. Юренко посвящена керамическому комплексу Опошнянского городища второй половины VIII в., вся коллекция из раскопок которого хранится в Полтавском краеведческом музее. В работе Ю. Ю. Моргунова, рассматривающего функциональное назначение посульских городищ древнерусского времени, приведена типология укреплений Юго-Восточной Руси. Сборник завершает заметка В. А. Мокляка, вводящего в оборот материалы разведок на территории Новосанжарского района в Нижнем Поворсклье.

Можно надеяться, что издание подобных сборников станет доброй традицией в музее.

Директор
Полтавского краеведческого
музея **А. П. Белоус**

А. Б. Супруненко ©

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛТАВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (к 100-летию со дня основания)

Полтавский краеведческий музей относится к числу старейших музеев Украины. Своим основанием он обязан известному почвоведу профессору В. В. Докучаеву, предложившему губернскому земству основать в городе естественно-исторический музей /I, с. I/. С первых дней существования в музее появились археологические коллекции /2, с.17-18/. Со временем, с поступлением в собрание крупных даров – известных коллекций Лубенского музея Е. Н. Скаржинской в составе более 3000 археологических экспонатов /3,с.116-117/ и коллекции П. П. Бобровского – до 300 предметов археологии и нумизматики Древнего Египта, Греции и Рима /4,с.3-4/, археологическое собрание в Полтаве стало одним из крупнейших на Левобережье Днепра. С целью его пополнения и систематизации, а затем построения новой экспозиции, Естественно-исторический музей Полтавского губернского земства начал проводить научные археологические исследования. В результате этих работ археологическое собрание непрерывно росло, достигнув в 1917 г. более 5000, в 1941 г. – около 10000, а к 1990 г. – более 42000 предметов, что составляет около четверти общего количества экспонатов музея.

Археологическая исследовательская деятельность Полтавского музея имеет богатые традиции. Она характеризуется максимальной широтой хронологического спектра исследований, довольно высоким научным качеством раскопок его сотрудников, сравнительно хорошей сохранностью собрания, лишь частично пострадавшего во время войны. В разные годы результаты исследований музея и его коллекции были предметом ознакомления и изучения таких известных археологов как Д. И. Багалей, Н. Ф. Беляшевский, П. И. Борисковский, Ф. К. Вовк, В. А. Городцов, И.И. Ляпушкин, Б. А. Рыбаков, А. А. Спицын, П. Н. Третьяков, А. С. Федоровский, Б. А. Шрамко и др. В археологическом отделе музея работали известные исследователи и ученые А. В. Добровольский, В.И. Довженок, И. А. Зарецкий, М. Я. Рудинский, М. С. Синицын. Все это определило место Полтавского краеведческого музея в деле археологического изучения территории Левобережья в целом и Полтавщины в частности как научно-исследовательского и просветительского учреждения, призванного изучать, охранять и пропагандировать знания о памятниках археологии жителям и гостям Полтавской области не только традиционными методами экспозиционной и выставочной работы, но и путем выпуска специальной научно-популярной и исследовательской литературы, путеводителей, каталогов, буклетов.

Вместе с тем, до настоящего времени не существует очерка истории археологических исследований музея, отмечающего свой 100-летний юбилей.

Основным источником для изучения археологической исследовательской деятельности музея в конце XIX – начале XX вв. являются данные рукописного „Каталога археологического отдела", записи которого про-

изводились в разные годы поочередно И. А. Зарецким, В. М. Щербаковским, М. Я. Рудинским, А. К. Тахтаем, А. В. Добровольским, Г. А. Сидоренко /5/, материалы научных архивов Полтавского краеведческого музея, Института археологии АН УССР, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Для воссоздания целостной картины археологических исследований музея во втором десятилетии XX в. имеет особое значение хронологический указатель работ, подготовленный в 1919 г. В. М. Щербаковским /6,с. 96-97/.

Первый краткий экскурс в историю археологического собрания и исследований Полтавского музея появился более 60 лет назад /7,с.29-62/. Обзор исследований отдела археологии готовился для первого тома „Археології" /8, 200с./ по просьбе М. Я. Рудинского /9,л.7/ известным полтавским краеведом и орнитологом Н. И. Гавриленко в 1945 г. /10,л. 19-26 об./, но не был опубликован /11,лл. 1-4 об./. Кратко основные итоги археологических исследований музея нашли отражение в специальных работах историографического или обзорного характера /12,с. XXIX; 13,с.22 и сл.; 14,с.5-7 и сл./. Отдельные вопросы истории археологических исследований музея освещались в работах конца 1980-х гг., посвященных празднованию 100-летия со дня рождения М. Я. Рудинского /15,с. 10-12; 16,с.14-16; 17,с. 39-41/ – одного из организаторов современного областного краеведческого музея и 75-летию со дня начала его систематических археологических исследований /18,с. 39-41/. Юбилей музея, видимо, требует осмысления всего пройденного пути и подготовки очерка его археологической деятельности за вековой период существования.

☆ ☆ ☆

У истоков создания Полтавского музея находились два сотрудника губернского земства – М. А. Олеховский (1855-1909) /1,с.2/ и И. А. Зарецкий (1857-1936) /19,с.3/. Первый в 1891 г. был назначен заведующим музеем /2,с.7/, второй – работал в составе этого учреждения и других служб земства /20,с.62/. Но если М. А. Олеховского, как естественника-фундатора музея, древности интересовали только как средство раскрытия истории края посредством экспонатуры в музее, то для И. А. Зарецкого археология значила более чем увлечение /21,с.48-50/. Ко времени основания музея И.А. Зарецкий уже имел широкую известность среди археологов России как первооткрыватель богатых курганов скифского времени в Поворсклье – Витовой Могилы и Опишлянки /22,с. 83,90 и сл./, автор успешных раскопок 1887-1889 гг. курганов у с. Лихачевка современного Котелевского района Полтавской области /23,с.3-4 и сл./, владелец крупной коллекции древностей различных периодов истории края из окрестностей сс. Лихачевка и Котельва, Нижнего Поворсклья и Полтавы /24,л.4-4 об/, частично уже приобретенной Историческим музеем в Москве /25,л.15-18/,и, наконец, исследователь, подготовивший и опубликовавший несколько общепризнанных в научном мире специальных работ /26,с.148-149; 27,с.46/ по археологии Полтавщины /28,с.229-248; 29/. И хотя к 1891 г. пыл И. А. Зарецкого-исследователя, равно как и личные средства на эти работы, практически исчерпал-

ся, он производит наблюдения за памятниками археологии в Полтаве /30, с. 73-75/, исследует случайно обнаруженные древнерусские погребения неподалеку от земского правления, во дворе дома Чеботарева /31,с.2/, способствует передаче в дар Естественно-историческому музею коллекции находок из раскопок Ю. А. Щербачева и И. А. Зарецкого в 1887-1889 гг. /32,с.39-42; 33,с.57-60/.

Создаваемому музею, вслед за дарами В.В. Докучаева, В. И. Вернадского /2,с.8/ и др., И. А. Зарецкий передает отдельные находки, обнаруженные им ранее в окрестностях Полтавы: в ур. Белая Гора и возле хут. Трибы /33,с.62-63; 34/, в том числе копии уцелевших вещей Макуховского „клада" 1882 г. /33,с.64/ – комплекса предметов из богатого погребения кочевника перещепинского типа УП в.н.э. /35,с.32-35/. Естественно-историческому музею Полтавского губернского земства И. А. Зарецким были проданы материалы из раскопок курганов скифского времени у с. Великие Будища ныне Диканьского района и эпохи бронзы-скифского времени у с. Войтовка на р. Коломак современного Полтавского района /7,с.44/. Часть этих находок хранится в музее до настоящего времени /рис.1, 1-3/.

В дальнейшем интересы И.А. Зарецкого были связаны с изучением керамического производства и народных художественных промыслов Полтавской ,Харьковской и Курской губерний /36,с.1-11/, поэтому он отходит от активной археологической деятельности, сотрудничая в других учреждениях земства /37,с.32-33; 38,с.234-236/. Но несмотря на это, И. А. Зарецкий все же находит время для обследования зоны строительства железной дороги в районе Поля Полтавской битвы по заданию Московского археологического общества /39,л.1/, осматривает места отдельных палеонтологических и археологических находок /40,л.1-6; 41,с.5/. Возвратившись в музей в 1906 г., принимает участие в подготовке к передаче, перевозке и инвентаризации собрания Лубенского музея Е. Н. Скаржинской, подаренного Полтавскому земству в том же году /7,с.29-30; 42,с.5/. Он производит размещение собрания Е. Н. Скаржинской в новом помещении – на третьем этаже только что построенного здания губернского земства. В 1907 г. И. А. Зарецкий посещает с. Кишенька Кобелякского уезда, где осматривает курганы и майдан в ур. Мечеть, а в 1911 г. производит там рекогносцировочные раскопки /43,с.111-112/. В результате снимается подробный план размещения курганов и остатков золотоордынского могильника XIУ в.(рис.2) /43,с.111-112, табл. 1/, собираются сведения об археологических находках в окрестностях Кишенек. Исследовав небольшой курган, И. А. Зарецкий выявил в нем два погребения срубной культуры /20,с.63/, впоследствие в целом правильно отнеся их к эпохе бронзы /43,с.115/. В описании же майдана И. А. Зарецкий не пошел далее понимания последнего как остатков древнего городища, но не связал с ним кирпичные сооружения /43,с.114/. Выявив фундамент мавзолея XIУ в. и приведя аналоги и украшавшим его изразцам из среднеазиатских материалов, исследователь все же относит сооружение к XIII в., считая его „столбом" с изображением креста /43,с. 118-119/. К чести И. А. Зарецкого, он засыпает еще не полностью вскрытое основание раскопанного мавзолея, сохраняя тем самым его для последу-

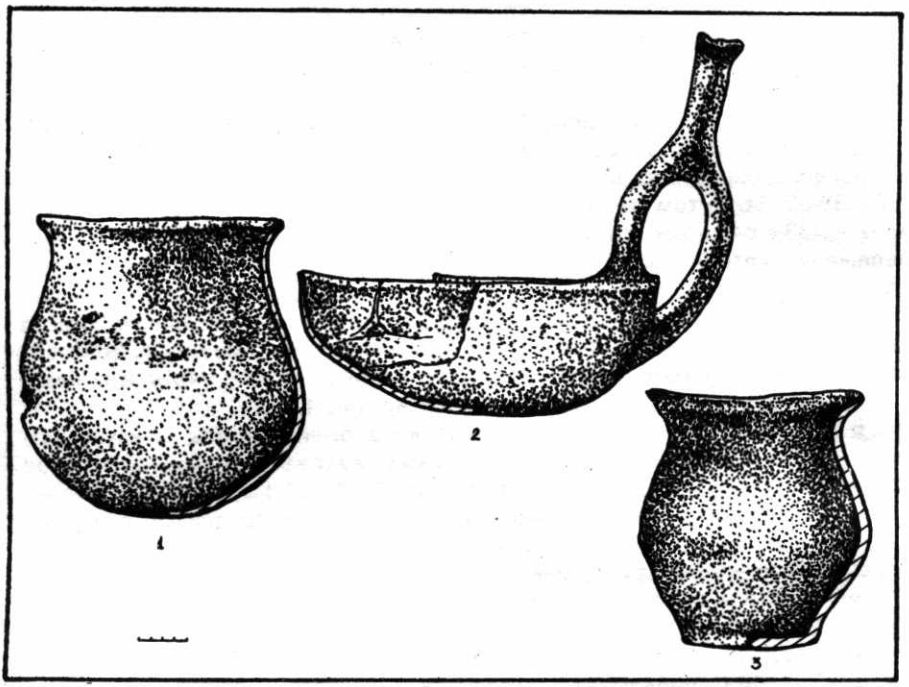
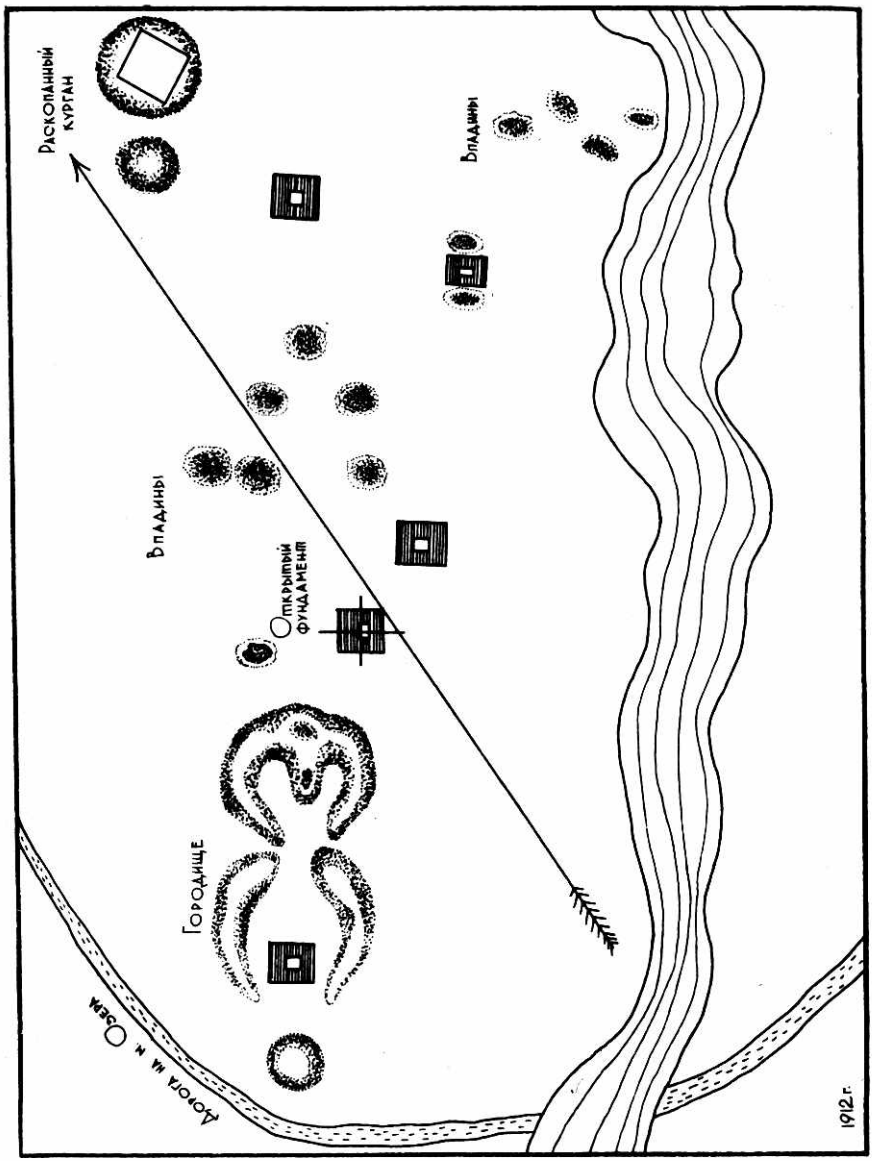


Рис. 1. Лепные сосуды скифского времени из курганов у с. Великие Будища современного Диканьского района. Раскопки И. А. Зарецкого.



ис. 2 План размещения памятников (курганы, майдан и могильник) в ур. Мечеть у с. Кишеньки Кобелякского района. По И. А. Зарецкому, 1912 г.

ющих исследований, и готовит подробную публикацию результатов разведки /43,с.111-120/.

Вскоре другое событие увлекает полтавского археолога, навсегда сохранив его имя в истории археологических исследований на территории Восточной Европы. В мае 1912 г. в окрестностях с. Малая Перещепина Константиноградского уезда (ныне Новосанжарский район) был обнаружен крупный „клад" золотых и серебряных изделий /44,с.1-7; 45,с.111-120/. Первым, кто сообщил в Императорскую Археологическую Комиссию об этом, был И. А. Зарецкий /46,л.1/. Он выезжает на место находки, определяет ее археологический характер, принимает участие в описании и сохранении изделий из драгоценных металлов, а затем, вместе с прибывшим туда Н. Е. Макаренко, перевозит уникальнейшие предметы в Полтаву /47,с.181-183/. Здесь Зарецкий за короткий срок успевает сфотографировать ряд находок перед отправкой в Петербург /20,с.63-64; 48,л.1/. Эти фото и некоторые замеры позволяют И. А. Зарецкому произвести первую публикацию состава комплекса, интерпретировав его как „клад" Хв. /47,с.204/. Учитывая спешку при подготовке публикации, слабое знание исследователем византийской нумизматики/35,с.33/, И. А. Зарецкий допускает ряд неточностей, грубых ошибок, прежде всего, в датировке комплекса конца VII в./49, с.159; 50,с.60-64; 51,с.113-114; 52,с.92-98/, упускает возможность детальнее изучить обстоятельства находки и свидетельства ее очевидцев. А это приводит к утрате до селе невосполнимых сведений, важных для изучения наиболее богатого погребения представителя социальной верхушки кочевых племен эпохи раннего средневековья Восточной Европы /53,с.219-220/. Работа И. А. Зарецкого увидела свет в составе „Трудов Полтавской Ученой Архивной Комиссии" /47,с.180-206/ и была растиражирована отдельной брошюрой /54,29с./.

Осенью 1912 г. И.А. Зарецкий уезжает из Полтавы в Воронеж /20,с.64/. Возможно, причиной его отъезда было приглашение земством на место заведующего археологическим отделом по рекомендации Д. И. Яворницкого дипломированного специалиста В. М. Щербаковского /55/.

Целенаправленные археологические исследования были начаты музеем лишь с 1912 г., с образованием археологического отдела и введением должности археолога-заведующего отделом /18,с.39/. Это нововведение в штате музея произошло по совету Н. Ф. Беляшевского, директора Киевского естественно-исторического, художественно-промышленного и научного музея, приезжавшего в Полтаву по приглашению земской управы. Он также предложил разделить собрание, выделив часть уже занятого коллекцией Е. Н. Скаржинской третьего мансардного этажа нового здания земства под Археологический отдел, что и было принято земством/42,с.6/.

В. М. Щербаковский активно включился в работу, сразу же по назначению составив предварительный план исследований. Основными направлениями деятельности отдела являлись полевые исследования центральных и северо-западных районов Полтавской губернии в широком хронологическом диапазоне – от эпохи палеолита до позднего средневековья, пополнение коллекций материалами раскопок и создание экспозиции по древней-

шему прошлому края /18,с.39/. Исключая результаты наиболее значительных работ, которые опубликованы, дореволюционные раскопки музея остаются недостаточно известными из-за утраты части собрания, депаспортизации коллекции и отсутствия полевой документции, частично уничтоженной в пожаре 1943 г.

По следам разведки И. А. Зарецкого, В. М. Щербаковский производит раскопки в ур. Мечеть у с. Кишенек Кобелякского уезда /18,с.39-40/. Исследованиями были вскрыты остатки фундаментов двух мавзолеев XIУ в., доследованы несколько изрытых кладоискателями грунтовых захоронений /7,с.58; 56,с.21/. Работы сопровождались снятием планов (рис.3), подробной фотофиксацией раскопок и находок, составлением детальнейших описей /5,т.1,с.230-258,№№1383-1579/ и добротной отчетной документацией /57,л. 9-21,27-50/. Через короткое время увидела свет и подробная публикация результатов раскопок в „Ежегоднике" музея /59,с.1-8,табл. I-IУ/, основные положения которой остаются актуальными до настоящего времени /60,с. 29/. Отметим также, что обнаруженный могильник, датированный В. М. Щербаковским XIУ в. /59,с.8/, и в настоящее время еще не попал в круг памятников золотоордынского времени, широкоизвестных специалистам /61,с. 87/. Заметим, что исследования производились на основании открытого листа, выданного Археологической Комиссией на имя заведующего музеем Н. Ф. Николаева /58,л.1,3,5,7-8/. (Рис.3).

В конце лета 1912 г. были осуществлены разведки в окрестностях с. Орлик того же уезда, где осмотрено место находки Кабаковского клада бронзовых изделий, поступившего в музей после реставрации в 1915 г. /5, т.2,с.26-27 об; 6,с.96/. Сезон завершили раскопки 7 курганов, а также нескольких грунтовых погребений древнерусского времени и эпохи позднего средневековья у хут. Александровка Лубенского уезда /5,т.1,с.258-259, №№ 1580-1581/ к северу от горы Прися, а также 5 курганов в парке у гостиницы Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в том же уезде /18,с.40/. В ходе последних работ были выявлены погребения скифского времени, сильно потревоженные грабителями /5,т.1,с.289. №№ 1834-1835/. По крайней мере, два из них уже исследовал ранее, более чем за 20 лет до В. М. Щербаковского Ф. И. Каминский /62,с.105/, передавший И. К. Зинченко находки для Археологической Комиссии /63,л.41-44/. Курганы содержали погребения скифского времени У-IУ вв.до н.э. /64,с.55/, часть материалов из которых хранится в ГИМе СССР /64,с.55/. Остатки насыпей курганов сохранились до настоящего времени к югу от комплекса сооружений монастыря /65/.

Весной 1913 г. Музеем произведено исследование кургана высотой 1,2 м и диаметром более 12 м в северо-восточной части современного г. Карловка /6,с.96/, у края плато правого коренного берега р. Орчик. Курган уже был нарушен земляными работами /5,т.1,с.258, № 1803/: из него происходили украшения позднескифского или сарматского времени /66,с.4;13/. Раскопками выявлены остатки погребения ямной культуры (?), углубленного на 0,5 м ниже древнего горизонта, несколько обломков кремня /5,т.1, с. 284-285, № 1803/. В верхней части насыпи, на глубине 0,7 м, обнаружены остатки древнего кострища, обломки лепных сосудов срубного времени.

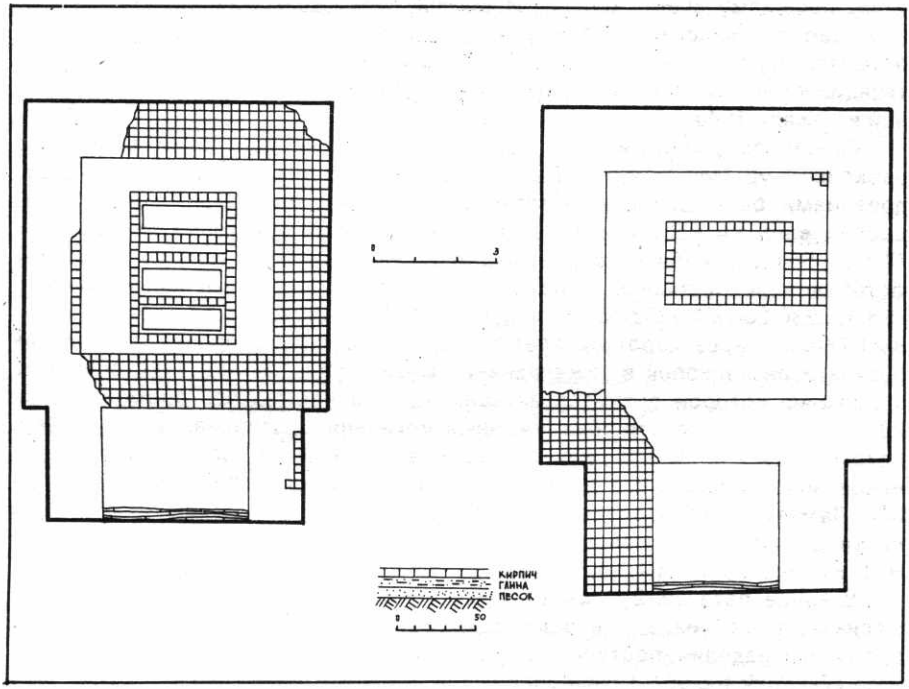


Рис. 3. Планы исследованных в 1912 г. золотоордынских мавзолеев в ур. Мечеть Кобелякского района (с. Кишеньки). Раскопки В. М. Щербаковского.

Раскапывавшийся колодцем (3,5х5 м) курган полностью доисследован не был /5,т.1,с.271-272, №№ 1698-1700/.

В конце мая 1913 г. раскопки производились в Переяславском уезде, у с. Великий Круполь, на средства помещика В. Н. Бутовича /6,с.96/. Здесь были обнаружены памятники различного времени – от эпохи энеолита до позднейшего украинского средневековья. Так, в черте села обследован „валом обнесенный городок княжеского времени", поврежденный строительством кирпичного завода XIX в. /6,с.96/, являвшийся, видимо, остатками крупного майдана. Между с. В. Круполь и с. Пилипчичи исследованы 5 курганов древнерусского времени /18,с.40/, а между сс. В. Круполь и Лукаши – 2 кургана эпохи бронзы и 19 курганов скифского времени, сильно поврежденных грабителями и сельскохозяйственными работами /5,т.1,с. 290-308/. Наиболее интересные находки обнаружены в кургане № 6, где выявлены детали конской узды, железные наконечники копий, бронзовые трехгранные наконечники стрел, золотые серьги и бусы скифского времени /7,с.45/.

К югу от с. Лукаши Переяславского уезда В. М. Щербаковским были открыты остатки поселения лукашевского типа трипольской культуры /67, с. 5,79-81/, к исследованию которого музей возвращался и в 1915 г. /18,с. 40/. Тогда же в окрестностях с. Лукаши было прозондировано специальными щупами около 100 десятин угодий в поисках глинобитных площадок позднетрипольского времени, в результате чего обнаружены остатки „каких-то сооружений, ... глиняной обмазки... и кучи бараньих и бычьих костей" /6,с.96,97/. Позже автор раскопок посвятил несколько работ культурно-хронологической атрибуции материалов памятника /68; 69,с.119-138/.

В сентябре 1913 г. у хут. Гречаники под Переяславлем В. М. Щербаковский исследовал курган эпохи энеолита-бронзы, в котором были обнаружены погребения ямной и среднеднепровской культур /70,л.1-8/. А у с. Великая Березянка раскопал курган скифского времени, поврежденный грабителями /6,с.96/.

В 1913-1914 гг. продолжались исследования курганного могильника X-XIII вв. у с. Липлява Золотоношского уезда, в составе которого раскопано 66 курганов /7,с.56; 71,с.339-348/. В нем среди рядовых захоронений выделялись женские погребения с богатым инвентарем (курганы №№ 79 и 81), которые сопровождались спиралевидными височными кольцами, бусами и подвесками, бронзовой фибулой /7,с.56-57/, сребреником Владимира Святославича начала XI в. /71, рис. на с.344; 72,с.95-97; 73,с.81; 74,с.49,55,77,162, рис. на с.162/.

Работы 1914 г. также производились на курганных могильниках X-XIII вв. – у Ламаного хут. возле с. Гелмязова Золотоношского уезда (исследовано 12 курганов) /6,с.96-97; 7,с.57; 71,с.347-348; 75,л.1 – 152/ и в г. Переяславле „У тюрьмы" на Заальтицком форштадте (раскопано до 150 курганов) /7,с.57,75,л.1-152/. В одном из них была найдена серебряная монета X-XI вв. с ушком и зерненными „бусинками при ушке" Оттона и Адельгейды /6,с. 97; 7,с. 57; 73,с.98, № 161/. Кроме того, у с. Гонцы Лубенского уезда в ур. „Дрібні могилки" исследовано 3 кургана с погребениями эпохи бронзы

скифского времени /18,с.40/.

Осенью 1914 г. В. М. Щербаковский начал раскопки известного позднепалеолитического поселения у с. Гонцы /76,с.147-152: 77,табл.VII; 78,с.153-159; 79,с.22-32/, продолжавшиеся в 1915-1916 гг. /80,с.61-78/. Исследователю, как и приглашенному на раскопки в 1915 г. В. А. Городцову,не удалось понять сущности вскрытых объектов /81,с.5-35/ – остатков одного из жилищно-хозяйственных комплексов /82,с.197-247; 83,с.336-337/, но документация раскопок была настолько качественной, что в дальнейшем, – по мнению В. Я. Сергина, – позволила „найти ключ к памятнику другим археологам" /84,с.10/. В. М. Щербаковский сохранил обнаруженное им скопление черепов и костей мамонта (рис. 4), засыпав после своих работ раскоп /80,с.75/. Эти же объекты повторно изучались В. Я. Сергиным в 1977-1980 гг. /84,с.10-12; 85,с.133-134; 86,с.402/. Музеем также было организовано посещение места раскопок в Гонцах ведущими специалистами России – В. И. Вернадским, А. П. Павловым и др.

Менее масштабными были раскопки 1915г., ограниченные по размаху событиями первой мировой войны. Кроме продолжавшихся работ в Гонцах, В. М. Щербаковским в конце лета исследовались 2 кургана в окрестностях с. Софиевка (№№ 316 и 317) и 8 у с. Пилипчичи (№№ 318,319,322-327) Переяславского уезда /18,с.40/, относящихся к скифскому времени /88,с.129/ и содержавших погребения в прямоугольных ямах с деревянным накатником, большей частью, ограбленные в древности. Если в кургане № 316 у Софиевки были обнаружены остатки колчана с 45-ю бронзовыми наконечниками стрел /5,т.2,с.30, №№ 2529-2531/ и „заметны пазы" от лаг настила пола склепа /88,с.129/, то в другом кургане (№ 314) остатки погребения оказались растасканными землеройами /5,т.2,с.30-30 об., №№ 2522-2535/.

Курганы у Пилипчичей также содержали погребения VI-V вв. до н.э. Среди них выделялся комплекс погребения кургана № 323, из которого происходил обломок меча с антенным навершием и бабочковидным перекрестием /89,л.1,рис./, железный нож, 20 бронзовых трехгранных наконечников стрел, лепные сосуды и стеклопастовые и стеклянные бусы /5,т.2,с.32-33, №№ 2549-2561/. Среди инвентаря кургана № 325 находилось круглое бронзовое зеркало с железной ручкой /5,т.2,с.33 об., № 2565/. В насыпи кургана № 327 обнаружено впускное погребение -трупосожжение с обломками железной гвоздевидной булавки /5,т.2,с.34-34 об., №№ 2571-2572/. Материалы раскопок не сохранились в годы Великой Отечественной войны.

В 1915 г. были произведены также небольшие раскопки кургана в с. Устимовка Кременчугского уезда на земле И. И. Устимовича, в ходе которых было выявлено безинвентарное вытянутое на спине погребение и остатки захоронения срубного времени /5,т.2,с.82, № 3103/. Осуществлялись также разведки в окрестностях сс. Потоки и Горишние Плавни на Нижнем Псле /6,с.97/, откуда происходила нижняя часть серолощеного кувшина черняховской культуры /7,с.47,табл.V, рис.14; 90,с.65-66/.

В 1916 г. музеем исследовано 6 курганов, содержащих 7 погребений X-XIII вв. /91,л.1-40; 92,с.13-16; 93,с.23/, в составе известного курганного могильника у с. Липовое Роменского уезда /94,с.219; 95,с.38-41/. Тогда же

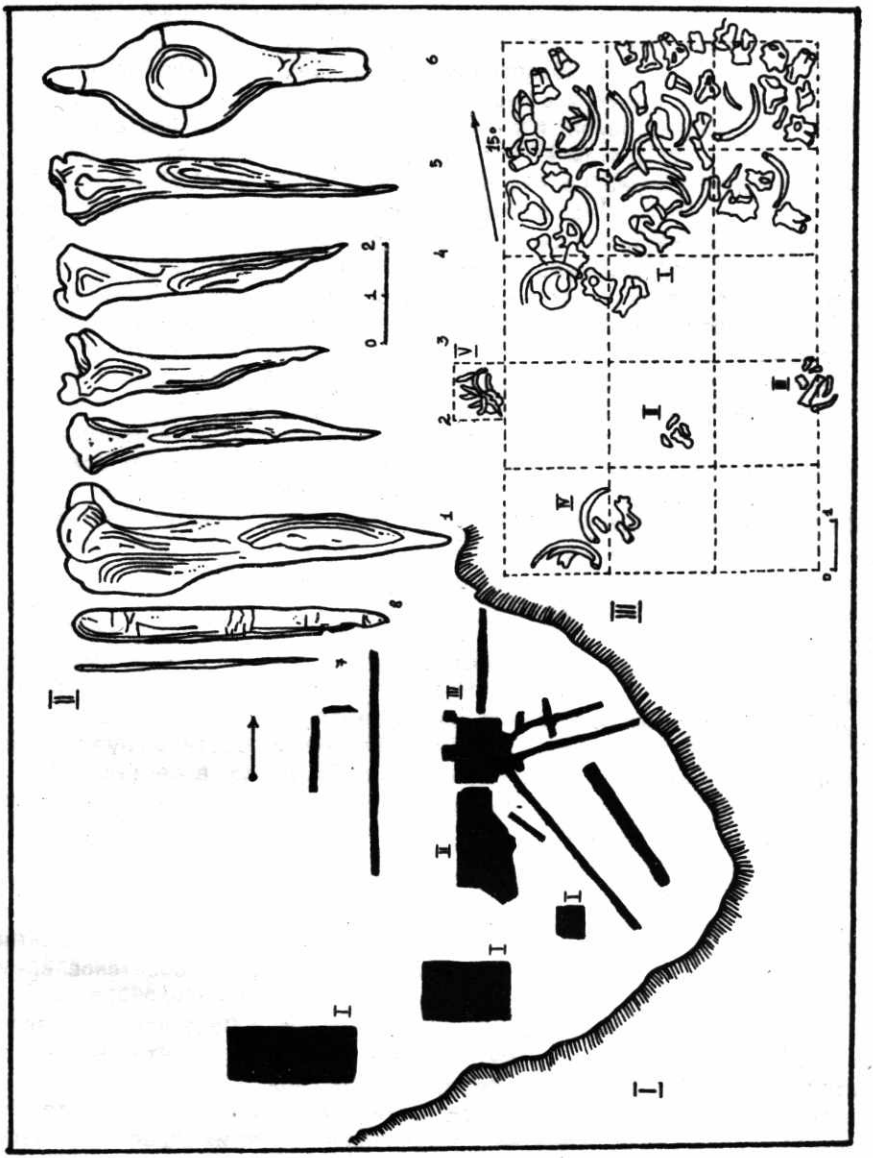


Рис. 4. Гонцы. I-план раскопов: I – Г. С. Кирьякова и Ф. И. Каминского (1871-1873 гг.), I(– Гельвига (1904 г.), III – В. М. Щербаковского (1914-1915 гг.); II – костяные орудия (1-6); III – план раскопа 1916 г. По В. М. Щербаковскому.

посещалось древнерусское городище у с. Медвежье Роменского уезда, которое фотографировалось для экспозиции /6,с.97/.

Летом 1917 г. В. М. Щербаковским исследованы 7 курганов скифского и 4 древнерусского времени в окрестностях с. Городище Лохвицкого уезда (ныне Чернухинский район) и в парке имения помещиков братьев Горвиц /18,с. 40; 96,с.1-12/. В этом же году музей получил в дар находки, добытые при раскопках братьев Горвиц 1912 г. /5,т.2,с.84 об.-91,93-94; 6,с.97/ – лепные сосуды, изделия из кремня и бронзы эпохи бронзы и скифского времени /7,с.40,45/. Часть из находок В. М. Щербаковского в курганах скифского времени у с. Городище перевезена в Полтаву не была /96,с.1-2/. Их след потерялся для автора работ в бурных событиях 1917-1918 гг. /96,с.2/. Но вещи не погибли, поступив впоследствие в собрание Лохвицкого краеведческого музея /97,л.7/.

Результатом широкомасштабных исследований второго десятилетия XX в. было активное накопление музеем разнообразных материалов, относящихся к различным периодам истории края, концентрация в нем большинства археологических собраний Полтавщины. В ходе этих работ археологи музея сделали первые попытки введения в оборот результатов исследований. Впрочем, публикационный характер подачи материалов Полтавского музея был присущ для начала XX в. и работам крупных исследователей /88,с.121-129,142; 98,с.351 и сл./. Время первых интерпретаций и обобщений еще не пришло, но оно было ускорено революционными событиями /80,с. 61-78; 99,с.79-92/.

В эти годы вырос и авторитет музея как научно-просветительского учреждения. Его экспозиция в 1915-1916 гг. строилась по рекомендациям В. А. Городцова, непосредственно принимавшего участие в выборе залов и размещении экспонатов /100,с.18/. В 1916 г. музей посетила группа участников XI международного географического конгресса, в составе которой были Ф. К. Вовк, М. И. Артамонов и др. /101,л.6; 102,с.24/. К 1917 г. в музее созрела идея создания Общества охраны памятников старины и искусства /103,с.22/, призванного сохранять культурно-историческое наследие края и памятники Полтавщины /104,с.VII-VIII; 105,с.23-25/. И не удивительно, что председателем президиума Общества был избран В. М. Щербаковский /106,с.XIII/, успешно осуществлявший руководство многогранной памятнико-охранной деятельностью общественности города и в советское время /107,с.45/.

В 1917-1924 гг. наступает новый этап в жизни Полтавского музея – период организационного формирования и становления Центрального пролетарского музея Полтавщины. Несмотря на трудности, связанные с особенностями начала новой исторической эпохи, небольшой коллектив сотрудников с честью вышел из испытаний, создав один из лучших „краевых" музеев республики /16,с.14/. Это был период воссоединения коллекций, качественного и количественного роста собрания, первых успешных попыток его изучения и построения новой экспозиции /1,с.6-11/. Неотъемлемой частью исследовательской деятельности музея, направленной на изучение и сохранение памятников древнейшего прошлого края, были полевые архео-

логические исследования. Небольшие масштабы этих работ не отразились на важности и огромной научной ценности результатов, предопределяющих характер дальнейших исследований и сформировавших определенное представление о памятниках Полтавщины /108,с.5/.

До 1921 г. полевая деятельность музея практически не велась, исключая отдельные командировки сотрудников. Так, в 1918 г. В. М. Щербаковский получил задание от Украинского научного общества исследования и охраны памятников древности и искусства на Полтавщине осмотреть каменное половецкое изваяние у с. Яновщина Миргородского уезда /106,с.XIII/, вскоре после чего поступившее в Миргородский музей /109,с.290/. В 1919 г.им же были произведены стратиграфические наблюдения, подготовлен план раскопок (рис. 4) /110,л.1/ Гонцовской позднепалеолитической стоянки /6,с.97; 80,с.67-76; 87,с.20-21/. И, наконец, отметим обследование археологом палеолитических местонахождений в 1919 г. в Полтаве (Щемиловский карьер кирпичного завода Белли) /116/ и в 1921 г. в с. Сергеевка (совр. Краснознаменка) Гадячского уезда /117,с.153/, расширившие круг известных памятников позднего палеолита на Полтавщине /118,с.36; 119,с.88/.

Наибольшего размаха археологические исследования музея достигают в 1921-1924 гг., когда заведующим отделом археологии и заведующим музея становится М. Я. Рудинский / 15,с.10-12; 11,л.2; 120,с.16,26-27/. Им определяется и основное направление работ – исследование практически неизвестных в археологическом отношении юго-восточных районов Полтавщины – Нижнего Поворсклья и Поорелья /7,с.32-33; 112/.

Летом 1921 г. М. Я. Рудинским была организована комплексная историко-этнографическая экспедиция в с. Яреськи Шишакского района /113,с.2/, в ходе которой начаты исследования одного из курганов (В. М. Щербаковский) и обследован участок побережья р. Псла с поселениями неолита-бронзы у сс. Барановка-Шишаки (М. Я. Рудинский) /16,с.14-15; 114,л.1-14/. Тогда же начаты разведки в Нижнем Поворсклье, во время которых обследованы поселения эпохи неолита, энеолита и бронзы в ур. Белая Гора и с. Макуховка Полтавского района, у хут. Брусия Диканьского района /115,с.3-14/. В этих работах, наряду с В. М. Щербаковским, покинувшим Полтаву в конце 1922 г. /III,л.5/, участвовали и другие сотрудники музея – Н. И. Гавриленко, В. А. Гринченко, А. К. Тахтай и др.

Разведочная деятельность 1922-1923 гг. определила направление дальнейших исследований. При разведках в Кременчугском и Кобелякском районах /121,л.1-2/ в окрестностях с. Градижск (ур. Скакалка) обнаружено позднепалеолитическое местонахождение /122,с.151/, разновременные поселения у сс. Максимовка и Редуты /14,с.43; 122,с.151/. В этом же году открыто поселение скифского времени (ур. Десятое поле) и курганный могильник (более 160 насыпей), селище черняховской культуры в ур. Таранов Яр у с. Мачехи Полтавского района, на которых в 1924 г. начаты раскопки /7,с.45-48/. Эти работы с перерывами продолжались до 1946 г. включительно с участием сотрудников музея /123; 124,с.53-79/. При исследовании 38 курганов могильника получены важные материалы для характеристики культуры лесостепного левобережного населения VI-V вв. до н.э. /22,с.82-

107; 125,с.146-170; 126,с.9/. Опираясь на материалы этих раскопок, М. Я. Рудинский установил, что культура племен раннего железного века лесостепного Днепровского Левобережья имела местное происхождение и не была связана своим появлением со степной зоной Восточной Европы. Истоки этой культуры, - по его мнению, - следует искать в бронзовом веке данной территории и Правобережья, а часть населения раннего железного века на Ворскле появилась в результате колонизации с правого берега Днепра /7,с.46-47; 124,с.75-79; 127,с.25-26/. Эти выводы ученого нашли поддержку большинства исследователей лесостепных памятников Левобережья /22,с.173; 128,с.345/.

Осенью 1923 г. М. Я. Рудинским к северу от поселка Новые Санжары, в кургане на правом коренном берегу р. Ворсклы, исследовано впускное погребение позднесарматского воина второй половины III в. н.э. /7,с.32/, являющееся наиболее поздним памятником пребывания сармат на Полтавшине /129,С.56-59; 130/.

Разведки 1924 г. осуществлялись по р. Коломак /131/, левому притоку р. Ворсклы. Кроме снятия планов отдельных курганных групп и изучения майданов /7,с.52; 16,с.15; 132,с.127-128/ были открыты несколько поселений, в том числе селище черняховской культуры и курганный могильник у с. Кантемировка Чутовского района /133,с.231-241; 134,с.42/. Раскопки трех курганов в 1924 г. /7,с.52,54; 132; 135,л.1-3 и сл./ выявили погребения с богатым инвентарем, сочетающие в погребальном обряде элементы черняховской культуры и северо-кавказские, интерпретируемые современными исследователями как аланские, оставленные населением, находившимся в составе или близких контактах с носителями черняховской культуры так называемого раннегуннского периода конца IУ - первой трети У вв. /136,с.18-19/. Отнесение исследованных памятников археологом к „варварским древностям III-У вв.", отражающим разноплеменный состав населения Юго-Восточной Европы, в первой подробной публикации комплексов /132,с. 127-156/ и подмеченная общность их с материалами черняховских „полей погребений" /7,с.52,54/ отражают широкий диапазон научных интересов известного советского украинского археолога, организатора дела охраны памятников истории и культуры и музейного строительства М. Я. Рудинского /137,с.286-287/.

В ходе разведок по р. Коломак были посещены также Коломацкое и Гришковское городища скифского времени на Харьковщине /16,с.15/, а на последнем произведена шурфовка, установившая характер возведения укреплений /22,с.75; 132,с.132/.

С организацией ВУАКа археологи республики получили единый координационный центр и орган Академии Наук, направляющий работу на местах. С его деятельностью связывают судьбу лучшие археологические силы республики. В 1924 г. на одно из руководящих мест в этом комитете - ученого секретаря - приглашается М. Я. Рудинский /138,с. 9/, который „сдает свои обязанности" заведующего музеем осенью 1924 г. /111,л.1-5/. Качественные изменения в деятельности музея, с приходом к руководству недолговременных функционеров, не заставляют себя ждать, и, уже в 1926

г. о „блестящей научной работе" Полтавского музея ВУАК вынужден упоминать в прошедшем времени /126,с.5/.

Разрабатывая план археологических исследований музея на 1925 и последующие годы, представляемый ВУАКу, М. Я. Рудинский планировал разведки в Поорелье с целью поисков памятников так называемой„алано-хазарской" культуры /7,с.32-33/. Эти работы после переезда ученого в Киев были продолжены А. К. Тахтаем /139,с.2-3/. Полевая деятельность А. К. Тахтая на Полтавщине начинается обследованием случайно разрушенного погребения срубной культуры в кургане к югу от станции Божково Полтавского района /140,л.1-1 об/. Летом 1926 г. им осуществляется разведка по р. Орчик (правый приток р. Орели), в ходе которой было картографировано более 70 курганов, открыто несколько поселений эпохи бронзы – раннего железного века (Руновщина, Русский Орлик, Чернещина и др.) /141,с.283; 142,с.1-12/, выявлен разрушающийся могильник салтовской культуры в с. Климовка Карловского района /7,с.52-54; 141,с.283; 143,с. 202-203/.Осенью 1926 г. при участии Красноградского музея М. Я. Рудинский и А. К. Тахтай проводят раскопки трех курганов в черте с. Климовка (ур. Новоселовка/, в которых были исследованы 15 погребений от эпохи ранней бронзы до средневекового времени /7,с.38,52-54; 66,с.18-25;141,с.283-284; 144,с.144-150/. Материалы, добытые этими работами, хранятся в Полтавском и Красноградском краеведческих музеях /16,с.16/.

В 1927-1928 гг. разведки в Поорелье были продолжены /145,с.1-20; 146,29с.; 147,с.1-15/. Обследовался ряд поселений эпохи неолита-бронзы по рр. Берестовой и Берестовеньке (В-Бучкова, Обазовка и др.) /148,с.66/. Наиболее ярким открытием полевого сезона 1927 г. стало выявление раннепалеолитического местонахождения в ур. Кащеева круча у сл. Жовтневая и Кременная (рис. 5) у с. Ивановка на р. Орельке /149,с.254-256/. Разведками А. К. Тахтая в Поворсклье выявлен ряд позднеолитических (хут. Марки, Яцынова Слободка), черняховской культуры (Флоровка) и древнерусского времени (Руновщина) поселений / 141,с.283-289; 149,с.250-256/.

Созданная при участии М. Я. Рудинского программа комплексного („Монографического") изучения отдельных районов Полтавской округи начала воплощаться в жизнь лишь в отношении бывшего Опошнянского района. Она включала в себя разностороннее изучение территории в археологическом, геологическом, историческом, этнографическом и др. отношениях силами сотрудников музея /150,с.50/. В этих работах в 1927-1928 гг. принимал участие и А. К. Тахтай, осуществивший обследованиеБольшого Бельского, глинских и опошнянских городищ и открывший несколько поселений эпохи энеолита-бронзы у Опошни /148,с.66/.

Осенью 1927 г. под руководством Н. Е. Макаренко музеем исследуется несколько жилищ и хозяйственных ям на селище в ур. Зруб у с. Головач Полтавского района /16,с.16; 141,с.288-289; 151,с.4/. Эти раскопки явились одни из первых на поселениях скифского времени в Поворсклье /16,с.16/.

Освещая разностороннюю исследовательскую деятельность А. К. Тахтая нельзя не заметить, что она уже заранее была предопределена М. Я. Рудинским, хорошо знавшим степень изученности памятников края. Опека одного

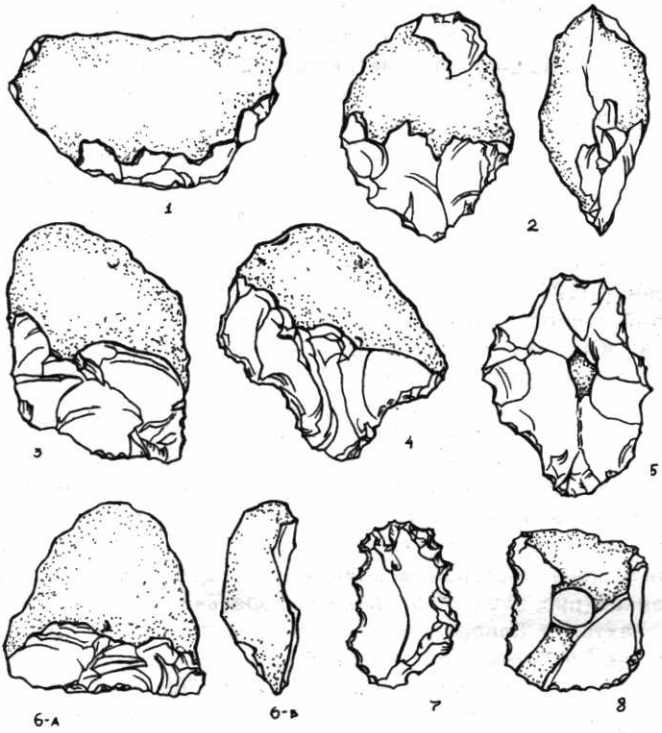


Рис. 5. Материалы эпохи палеолита из ур. Кащеева круча у с. Ивановка на р. Орельке. Кремень. По А. К. Тахтаю (1928 г.).

из руководителей ВУАКа и его внимание к исследовательской деятельности Полтавского музея тяготили А. К. Тахтая. И об этом он неоднократно писал С. С. Гамченко /152/. В конце-концов А.К. Тахтаю была предоставлена определенная самостоятельность в ведении работ, хотя в 1929 г. археологические разведки, из-за отсутствия средств, были вовсе свернуты дирекцией музея /153,л.24/. Завершающим „аккордом" масштабных работ первого послереволюционного десятилетия стало обследование А. К. Тахтаем и Я. Рыженко выявленного случайно в 1928 г. богатого погребения кочевника перещепинского типа у с. Зачепиловка, неподалеку от пос. Новые Санжары /154; 155,л.279-280 об./. Лишь благодаря своевременным действиям А. К. Тахтая Зачепиловский комплекс был сохранен для исследователей /156,с.158-166/.

Подводя итоги „взлету" археологической деятельности Полтавского музея в первое десятилетие Советской власти следует отметить, что в результате этих работ количественно удвоилось археологическое собрание, была создана новая экспозиция, началась работа по составлению археологической карты Полтавщины. Археолгами музея – М. Я. Рудинским, В. М. Щербаковским, А. К. Тахтаем – были обнаружены новые местонахождения эпохи позднего палеолита, поздненеолитические поселения, селища скифского времени и черняховской культуры, курганные могильники в Поворсклье, выявлены первые памятники салтовской культуры в Поорелье /16,с.16/. В эти годы при музее продолжало функционировать Научное общество охраны и исследования памятников старины и исскуства на Полтавщине, в работе которого археологическая тематика занимала одно из ведущих мест /157,с.227-231; 158,с.У-XIУ/. Следствием успешной деятельности талантливого коллектива исследователей и пропагандистов музея была активизация его издательской деятельности, выразившаяся в публикации путеводителя по археологическому отделу /56,25с./, „Записок" Общества /159, 110+16с.; 160/, двух томов „Сборника к 35-летию Музея" /161, 420с.; 162, 295с./ и др. изданий /163, 66с./.

С переходом А. К. Тахтая в 1929 г. в состав Днепрогэсовской экспедиции Наркомпроса УССР /164,с.13/ музей остается без археолога /153,л. 24/. Частая смена руководства приводит к тому, что сначала часть ярких материалов раскопок В. М. Щербаковского (в том числе в Гонцах), не прошедших инвентаризацию, а затем и находок А. К. Тахтая – была выброшена /153,л.24/. Позже к работе в отделе археологии привлекаются молодые исследователи, в разной мере использовавшие имеющиеся возможности для проведения археологических исследований. Так, работавший в 1930-1931гг. археологом музея И. М. Самойловский проводит небольшие разпедки по левому берегу р. Днепра /165,с.1-13/ и раскапывает один из курганов в составе могильника древнерусского времени у с. Березовая Рудка Пирятинского района /166,л.5/. Е. Н. Рогова, прибывшая из Ленинграда после его ухода, за несколько месяцев 1930-1931 гг. „полностью разрушила экспозицию" М. Я. Рудинского /153,л.24 об./. Исправлением неудавшихся новаций и сверкой собрания с начала 1932 г. по март 1933 г. занимался А. В. Добровольский /153,л.24 об./. В сложный период с октября 1933 г. по

март 1935 г. археологом музея был С. М.Синицын /167/, также осуществивший вынужденную попытку создания новой экспозиции, не выдержавшей критических замечаний И. Ф. Левицкого /153,л.24 об./. Разъединение комплексов, путаница с новой маркировкой, возникшая в ходе спешки при ее создании, и до сего дня затрудняет восстановление атрибуций наиболее значимой части собрания. Интересно, что в создании экспозиции археологических залов музея посильную помощь оказывал искусствовед, этнограф и поэт Н. Х. Онацкий, работавший заведующим отделом феодализма /168, с.14/.

Лишь с приходом художника и краеведа Н. А. Стана в 1939 г. археологическая исследовательская деятельность музея начинает возобновляться. Н. А. Стан, в свободное время, совершает разведки в окрестностях Полтавы, выявив ряд поселений – эпохи позднего неолита, бронзы, черняховской культуры в ур. Рогизна, скифского времени – у сс. Нижние Млины, Вакуленцы и Патлаевка, посещает Белую Гору и окрестности с. Макуховка /18,с. 41/. После знакомства с П. Н. Третьяковым, Н. А. Стан с 1940 г. занимается обследованием Нижнего и Среднего Поворсклья, осуществляет разведки по р. Коломак /153,л.25/. Он осматривает городища у с. Опошни и на Соборной площади Полтавы /171,с.122-123/, на ст. Свинковка (с. Новоселовка) Полтавского района проводит доследование погребения черняховской культуры /143,с.172; 169,с.4; 170,с.4/. В 1941 г. Н. А. Стан получает открытый лист на разведки по Нижней Ворскле и со школьниками осуществляет обследование ряда памятников – курганов, поселений и майданов /171, с. 122-123/. Дневник его разведки прерывается 22 июня 1941 г. в ур. Шпиль у с. Днепрово-Каменка на правом берегу Днепра, где Н. А. Стан узнал о начале войны /172,с.1-31/.

Лаборантом в отделе Н.А. Стана начинала свой трудовой путь одна из наиболее ярких представительниц археологического краеведения Полтавщины Г. А. Сидоренко /173,с.7/. Если в 1939-1941 гг. ей довелось лишь несколько раз принять участие в однодневных археологических экскурсиях, то в последующие годы от нее во многом зависела судьба собрания музея /174,с.15/.

В годы временной фашистской оккупации коллекции музея сохранялись несколькими оставшимися здесь сотрудниками. Среди них были Г. А. Сидоренко и В. И. Довженок /153,л.25-25 об./. Но даже их походы в близлежащие села с целью обмена вещей на продовольствие в это время, все же, сопровождались поисками археологических материалов. Так, в 1942 г. было осуществлено обследование поселений эпохи неолита-бронзы у сс. Вакулинцы и Марки под Полтавой /153,л.25 об./, а из с. Лукищина привезена часть обнаруженного там случайно клада римских денариев, зарытого в III-IУ вв. /175,с.72, № 796/. В. И. Довженок и Г. А. Сидоренко прилагали все усилия для срыва вывоза в Германию археологического собрания музея, часть же материалов утаили от оккупантов /176,с.45,прим./.

Первым, кто пришел на место еще тлевшего здания, подожженного эсесовцами в сентябре 1943 г., была Г. А. Сидоренко /4,с.3-4/. На нее, в основном, легли хлопоты сохранения выявленного под обломками здания, сбора

новых материалов. В. И. Довженок вскоре был призван в Советскую армию /153,л.25 об./, а Н. А. Стан погиб на фронте в 1943 г. под г. Красноградом /171,с.122/. Учеба в вузе, работа по воссозданию музея едва давали возможность Г. А. Сидоренко заниматься полевыми исследованиями. И хотя в планировании исследовательских работ принимал участие М. Я. Рудинский, в то время ученый секретарь ИА АН УССР /177,л.12; 178,л.27/, полевая деятельность отдела археологии уступила место собирательской. Но, несмотря на это, Г. А. Сидоренко приняла участие в проведении разведок по р. Коломак и Нижней Ворскле в 1945-1946 гг. в составе экспедиции ЛОИА АН СССР во главе с И. И. Ляпушкиным /179,л.35-41; 180,л.50-68; 181,л.59-59 об./, высоко ценившем старательность и ответственность полтавского коллеги.

В 1948-1954 гг. Г. А. Сидоренко были детально обследованы окрестности Полтавы. Материалы с археологических памятников Полтавского района стали основой послевоенного собрания музея. В 1953 г.Г. А. Сидоренко было осуществлено обследование места находки разрушенного сарматского погребения I-II вв. в с. Павловка Кобелякского района /182,с.244-245/, в конце 1950-х гг. – известного погребения предскифского времени в кургане у с. Бутенки того же района /183,с.66-72/, в 1964 г.введен в оборот комплекс кургана скифского времени у с. Крячковка Пирятинского района /184,с.191-194/. Г. А. Сидоренко принимала участие в преобладающем большинстве академических экспедиций, проводивших исследования на Полтавщине в 1952-1977 гг., поддерживала контакты со множеством археологов /18,с.41/. После упразднения в 1948 г. отдела археологии, вся работа, связанная с археологической тематикой, велась в отделе истории дооктябрьского периода, который возглавляла Г. А. Сидоренко. На протяжении более чем 30 лет она производила сбор материалов для археологической карты Полтавской области, которая увидела свет в 1982 г., но включала лишь часть собранных ею данных /14,107с./.

В 1973-1974 гг. научным сотрудником музея С. П. Юренко в составе экспедиции ИА АН УССР „Днепр-Донбасс" производились охранные раскопки поселений эпохи энеолита-бронзы, зарубинецкой и пеньковской культур у сс.Богатое Новомосковского и Чернещина Магдалиновского районов Днепропетровской области /185,с.167-169/. На последнем селище вскрыта площадь 400 кв.м., исследовано 27 хозяйственных ям и 4 жилых сооружения типа полуземлянок /186,с.376-377/.

В 1977 г. в музее начала работу Новостроечная экспедиция, исследовавшая курганы в зонах мелиоративного и дорожного строительства. За 1977-1986 гг. экспедицией под руководством Л. Н. Луговой исследовано 50 курганов в бассейне рр. Ворсклы и Псла, содержавших около 140 погребений от эпохи энеолита до позднего средневековья /17,с. 39; 187,с.3/. В 1987-1989 гг. экспедицией исследовано еще более 30 курганов, большинство из которых находилось в зоне возведения Градижской оросительной системы в Глобинском районе. Этой экспедицией также произведены охранные работы на поселении эпохи неолита и бронзового века у хут. Марки под Полтавой, где исследованы остатки грунтового могильника (?)

бондарихинской культуры /188,с.41-42/ и участки культурного слоя поселения, открыты и обследованы остатки поселений середины – третьей четверти I тыс. н.э. у с. Манжелия Глобинского района и позднего неолита-энеолита, бронзы, зарубинецкой и пеньковской культур в ур. Топиршки у с. Прилипка Козельщинского района /189,с.263-264/.

Ниже приводим список курганных памятников, исследованных на Полтавщине Новостроечной экспедицией музея за 1977-1989 гг. (Таблица 1).

Таблица 1

Список курганов, исследованных в 1977-1989 гг. Новостроечной экспедицией музея (рук. Л. Н. Луговая)

№ п-п	населенный пункт	район области	река	год исследований	количество курганов
1	с. Малое Ладыжино	Полтавский	Ладыжинка	1977	4
2	с. Светлогорское	Кобелякский	Днепр	1978	2
3	с. Светлогорское	Кобелякский	Днепр	1979	1
4	с. Бабичевка	Глобинский	Днепр	1979	3
5	с. Орлик	Кобелякский	Ворскла	1980	3
6	с. Красное	Кобелякский	Ворскла	1980	1
7	с. Васильевка	Диканьский	Ольховая Говтва	1981	8
8	с. Ламаное	Глобинский	Псел	1981	1
9	с.Шевченково	Решетиловский	Говтва	1982	1
10	с. Прилипка	Козельщинский	Псел	1983	7
11	с. Байрак	Великобагачанский	Псел	1983	3
12	с. Манжелия	Глобинский	Псел	1983	1
13	с. Прилипка	Козельщинский	Псел	1984	2
14	с. Белики	Кобелякский	Ворскла	1984	2
15	с. Михайлики	Полтавский	Полузерье	1985	1
16	с. Барановка	Шишакский	Псел	1986	7
17	с. Яроховка	Диканьский	Говтва	1986	3
18	с. Бондари	Кременчугский	Псел	1987	1
19	с. Белецковка	Кременчугский	Днепр	1987	1
20	с. Ракитное	Кременчугский	Псел	1987	1
21	Градижская ОС (с. Кагамлык – с. Тимашовка)	Глобинский	Днепр	1988	25
22	с. Мушты	Решетиловский	Говтва	1988	1
23	с. Кириленки	Кременчугский	Днепр	1989	1
24	Градижская ОС (с. Кагамлык – с. Пелеховщина)	Глобинский	Днепр	1989	4
	Всего:				**84**

Обследование Нижнего Поворсклья и Посулья осуществлял в 1982-1986 гг. разведотряд музея под руководством А. Б. Супруненко /187,с.3/. В ходе работ в Поворскльe открыт ряд поселений и местонахождений лисогубовской культуры (Пристанционное, ур. Рубайчин бугор; Кустоловы Кущи III и VIII) и неолита ямочно-гребенчатой керамики (Клюшники I; Головач, ур. Пинчуковы Горбы; Ткаченково; Пристанционное I и II; Новые Санжары, пионерлагерь „Фонтан"; Кустоловы Кущи III, VI и VII) /190,с.13-37; 191,с.2-14; 192,с.59-64; 193,с.34-35/. На нескольких памятниках выявлена керамика эпохи энеолита (Головач I; Клюсовка, ур. Татарский бугор; Новые Санжары; Кустоловы Кущи III,IV и V и др.), обнаружены поселения со слоями позднеямного времени (Крутой Берег; Полтава, база „Вторсырье"; Безручки II; Головач I и II), культуры многоваликовой керамики (Крутой Берег; Кустоловы Кущи III и др.) и бондарихинской культуры (ур. Белая Гора; Головач, ур. Пинчуковы Горбы; Кустоловы Кущи VI; Пристанционное, ур. Рубайчин бугор; Григоро-Бригадировка, ур.Овчаренки) /194,с.13-15; 195,с.25-26; 196,с.361; 197,с.418; 198,с.268/. Своеобразным открытием, дополняющим представление о распространении памятников раннескифского времени, стало выявление таких объектов не левобережных песчаных террасах Ворсклы, где сохранились следы интенсивной хозяйственной деятельности VII-VI вв. до н.э. в виде поселений у сс.Клюшники II; Лукищина II;Головач, ур. Пинчуковы Горбы; Пристанционное I и II /199,с.74-75/. Следует также отметить выявление на разновременных памятниках слоев с лепной керамикой середины – третьей четверти I тыс. н.э. (Безручки I и III; Лукищина I и II; Головач II; Левобережная Соколка) /196,с.362/, отдельных фрагментов круговой древнерусской посуды на пунктах Писаревка, ур. Паньковка и Жирки I /200,с.337/. Работы в Нижнем Поворскльe продолжены музеем в 1989 г. (см. статью в настоящем сборнике В. А. Мокляка).

В Посулье разведотрядом музея обследована округа городища летописного г. Снепорода у с. Мацковцы Лубенского района /201,с.10/, где выявлено около 50 разновременных памятников /202,с.49-50/. Наиболее ярким открытием в Нижнем Посулье было обнаружение поселения эпохи мезолита в ур. Слободка и Данилов островок у с. Вязовок /196,с.361-362; 203,с.21-22; 204,с.18-19; 205,с.22-26/, обследование поселений эпохи энеолита-ранней бронзы в ур. Гапусенков горб и Струлева Гора между сс. Мацковцы и Мацкова Лучка /206,с.312/. Результаты этих разведок опубликованы /207,с.149-153; 208,с.7,8/. Из раскопок в Лубенском районе назовем охранные исследования Посульского „змиевого" вала у с. Вязовок, где впервые для Левобережья в массиве фортификационного сооружения обнаружена деревянная конструкция в виде ряда клетей /209,с.276/.

В нижнем течении Псла у сс. Засулье и Остапье Великобагачанского района отрядом открыто несколько поселений эпохи позднего неолита, бронзы, середины – третьей черверти I тыс. н.э., роменской культуры и XII-XIII вв. /90,с.48-58; 196,с.362/, доследовано место находки клада западноевропейских монет в ур. Стар э, зарытого в середине 1660-х гг. /210,с. 56; 211,с.172-174/.

В 1983-1988 гг. А. Б. Супруненко произведены охранные раскопки

полуразрушенных курганов у сс. Лахны и Малые Солонцы Новосанжарского /190,с.45-47; 212,с.28-33/, Васильевка Кобелякского /213,с.6-19/, Стенка Чутовского /212,с.28-29/ районов, исследован курган ямной культуры у с. Федоровка Карловского района /66,с.14-15,27-35/, рядом с которым был обнаружен Федоровский идол /214,с.45; 215/. В период полевого сезона 1989 г. исследованы курганы эпохи энеолита-бронзы у сс. Александровка Чернухинского и Ливенское Новосанжарского районов, 2 кургана скифского времени у с. Мгарь Лубенского района /65/.

Раскопки курганов могильника скифского времени у с. Олефирщина Диканьского района в 1985, 1988-1989 гг. вела Скифская экспедиция музея во главе с И. Н. Кулатовой /173,с.6/. Некрополь крупного селища /22,с.53; 216,с.248/, расположившийся у развилки древних дорог на Бельское и Кнышевское городища на водораздельном плато рр. Ворсклы и Ольховой Говтвы /150,с.50-52/, представляет собой интерес как, видимо, единовременно возникший комплекс погребальных сооружений У-IУ вв. до н.э. В настоящее время исследовано 7 курганов с погребениями в прямоугольных ямах, перекрытых бревенчатым накатником, оставленных ворсклинским земледельческим населением скифского времени.

Общим итогом работ конца 1970-1980 гг. стало выявление целого пласта, в целом уже известных, но еще слабо изученных древностей среднеднепровских левобережных предстепий Полтавщины. В ходе раскопок Выявлены древнейшие подкурганные захоронения в Поворсклье, „очерчивающие" северную границу массива „вытянутых" постмариупольских погребений Левобережья /217,с.37-38, рис.1/ (Васильевка,к.I,п.2; Ливенское, к.I,п.11; М. Ладыжино,к.4,п.2), одно из которых сопровождалось уникальной чашей (Орлик,к.2,п.1) /17,с.39; 218,с.53-57/. О глубоком проникновении степных племен эпохи энеолита в лесостепь свидетельствует находка постмариупольского погребения в кургане в Правобережном Посулье, на границе с Черниговской областью (Александровка,к.1,п.5) /219/.

Наиболее массовыми явились материалы ямной культурно-исторической общности, представленные не только погребальными памятниками, но и поселениями, в том числе с культурным слоем /196,с.261-262; 198,с.268; 220,с.9,12/. Яркими памятниками погребальной культовой архитектуры ямного времени явились курганы у с. Александровка Чернухинского и Васильевка Кобелякского районов, сооружения, возведенные в несколько этапов из дерновых вальков /65; 213,с.8-11/. Обращает на себя внимание погребение расчлененного подростка с изломанным деревянным посохом в кургане у с. Ливенское Новосанжарского района.

Работами музея открыты пока что малочисленные на Полтавщине погребения катакомбной культуры (Барановка,к.2,п.3 и 6; Стенка,к.4,п.1;к.9, п.2; Федоровка,к.1,п.3; Яроховка,к.3,п.6 и 9) /17,с.39; 212,с.28-30,рис.4,**6-7, 9-11**/, вместе с отдельными находками /221,с.133-135, рис.5,**1-3**/ проливающие свет на культурно-историческую обстановку в междуречье Псла и Орели в финальный период раннебронзового века. Особняком стоит единственное из открытых парное погребение среднеднепровской культуры в кургане у с. Васильевка (к.7,п.3) /222,с.282/, относящееся к редким памятни-

кам, принадлежащим представителям родо-племенной аристократии, и отражающим контакты среднеднепровского населения с племенами катакомбной культурно-исторической общности /223,с.23-25/.

В ряде курганов выявлены погребения культуры многоваликовой керамики, в том числе сопровождавшиеся костяными пряжками /224/. Особый интерес представляют комплексы, в которых обнаружены двурожковые фаянсовые бусы (Белики,к.1,п.3; Михайлики,к.1,п.3) /17,с.39-40; 225,с.264/. Одним из наиболее ярких памятников этого времени явился стратифицированный курган у с. Михайлики Полтавского района, в котором прослеживается тесная культурно-хронологическая близость между погребениями культуры многоваликовой керамики и срубной культуры /17,с.40/ (см. статью Л. Н. Луговой и Ю. А. Шилова в настоящем сборнике).

В результате работ значительно выросло количество известных памятников срубной культурно-исторической общности на Полтавщине. Погребения срубного времени были выявлены в курганах на берегах Псла (Байрак, Барановка, Прилипка) /17,с.40; 225,с.263; 226,с.307/, Ворсклы и Орчика /66,с.28-29,30-31/. Ряд погребений сопровождался орудиями – ножами с ромбическим расширением и выемкой в основании рукояти (Байрак,к.1,п.1; к.3,п.1 и др.) /227,с.18-19,№№ 60,62/. Находки погребений в курганах на правобережье Псла, срубной керамики в Нижнем Посулье /228,с.48,49/ ставят вопрос о „расширении" территории обитания этих племен /229,с.51,рис.14/ до р. Сулы на северо-западе.

Круг памятников скифского времени пополнился первым из полностью исследованных могильников VI-V вв. до н.э. в междуречье рр. Псла и Ворсклы у с. Васильевка Диканьского /230,с.6-8/, комплексами кургана VI в. до н.э. у с. Барановка Шишакского /231,с.105-106/ и богатого кургана V в. до н.э. у с. Мгарь Лубенского районов. Планируемое полное исследование могильника у с. Олефирщина Диканьского района, несомненно, станет весомым вкладом в изучение погребальных памятников Поворсклья скифского времени. Определенный интерес представляет пока единственное в Поворсклье погребение скифа-номада V в. до н.э., обнаруженное в кургане у с. Орлик Кобелякского района (к.3,п.1) /17,с.40-41; 232,с.275/.

Исследованиями музея выявлена и группа погребальных памятников среднесарматского времени (Баранова,к.2,п.4;к.4,п.1; М. Ладыжино,к.4,п.1; Орлик,к.1,п.1; к.3,п.3; Яроховка,к.2,п.2 и 4) /233,с.111-112; 234/. Женское погребение II-I вв.до н.э. из кургана у с. Ливенское (к.1,п.1) фиксирует ранний этап освоения полтавской левобережной лесостепи сарматами.

Завершая обзор открытий последнего десятилетия, нельзя не отметить находку единственного кочевнического комплекса VIII-IX вв. из кургана у с. Твердохлебы Кобелякского района /235,с.418/ с материалами, близкими древневенгерским древностям Поволжья и Карпатского региона /236,с.179/. А исследование курганов в зонах возведения оросительных систем на левом берегу р. Днепр очертило район печенежских кочевий X-XI вв., отмеченных группой захоронений у вершин курганов эпохи бронзы с характерным обрядом погребения и инвентарем (Бабичевка,к.2,п.3; Кагамлык,к.5, п.1; Орлик,к.1,п.3; Петрашевка,к.6,п.1; Светлогорское,к.1,п.1; Тимашовка,

к.1,п.1) /237,с.72-75,рис.12/.

Следует также отметить значительную по объему исследовательскую работу, произведенную археологами музея в ключе подготовки „Свода памятников истории и культуры Полтавской области" /238,с.8-9; 239,с.7-8; 240,с.54-58; 241,с.93-94/.В результате сплошных разведок на территории практически всех районов области картографировано около 4000 курганов, осмотрено более 300 стоянок, поселений и городищ /242,с.5-6/. Впервые получены более или менее полные данные об археологических памятниках края, которые уже используются в памятнико-охранной деятельности. Результаты сплошных исследований войдут в археологическую часть „Свода", а отдельные (по районам) разделы этих работ уже начали публиковаться в серии справочников „Археологические памятники Полтавщины" /66,80с.; 220,24с.; 243, 20с./. Своеобразным итогом работ по подготовке „Свода" стало уточнение числа курганов в отдельных группах, проверка сохранности наличия ряда памятников, осуществленная совместно с сотрудниками правления областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры /244,с.16-17/. Характерным примером этого рода деятельности, имеющей немаловажное значение для конкретных исторических построений, стало исключение из списков памятников нескольких несуществующих городищ, появившихся на археологических картах /245,с.107/ вследствие ошибок: у сс. Балаклея Великобагачанского, третьего городища у с. Хитцы Лубенского и с. Шедиево Новосанжарского районов /14,с.40, 71,76/.

В последние годы музей принимал участие в работе комплексных экспедиций ИА АН СССР, ИА АН УССР – Посульской, Славяно-Русской Левобережной, „Славутич", на трассе газопровода Уренгой-Помары-Ужгород (рук. Моргунов Ю. Ю., Сухобоков О. В., Телегин Д. Я., Чередниченко Н. Н., Шилов Ю. А.) /17,с.41/, изучавших различные памятники Полтавщины. Итоги этих работ нашли отражение в опубликованных /202,с.49-50; 209,с.274-276; 221,с.131-136/, готовящихся к выходу в свет и предлагаемом читателю изданиях.

Таким образом, исследования на Полтавщине дали яркий и важный археологический материал, имеющий первостепенное значение для последующих исторических реконструкций. Введение его в научный оборот, интерпретация и дальнейшее изучение – первоочередная задача археломузея. Вещественный материал, добытый исследователями, значительно расширил собрание. Его обилие и разнообразие сделало возможным совершенствование не только экспозиции, но и улучшение выставочной деятельности.

Введению полученных в ходе исследований материалов в оборот, интерпретации находок, обмену опытом служат ставшие традиционными в музее научно-практические семинары „Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины" /246,48с.; 247,131с.; 248,198с./, другие научные конференции с участием археологов музея /249,64с.; 250,с.100-117; 251,с. 284-285; 252,с.42; 253,с.69; 254,с.159-160/, издаваемые каталоги находок /227,56с./, путеводители /19,16с./ и т. п.

В настоящее время археологические исследования в Полтавском краеведческом музее ведут научно-исследовательские Отдел археологии и сектор памятников археологии Отдела охраны памятников. Эти работы проводятся как на средства заказчиков, так и на деньги спонсоров, бюджетные ассигнования. Надеемся, что в дальнейшем, исследовательская деятельность музея, имеющая вековую историю, несомненно, будет продолжаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Риженко Я.** Полтавський державний музей. Історичний огляд //Збірник, присвячений 35-річчю Музею. – Полтава, 1928. – Т. І.
2. **[Олеховский М. А.]** Полтавский земский Естественно-исторический музей. – Полтава, 1892.
3. **Супруненко О. Б.** Археологічне зібрання К. М. Скаржинської //Тези доп. і повідомл. першої Полтавської наук. конф. з історич. краєзнавства. – Полтава, 1989.
4. **Супруненко А. Б.** Памятники древнеегипетского искусства в собрании Полтавского краеведческого музея: Каталог выставки. – Полтава, 1986.
5. **Каталог** археологического отдела Полтавского музея //Фонды ПКМ. – Рукопись. – Т. 1,2 и 3.
6. **Діяльність** музеїв //ЗУНТ. – Полтава,1919. – Вип. 1.
7. **Рудинський М.** Археологічні збірки Полтавського музею //Збірник, присвячений 35-річчю Музею. – Полтава, 1928, – Т.І.
8. **Археологія.** – К.: Вид-во АН УРСР, 1947. – Вип.1.
9. **Рудинський М. Я.** Лист до Полтавського музею від16 лютого 1945 р. //НА ПКМ. – Од. зб. 03-19.
10. **Гавриленко М. І.** До історії археологічного відділу Полтавського Республіканського історико-краєзнавчого музею //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-19.
11. **Гавриленко М. І.** Вказ. робота. //НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 68.
12. **Шовкопляс І. Г.** Розвиток радянської археології на Україні (1917-1966). Бібліографія. – К.:Наук. думка, 1969.
13. **Шовкопляс І. Г.** Археологічні дослідження на Україні (1917-1957). – К.: Вид-во АН УССР, 1957.
14. **Сидоренко Г. О., Махно Є. В., Телегін Д. Я.** Довідник з археології України. Полтавська область. – К.: Наук. думка, 1982.
15. **Кулатова И. Н., Супруненко А. Б.** М.Я. Рудинский и Полтавский краеведческий музей //Обл. науч. – практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд.М. Я. Рудинского./Тез. докл. и сообщ. – Полтава,1987.
16. **Супруненко А. Б.** Археологические исследования Полтавского музея в первые годы советской власти //Там же.
17. **Луговая Л. Н.** Археологические исследования Полтавского краеведческого музея (1977-1986 гг.) //Там же.
18. **Супруненко А. Б.** 75 лет археологических исследований Полтавского краеведческого музея //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. – практ. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1988.
19. **Супруненко А. Б.** Экспозиция по археологии Полтавщины: Путеводитель. – Полтава: Облполиграфиздат, 1988.
20. **Супрненко О.** Іван Зарецький – археолог і музейний працівник //Народне мистецтво полтавщини. /Тези доп. і повід. наук. – теорет. конф., присвяч. 70-річчю Полтавського художнього музею. /1-2 червня 1989 р. – Полтава, 1989.
21. **Выставкина Н. М.** Из переписки И. А. Зарецкого //Охорона і дослідження

пам'яток археології Полтавщини: Третій наук. – практич. семінар. /Тез. доп. – Полтава, 1990.
22. **Ковпаненко Г. Т.** Племена скіфського часу на Ворсклі. – К.:Наук. думка, 1967.
23. **Багалей Д. И.** Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии //Труды ХП АС. – М., 1905. – Т.І.
24. **Балясный К. А.** Письмо И. В. Суслову от 2 апреля 1889 г. //Архив ЛОИА АН СССР. – Ф. І. – 1889. – Ед. хр. 29.
25. **Переписка** И. А. Зарецкого о продаже коллекции //Архив ЛОИА АН СССР. Ф. І. – 1889. – Ед. хр. 29.
26. **Багалей Д. И.** Заметка об альбоме Украинских древностей И. А. Зарецкого //Киевская старина. – 1888. – № 12.
27. **Уварова П. С.** Отчет по XII Археологическому съезду //Древности. Труды императорского Московского археологического общества. – М., 1904. – Т. 20. – Вып. II. – Приложение к протоколу № 583.
28. **Зарецкий И. А.** Записка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевка //Харьковский сборник. – Харьков, 1888. – Вып. 2.
29. **Зарецкий И. А.** Украинские древности. Альбом. //Библиотека ГИМ СССР. – 1888.
30. **Кулатова І. М., Супруненко О. Б.** Краєзнавча діяльність І. А. Зарецького //IУ Республ. наук. конф. з історичного краєзнавства. /Тез. доп. і повідом. – К., 1989.
31. **Бучневич В.** Полтавские подземелья 'мины/ //Полтав. губ. ведомости. – 1891. – № 55. – 20 июля. – С. 2.
32. **Щербачев Ю.** Раскопки близ с. Мануйловка Кременчугского уезда Полтавской губернии в 1887-1889 гг. //Древности. Труды Московского императорского археологического общества. – М., 1894. – Т.ХУ. – Вып. 2.
33. **Естественно-**исторический музей Полтавского губернского земства: Описание коллекций. – Полтава, 1899.
34. **Кулатова І. М., Супруненко О. Б.**Археологічні дослідження І. А. Зарецького в Полтаві //Охорона и дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій наук. – практич. семінар. /Тез. доп. – Полтава, 1990.
35. **Семенов А. И.**К реконструкции состава Макуховской находки: /из истории изучения памятников перещепинского круга/ //СГЭ. – Л.: Аврора, 1986. – Вып.51.
36. **Зарецкий И. А.** Гончарный промысел в Полтавской губернии. – Полтава, 1894.
37. **Зарецкий И. А.** Гончарная мастерская Полтавского губернского земства в м. Опошне //Приложение к Отчету Полтавской губернской земской управы за 1895 год. – Полтава, 1896.
38. **Павловский И. Ф.** Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII ст. – Полтава, 1912.
39. **Свидетельство** № 531 от 28 марта 1899 г. на имя И. А. Зарецкого на право проведения охранных исследований в зоне строительства железной дороги Полтава-Киев //Архив И. А. Зарецкого. – Фонды ПКМ. – ПКМ 66121, Д 8884/7.

40. **Зарецкий И. А.** Редкая находка. 1908 г. //Архив И. А. Зарецкого. – Фонды ПКМ. – ПКМ 66121, Д 8884/52.
41. **Отчет** Естественно-Исторического музея Полтавского губернского земства за 1908 г. – Полтава, 1909.
42. **Николаев Н. Ф.** Путеводитель по Музею Полтавского губернского земства: Объяснение коллекций геологического отдела и Исторический очерк музея. – Полтава, 1915.
43. **Зарецкий И. А.** Результаты пробной раскопки в урочище Мечеть, Кобелякского у. //Труды ПУАК. – Полтава, 1912. – Вып. 9.
44. **Макаренко Н.** Перещепинский клад: /Предварительное сообщение/ Отдельный оттиск. – Пг., 1913.
45. **Бобринский А. А.** Перещепинский клад //МАР. – № 34. – Пг., 1914.
46. **Бобринский А. А.** Телеграмма И. А. Зарецкому от 10 июня 1912 г. //Архив И. А. Зарецкого. – Фонды ПКМ. – ПКМ 66121, Д 8884/31.
47. **Зарецкий И. А.** Клад, найденный при селе Малая Перещепина Константиноградского уезда Полтавской губернии //Труды ПУАК. – Полтава, 1912. – Вып. 9.
48. **Гололобов Я. Г.** Записка И. А. Зарецкому с приглашением присутствовать при вскрытии сейфа с Малоперещепинскими вещами от 16 июня 1912 г. //Архив И. А. Зарецкого. – Фонды ПКМ. – ПКМ 66121, Д 8884/32.
49. **Смиленко А. Т.** Пам'ятки типу Мала Перещепина //Археологія Української РСР. – К.: Наук. думка, 1975. – Т. 3.
50. **Семенов А. И.** Утраченные предметы памятников перещепинского круга //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч.-практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
51. **Семенов О. І.** Пам'ятки перещепинського кола. Можливості етичної атрибуції //Тез. доп. і повід. першої Полтавської наук. конф. з історичного краєзнавства. – Полтава, 1989.
52. **Семенов А. И.** К реконструкции состава комплексов перещепинского круга //АС ГЭ. – Л.: Искусство, 1986. – Вып. 27.
53. **Амброз А. К.** О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации //Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков. – М.:Наука, 1982.
54. **Зарецкий И. А.** Клад, найденный при селе Малая Перещепина Константиноградского уезда Полтавской губернии. – Полтава: ПУАК, 1912.
55. **Архив** Д. М. Щербаковского //НА ИА АН УССР. – Ф. 9. – Ед. хр. 162.
56. **Щербаківський В.** Провідник по археологічному відділу Полтавського Народного Музея з коротким описом передисторичного життя на Полтавщині. – Полтава, 1919.
57. **Щербаковский В. М.** Раскопки в урочище „Мечеть" возле м. Кишеньки, Кобелякского уезда Полтавской губ. 16 ноября 1913 г. //Архив ЛОИА АН СССР. – Ф. I. – 1912. – Ед. хр. 143.
58. **О раскопках** Н. Ф. Николаева в Полтавской губ. в 1912 г. //Архив ЛОИА АН СССР. – Ф. I. – 1912. – Ед. хр. 143.
59. **Щербаківський В.** Раскопки в урочище "Мечеть" возле м. Кишеньки, Кобелякского уезда, Полтавской губ. //Ежегодник Естественно- Истори-

ческого Музея Полтавского губернского земства. – Полтава, 1913. – Т.І.
60. **Супруненко О.** В урочищі Мечеть //ПУ. – 1984. – № 2.
61. **Егоров В. Л.** Историческая география Золотой Орды в XIII-XIУ вв. – М.: Наука, 1985.
62. **Супруненко А. Б.** Из новых материалов о Ф. И. Каминском //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава., 1989.
63. **О раскопках** И. К. Зинченко //Архив ЛОИА АН СССР. – Ф. І. – 1889. – Ед. хр. 4.
64. **Ильинская В. А.** Скифы Днепровского лесостепного Левобережья: /Курганы Посулья/. – К.: Наук. думка, 1968.
65. **Супруненко А. Б.** Отчет о раскопках на Полтавщине в 1989 г. //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-290.
66. **Супруненко А. Б.** Археологические памятники Карловского района Полтавской области: Каталог. – Полтава, 1990.
67. **Круц В. А.** Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. – К.: Наук. думка, 1977.
68. **Щербаківський В.** Мальована неолітична кераміка на Полтавщині: /З додатком щоденника розкопів/ //Збірник Українського університету в Празі. – Прага, 1923. – Т. І.
69. **Щербаківський В.** Тілопальні точки і мальована кераміка //Трипільська культура на Україні. – К.: ВУАК, 1926. – Вип. І.
70. **Щербаківський В. М.** Могила на хут. Гречаники. Рукопис. //НА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 69.
71. **Щербаківський В** Ліплявський могильник: /Попереднє звідомлення/ // *Niderle sbornik. – Praga,* 1925.
72. **Равдина Т. В.** Погребения с древнерусскими монетами //СА. – 1979. – № 3.
73. **Равдина Т. В.** Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси: Каталог. – М.: Наука, 1989.
74. **Сотникова М. П., Спасский И. Г.** Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X-XI вв. – Л.: Исскуство, 1983.
75. **О раскопках** Музея Полтавского губернского земства в Полтавской губернии в 1913-1914 гг. //Архив ЛОИА АН СССР. – Ф. І. – 1913. – Ед. хр. 342.
76. **Каминский Ф. И.** Следы древнейшей эпохи каменного века по р. Суле и ее притокам //Труды III АС. – К., 1878. – Т. І.
77. **Атлас** к Трудам III АС. – К., 1878.
78. **Феофилактов К. М.** О местонахождении кремневых орудий человека вместе с костями мамонта в с. Гонцах на р. Удае Лубенского уезда Полтавской губ. //Труды III АС. – К., 1878. – Т. І.
79. **Феофилактов К. М.** О местонахождении кремневых орудий человека вместе с костями мамонта в с. Гонцах на р. Удае Лубенского уезда Полтавской губ. //Труды Общества испытателей природы при Харьковском университете. – Харьков, 1875. – Т.IX.
80. **Щербаківський В.** Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенсь-

кого повіту в 1914 і 1915 р. //ЗУНТ. – Полтава, 1919. – Вип. І.
81. **Городцов В. А.** Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. //Труды Секции Археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. – М., 1926. – Т.І.
82. **Левицкий І. Ф.** Гіцівська пізньопалеолітична стоянка //Палеоліт і неоліт України. – К.:Вид-во АН УРСР, 1947.
83. **Сергин В. Я.** Раскопки жилищно-хозяйственного комплекса в Гонцах //АО 1979 г. – М.: Наука, 1980.
84. **Сергин В. Я.** Гонцовское палеолитическое поселение //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч.-практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
85. **Сергин В. Я.** Раскопки в Гонцах //Природа. – 1978. – № 12.
86. **Сергин В. Я.** Раскопки Гонцовского палеолитического поселения //АО 1978 г. – М.: Наука, 1979.
87. **Борисковский П. И.** Палеолит Украины: Историко-археологические очерки //МИА. – № 40. – М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
88. **Спицын А. А.** Курганы скифов-пахарей //ИАК. – Пг., 1918. – Вып. 65.
89. **Щербаківський В. М.** Лист до Д. М. Щербаківського від 29 жовтня 1915 р. //НА ИА АН УССР. – Ф. 9. – Ед. хр. 162. – № 30.
90. **Спицын А. А.** Поля погребальных урн //СА. – 1948. – Х.
91. **О выдаче** Открытого листа на раскопки в Полтавской губ. //Архив ЛОИА АН СССР. – Ф. І. – 1916. – Ед. хр. 124.
92. **Щербаковский В.** Розкопки в с. Липовому Ром. пов. 1916 р. /Полт. губ./ //ЗУНТ. – Полтава,1920. – Вип. 2. – Окремий відбиток.
93. **Кулатова И. Н.** Материалы по археологии Сумщины в собрании Полтавского краеведческого музея //Проблемы археологии Сумщины. /Тез. докл. науч. – практич. конф. – Сумы, 1989.
94. **Самоквасов Д. Я.** Могилы Русской земли. – М., 1908.
95. **Макаренко Н. Е.** Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // ИАК. – 1907. – Вып. 22.
96. **Щербаківський В.** Розкопки в Городищі Лохв. пов. року 1918 //ЗУНТ. – Полтава, 1920. – Вип. 2. – Окремий відбиток.
97. **Звіт** Лохвицького музею за 1923 р. //ГАСО. – Ф. 6434. – Ед. хр. 34.
98. **Городцов В. А.** Археология. Каменный период. – Пг.: Госиздат, 1923. – Т. І.
99. **Рудинський М.** Дюнні стації неолітичної доби з лівобережжя Ворскла: Охтирський повіт на Харківщині //ЗУНТ. – Полтава, 1919. – Вип. 1.
100. **Белозерова Н. В.** Музейная деятельность В. А. Городцова //Наследие В. А. Городцова и проблемы современной археологии: /Труды ГИМ. – М., 1988. – Вып. 68.
101. **Архів** Ф. К. Вовка. //НА ИА АН УССР. – Ф. І. – Ед. хр. В. 361.
102. **Франко О. О.** Народознавчі праці Ф. К. Вовка //НТЕ. – 1989. – № 6.
103. **Щербаківський В.** Українське Наукове Товариство дослідження і охорони пам'яток старовини та мистецтва //Провідник по археологічному відділу Полтавського Народного Музея... – Полтава, 1919.
104. **Історія** Товариства дослідування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині //ЗУНТ. – Полтава, 1919. – Вип. 1.

105. **Щербаківський В.** Охорона пам'яток старовини та мистецтва //Провідник по археологічному відділу Полтавського Народного Музея... – Полтава, 1919.
106. **Засідання** Українського Наукового Товариства дослідування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині //ЗУНТ. – Полтава, 1919. – Вип. 1.
107. **Кот С. И.** Охрана памятников истории и культуры в годы Советской власти //Историко-культурное наследие Полтавщины. – К., 1987.
108. **Шовкопляс И. Г.** Михаил Яковлевич Рудинский //Обл. науч. – практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского: /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
109. **Омельченко В.** Миргородский музей //Збірник, присвячений 35-річчю М Музею. – Полтава, 1928. Т. І.
110. Хранится: НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 61.
111. **Короткі** відомості до історії Полтавського Історико-краєзнавчого музею /1920-1947 рр./ //НА ПКМ. – Ед. хр. 11-3.
112. **Рудинський М. Я.** Чергові завдання археологічних дослідів на Полтавщині. Рукопис. //НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 48.
113. **Карышев В.** Научная экспедиция в м. Яреськи //Вісті /Известия/ Полт. Губ. Виконк. Рад. роб., селянськ. та червоноарм. деп.і Полт. Губ. Кому КП/б/У. – 1922. – 5 січня – № 4 /463/.
114. **Рудинський М. Я.** Історико-археологічні екскурсії під час перебування наукової експедиції в м. Яреських Миргородського повіту: Доповідь. Рукопис. //НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – ЕД. хр. 58.
115. **Рудинський М. Я.** Матеріали до вивчення неолітичної доби сточища р. Ворскла. Стація в ур. Біла Гора під Полтавою – К.: ВУАК, 1926.
116. *Sçerbakiwskij W. Bemerkungen über neue und wenig bekannte paläolithishe Station in der Ukraine // Die Eiszeit. - Leipzig, 1927. - B. IV.*
117. **Зборник** Секції Мистецтв Українського НауковогоТовариства в Києві. – К., 1921.
118. **Борисковский П. И., Праслов Н. Д.** Палеолит бассейна Днепра и Приазовья //САИ. – М.: Наука, 1964. – Вып. А 1-Б.
119. **Черныш О. П.** Карта палеоліту УРСР //Наукові записки інституту суспільних наук АН УРСР. – К.: Вид-во АН УРСР, 1954. – Т. II.
120. **Николаев В. Ф.** К истории Полтавского краеведческого музея //НА ПКМ. – Ед. хр. 11-10/227 [3] р/п.
121. **Рудинський М. Я.** Результати екскурсії в Кременчуцькому та Кобеляцькому повітах 1922 р. Рукопис. //НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 48.
122. **Рудинський М.** Досліди на Полтавщині: Розшуки на Кременчуччині //КЗ ВУАК за 1926 р. – К.: ВУАК, 1927.
123. **Рудинський М.** Матеріали розкопок Тараноярського могильника коло с. Мачухи на Полтавщині // НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 18,28 29, 29а, 30. – /Р 1-4/.
124. **Рудинський М. Я.** Мачухська експедиція інституту археології /1946/. //АП УРСР. – 1949. – Вип. 2.
125. **Ковпаненко Г. Т.** Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині //Археологія. – 1970. – Т. 24.

126. **Рудинський М.** Коротке звідомлення за діяльність Всеукраїнського Археологічного комітету при УАН в галузі археологічних дослідів у р. 1925 //КЗ ВУАК за 1925 р. – К.: ВУАК, 1926.
127. **Гавриш П. А.** Проблема происхождения племен раннего железного века лесостепного Днепровского Левобережья в работах М. Я. Рудинского // Обл. науч. – практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
128. **Ильинская В. А., Тереножкин А. И.** Скифия VII-IV вв. до н. э. – К.: Наук. думка, 1983.
129. **Гороховский Е. Л.** Сарматское погребение в Новых Санжарах на Полтавщине: /О позднесарматских древностях второй половины III в. н. э. в междуречье Дона и Дуная/ //Обл. науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
130. **Кулатова И. Н.** К вопросу о сарматских памятниках на Полтавщине //Охорона і дослідження пам'яток археології Полтащини: Третій наук. - - практич. семінар. /Тез. доп. – Полтава, 1990.
131. НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 50.
132. **Рудинський М. Я.** Кантемирівські могили римської доби //Записки ВУАК. – 1930. – Т. I.
133. **Махно Є. В.** Кантемирівське поселення та могильник полів поховань //АП УРСР. – 1952. – Вип. 3.
134. **Махно Е. В.** Памятники черняховской культуры на территории УССР: /Археологическая карта/ //МИА. – № 82. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
135. **Рудинський М. Я.** Матеріали дослідів на Полтавщині. 1924-1926 рр. //НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 43.
136. **Гороховский Е. Л.** Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. –практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1988.
137. **Супруненко А. Б.** М. Я. Рудинский – организатор охраны и исследования памятников истории и культуры на Полтавщине //Первая Всесоюзная. науч. конф. по историч. краеведению: /Полтава, октябрь 1987 г. – Тез. докл. и сообщ. .-К., 1987.
138. **Шарафутдинова И. Н.** М. Я. Рудинский – археолог и педагог //Обл. науч. – практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
139. **Супруненко А. Б.**А. К. Тахтай – сотрудник Полтавского музея //История и культура Херсонеса и Западного Крыма в античную и средневековую эпохи. /Тез. докл. конф. молодых ученых. – Севастополь, 1987.
140. **Тахтай А.** Звідомлення за подорож на правобережжя р. Коломака в районі ст. Божкове 18 травня 1926 р. //НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 50. – № 566 от 24.05.1926 г.
141. **Тахтай А.** Археологічна робота Музею 1926-1927 р. //Збірник, присвячений 35-річчю Музею. – Полтава, 1928. – Т. I.

142. **Тахтай О. К.** Археологічна Орчанщина в долішньому Лівобережжі. 1926 р. //НА ИА АН УССР. – Ф. ВУАК. – № 109/17.
143. **Ляпушкин И. И.** Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа //МИА. – № 104. – М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
144. **Рудинський М.** Досліди на Полтавщині: Климівка //КЗ ВУАК за 1926 р. – К.: ВУАК, 1927.
145. **Тахтай О. К.** Археологічна Берестовянщина в межах Полтавської округи. Рекогносціровка 1927 р. //НА ИА АН УССР. – Ф.ВУАК. – № 111/14.
146. **Тахтай О.К.** Матеріали до археологічної карти сточища р. Орелі на Червоноградщині //НА ИА АН УССР. – Ф.12.
147. **Тахтай О.К.** Розшуки в поріччі Берестовина і Костянтин-городищі //НА ИА АН УССР. – Ф. 12.
148. **Супруненко А. Б.** К биографии А. К. Тахтая //Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Науч. – практич. семинар: /19-21 апреля 1989 г. /Тез. докл. – Донецк, 1989.
149. **Тахтай О. К.** Передісторичні розшуки в межах Полтавської округи //Антропологія. – 1928. – Т. II.
150. **Кулатова И. Н.** Курганы скифского времени у с. Олефирщина //Обл. науч. – практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
151. **Макаренко М.** Вивчаємо минуле нашої країни //Більшовик Полтавщини. – 1927. – 17 листопада.
152. **Архив** С. С. Гамченко //НА ИА АН УССР. – Ф. 3. – Ед. хр. 182, 185, 186, 229, 230.
153. **Гавриленко І. М.** До історії археологічного відділу Полтавського історико-краєзнавчого музею //НА ИА АН УССР. – Ф. 10. – Ед. хр. 68; НА ПКМ. – Ед. хр. 03-19.
154. **Тахтай О. К.** Ново-Сенжарівський скарб 1928 р. //НА ИА АН УССР. - Ф. ВУАК. – Ед. хр.
155. **Тахтай А.К.** Письмо А. А. Спицыну от 12.10.1928 г. Фото в „корочках" А. А. Спицына //Архив ЛОИА АН СССР. – Ф.5. – Ед. хр. 330.
156. **Смиленко А.Т.** Находка 1928 г. у г. Новые Санжары: /По материалам обследования А. К. Тахтая/ //Славяне и Русь. – М.: Наука, 1968.
157. **Наукове** життя у Полтаві 1914-1924 //Україна. – 1925. – № 1-2.
158. **Про** життя й діяльність Полтавського Наукового при ВУАН Товариства за минулі роки /1919-1927/ //Записки Полтавського Наукового при ВУАН Товариства. – Полтава, 1928. – Вип. 2.
159. **Записки** Українського наукового товариства дослідування й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині. – Полтава, 1919. – Вип. 1.
160. **То же – .** Полтава, 1920. – Вип. 2 – Набор тома был незавершен из-за отсутствия средств. Отдельные статьи изданы в оттисках.
161. **Полтавщина** Збірник. /Упорядн. Філянський М., Риженко Я. – Полтава, 1927. Т. II.
162. **Збірник,** присвячений 35-річчю Музею. – Полтава, 1928. – Т. I.
163. **Екскурсійний** Довідник по Полтаві та Полтавській окрузі. – Полтава, 1927.

164. **Тахтай А.** Невмируща душа Запоріжжя //Україна, – 1988. – №4.
165. **Самойловський І. М.**Звіт за археологічні розвідки року 1930 // НА ИА АН УССР. – Ф.ВУАК. – № 327.
166. **Самойловський І. М.** Лист до музею від 19.03.1963 р. //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-14.
167. **Секерская Н. М.** С. М. Синицын //Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій наук. – практич. семінар. /Тез. доп. – Полтава, 1990.
168. **Ткаченко Б.** Никанор воскреслий //Україна. – 1988. – № 35.
169. **Стан М.** Цінне надбання //Більшовик Полтавщини. – 1940. – № 152. – 4 липня.
170. **Стан М.** Рідкісні експонати //Комсомолець Полтавщини. – 1941. – 1 лютого.
171. **Величко-Березовая А. М.** Н. А. Стан – сотрудник Полтавского краеведческого музея, археолог, художник //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
172. **Стан М.А.** Щоденник шлюпочного походу гуртка юних туристів 26-ї ПСШ: /13.06.41-22.06.41 рр./ //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-8.
173. **Белоус А.П.** Археология в Полтавском краеведческом музее //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
174. **Супруненко О.** Колекція, опалена війною //Соціалістична культура. – 1987. – № 5.
175. **Кропоткин В. В.** Клады римских монет на территории СССР //САИ. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – Вып. Г 4-4.
176. **Махно Е. В.** О некоторых фактах из истории исследования прошлого Полтавщины //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1988.
177. **Рудинский М. Я.** Лист до музею від 16.03.1945 р. //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-19.
178. **Рудинський М. Я.** Лист до музею від 14.06.1945 р. //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-19.
179. **Сидоренко Г. О.** Звіт відділу археології Полтавського історико-краєзнавчого музею про роботу... в м. Полтава та басейні р. Коломак //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-145.
180. **Сидоренко Г. О.** Щоденник роботи учасника Дніпровської розвідочної археологічної експедиції ІІМК АН СРСР... Маршрут м. Полтава – с. Переволочна /лівий берег р. Ворскли/ //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-145.
181. **Сидоренко Г. О.** Пробні розкопки в м. Полтаві на Червоній /Соборній / площі //НА ПКМ. – Ед. хр. 03-19.
182. **Корпусова В. Н.** Новые памятники с сарматскими знаками //МАСП. – 1971. – Вып. 7.
183. **Ковпаненко Г.Т.** Погребение VIII-VII вв. до н.э. в бассейне Ворсклы //КСИА АН УССР. – 1962. – Вып. 12.

184. **Сидоренко Г. О.** Скіфський курган на р. Удай //Археологія. – 1964. – Т. 16.
185. **Юренко С. П.** К истории населения степного Днепровского Левобережья в первом тысячелетии н.э. //150 лет Одесскому археологическому музею: Тез. докл. юбил. конф. /Одесса, апр. 1975 г. / – Одесса, 1975.
186. **Юренко С. П., Сухобоков О. В.** Раскопки многослойного поселения в Днепропетровской области //АО 1974 г. – М.: Наука, 1975.
187. **Онипко М. Д.** Предисловие //Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки. – Полтава, 1985.
188. **Мельникова И. С.** Новые находки бондарихинской культуры у с. Марки под Полтавой //Обл. науч. – практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
189. **Луговая Л. Н.** Раскопки Полтавского краеведческого музея //АО 1984 г. – М.: Наука, 1986.
190. **Супруненко А. Б.** Отчет о разведках и охранных раскопках на территории Полтавской области разведотряда Полтавского краеведческого музея в 1983 г. //НА ИА АН УССР. – 1983/63.
191. **Супруненко А. Б., Гавриленко И. Н., Кулатова И. Н., Морозко Д. В.** Отчет о разведках на Полтавщине в 1984 г. //НА ИА АН УССР. – 1984/64.
192. **Супруненко А. Б., Гавриленко И. Н.** Отчет о разведках в Нижнем Поворсклье и Пооорелье в 1986 г. //НА ИА АН УССР. – 1986/84.
193. **Гавриленко И. Н.** Новые находки мезо-неолитической эпохи в бассейне р. Ворсклы //Обл. научн. – практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
194. **Супруненко А. Б.** Отчет о работе Полтавского отряда экспедиции „Славутич" в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1982 г. //НА ИА АН УССР. – 1982/38.
195. **Гольник Л. В.** О разведках в Поворсклье //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч.-практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1988.
196. **Супруненко А. Б.** Исследования на Полтавщине //АО 1983 г. – М.: Наука, 1985.
197. **Супруненко А. Б.** Работы в бассейне Ворсклы //АО 1985 г. – М.: Наука, 1987.
198. **Гавриш П. А., Супруненко А. Б.** Археологические памятники г. Полтавы и окрестностей //АО 1986 г. – М.: Наука, 1988.
199. **Супруненко А. Б.** Материалы скифского времени из разведок и раскопок Полтавского краеведческого музея //Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюзн. семинара, посвящ. памяти А. И. Тереножкина. – Кировоград, 1987. – Ч. II.
200. **Супруненко А. Б.** Работы в Нижнем Поворсклье //АО 1986 г. – М.:Наука, 1988.
201. **Моргунов Ю. Ю.** Охранные мероприятия на городище летописного г. Снепорода //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1988.

202. **Моргунов Ю., Непріна В., Супруненко О.** Розкопки літописного Сніпороду //ПУ. – 1985. – № 1.
203. **Неприна В. И.** Мастерская и стоянка эпохи мезолита в Посулье //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
204. **Гавриленко И. Н.** Памятники эпохи мезолита в междуречье Сулы и Ворсклы //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
205. **Гавриленко И. Н., Коен В. Ю.** Некоторые результаты раскопок 1988 г. мезолитического поселения Вязовок на Полтавщине //Там же.
206. **Супруненко А. Б.** Работы Полтавского музея //АО 1984 г. – М.: Наука, 1986.
207. **Супруненко О. Б.** Матеріали до археологічної карти Нижнього Посулля //Археологія. – 1989. – № 1.
208. **Кулатова И. Н.** Памятники археологии территории г. Лубны //1000-летие города Лубны: Обл. науч. – практич. конф. /26-28 мая 1988 г./ Тез. докл. и сообщ. – Лубны, 1988.
209. **Моргунов Ю. Ю., Неприна В. И., Супруненко А. Б.** Разведки в Лубенском районе Полтавской области //АО 1984 г. – М.: Наука, 1986.
210. **Супруненко О.** Скарб із Запсілля //ПУ. – 1984. – № 4.
211. **Супруненко А.Б.** Клад монет XVI-XVII вв. из с. Запселье //Нумизматика и эпиграфика. – М.: Наука, 1989. – Т.XV.
212. **Кулатова И. Н., Супруненко А. Б.** Охранные исследования курганов в Нижнем Поворсклье //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
213. **Супруненко А. Б.** Отчет об охранных раскопках в Нижнем Поворсклье в 1987 г. //НА ИА АН УССР. – 1987/56.
214. **Супруненко О.** Рідкісна іконографія //ПУ. – 1986. - № 3.
215. **Супруненко А. Б.** О федоровском идоле и кургане //Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій науч. – практич. семінар./Тез. доп. – Полтава, 1990.
216. **Андриенко В. П.** Раскопки поселения у с. Олефирщина //АО 1974 г. – М.: Наука, 1975.
217. **Николова А. В., Рассамакин Ю. Я.** О позднеэнеолитических памятниках Правобережья Днепра //СА. – 1985. – № 3.
218. **Лугова Л. М., Рассамакін Ю. Я.** Енеолітичне поховання в кургані поблизу с. Орлик Полтавської області //Археологія. – 1985. – 49.
219. **Супруненко О. Б.** Енеолітичне поховання в кургані на межі Чернігівщини і Полтавщини //Третя обл. істор. – археол. конф., присвяч. 1300-річчю Чернігова. /Тез. доп. – Чернігів. 1990. – Ч. II.
220. **Супруненко А. Б.** Археологические памятники территории г. Полтавы и окрестностей: Каталог. – Полтава, 1988.
221. **Супруненко О. Б., Телегін Д. Я., Тітова О. М.** Із робіт експедиції „Славутич" на Середньому Дніпрі //Археологія. – 1989. – № 2.

222. **Луговая Л. Н.** Работы Полтавского краеведческого музея //АО 1981 г. – М.: Наука, 1983.
223. **Луговая Л. Н., Супруненко А. Б.** Погребение среднеднепровской культуры у с. Васильевка //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
224. **Луговая Л. Н.** Погребения с костяными пряжками в Среднеднепровском Левобережье //Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій наук. – практич. семінар. /Тез. доп. – Полтава, 1990.
225. **Луговая Л. Н.** Раскопки Полтавского краеведческого музея //АО 1984 г. – М.: Наука, 1986.
226. **Луговая Л. Н.** Работы в нижнем течении р. Псел //АО 1983 г. – М.: Наука, 1985.
227. **Памятники** материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки. /Сост. Гороховский Е. Л., Кулатова И. Н. и др. – Полтава, 1985.
228. **Моргунов Ю. Ю., Неприна В. И., Супруненко А. Б.** Отчет о работах в Лубенском районе Полтавской области комплексной экспедиции ИА АН СССР ИА АН УССР и Полтавского краеведческого музея в 1984 г. //НА ИА АН УССР. – 1984/51.
229. **Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.** Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986.
230. **Кулатова И. Н.**Курганы скифского времени у с. Васильевка //Киммерийцы и скифы: Тез. Всесоюзн. семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. – Кировоград. 1987. – Ч. II.
231. **Кулатова І. М.** Нова поховальна пам'ятка ранньоскіфського часу на Середньому Пслі //Тез. доп. і повід. Першої Полтавської конф. з історичн. краєзнавства. – Полтава, 1989.
232. **Луговая Л. Н.** Работы Полтавского краеведческого музея //АО 1980 г. – М.:Наука, 1981.
233. **Лугова Л. М.** Нові сарматські поховання на Полтавщині //Тез. доп. і повід. Першої Полтавської конф. з історичн. краєзнавства. – Полтава, 1989.
234. **Кулатова И. Н.** К вопросу о сарматских памятниках Полтавщины // Охорона і дослідження пам'яток археології на Полтавщині: Третій наук. – практич. семінар. /Тез. доп. – Полтава, 1990.
235. **Супруненко А. Б.** Работы в бассейне Ворсклы //АО 1985 г. – М.: Наука, 1987.
236. **Халикова Е. А.** Больше-Тиганский могильник //АО 1974 г. – М.: Наука, 1975.
237. **Луговая Л. Н.** Погребения средневековых кочевников в курганах юга Полтавщины //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
238. **Кулатова И. Н.** О задачах охраны и использования памятников архео-

логии Полтавщины: Первый науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
239. **Луговая Л. Н.** Проблемы учета и охраны археологических памятников Полтавщины //Там же.
240. **Кулатова И. Н.** Разведки в Лубенском районе Полтавской области //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
241. **Ткаченко А. М.** Курганы Лохвицкого района //Там же.
242. **Телегин Д. Я.** Некоторые вопросы охраны памятников археологии Полтавщины //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. – практич. семинар. /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
243. **Кулатова И. Н., Супруненко А. Б.** Археологические памятники Машевского района Полтавской области: Каталог. – Полтава, 1988.
244. **Гавриленко И. Н., Гольник Л. В.** Литература о памятниках мезолита и неолита Полтавщины: ошибки и неточности //Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый науч. – практич. семинар: /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
245. **Гавриш П. А., Гейко А. В.** „Городища скіфського часу на Полтавщині // Тез. доп. і повід. Першої Полтавської наук. конф. з історичн. краєзнав. – Полтава, 1989.
246. **Охрана** и исследование памятников археологии Полтавщины: Первый обл. науч. – практич. семинар. /22-23 января 1988 г.: /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1988.
247. **Охрана** и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй науч. – практич. семинар. /18-19 мая 1989 г.:/Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1989.
248. **Охорона** і дослідження пам'яток археології Полтавщини: Третій наук. практич. семінар. /24-26 квітня 1990 р.: /Тез. доп. – Полтава, 1990.
249. **Областная** науч. – практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /26-28 марта 1987 г.: /Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
250. **Тез. доп.** і повід. Першої Полтавської наук. конф. з історичн. краєзнавства. – Полтава, 1989.
251. **Супруненко А. Б.** Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.Я. Рудинского /Полтава, 1987/ //СА. – 1989. –№ 3.
252. **Советский** музей. – 1988. – № 3.
253. **Советский** музей. – 1987. – № 5.
254. **Ванцак Б. С., Супруненко О. Б.** Конференція, присвячена 1000-літтю Лубен //УІЖ. –1988. – № 10.

Л. Н. Луговая ©
Ю. А. Шилов

МИХАЙЛИКОВСКИЙ КУРГАН РАННЕСРУБНОГО ВРЕМЕНИ

При строительстве дороги у южной окраины с. Михайлики Полтавского района Полтавской области в 1984 г. была снята южная пола одиночного кургана. Его раскопки в 1985 г. осуществил отряд Полтавского краеведческого музея, входивший в состав Лесостепной Левобережной экспедиции Института археологии АН УССР.

Курган располагался у истоков балки, на слабо пересеченном плато левого высокого берега р. Полузерье в междуречье Псла и Ворсклы.

Задернованная прежде распахиваемая насыпь, вытянутых в широтном направлении пропорций, размерами 76х24 – 36 м, с запада на восток плавно повышалась, достигнув в 60 м от ее западного края максимальной высоты 2,3 м. Резко расширяясь в восточной части, изначально она имела в плане грибовидную форму. Восточная и северо-восточная полы были частично срыты и повреждены поздними ямами, погребами и перекопами, у западной полы встречены незначительные углубления и современные кострища.

При раскопках оставлена продольная бровка шириною 9 м, разрезанная затем рядом поперечных траншей (рис. 1). С обеих сторон центральной бровки и с некоторых стенок поперечных траншей было снято 10 профилей, позволивших изучить последовательность захоронений и конструкцию насыпи. За репер и нулевую точку, от которой производились замеры координат и уровней, принята вершина кургана.

В кургане выявлено 14 погребений эпохи поздней бронзы, относящихся к раннесрубному и к началу позднесрубного периодов.

Погребение 1 (культуры многоваликовой керамики, основное для 1 насыпи и всего кургана) располагалось в 9,5 м юго-западнее репера. В квадратной яме 2х1, 9х0,9 м (дно на уровне – 310 см от вершины кургана) у северной ее стенки был устроен сруб в один (?) венец из бревен диаметром до 0,12 м и длиною до 1,5 м; площадь заключенного внутри сруба пространства 1,7х1,1 м (рис. 2,**1**).

Скелет взрослого человека лежал слабо скорченно на правом боку, черепом на восток-северо-восток; правая рука вытянута кистью вперед, левая согнута, кисть перед грудью. На дне сруба заметен растительный тлен.

У южной стенки ямы, за срубом, находились кости конечностей и головы крупного парнокопытного.

Погребение 2 (культуры многоваликовой керамики) выявлено в северном профиле центральной бровки, в 3 м западнее репера (рис. 2,**2**). На уровне – 70 прослежен древесный тлен, на котором сохранилась верхняя часть скелета женщины средних лет, уложенной на левом боку, головою на юго-запад. Можно предположить согнутое положение рук, положение ног не установлено. Выше черепа лежала кость ноги мелкого парнокопытного.

Погребение 3 (срубное) выявлено в 11 м северо-восточнее репера, на уровне – 324. Могила не прослежена. В придонной части ее заполнения отмечены остатки деревянного перекрытия. Судя по размещению остатков скелета, покойник был уложен скорченно на правом боку, головою на се-

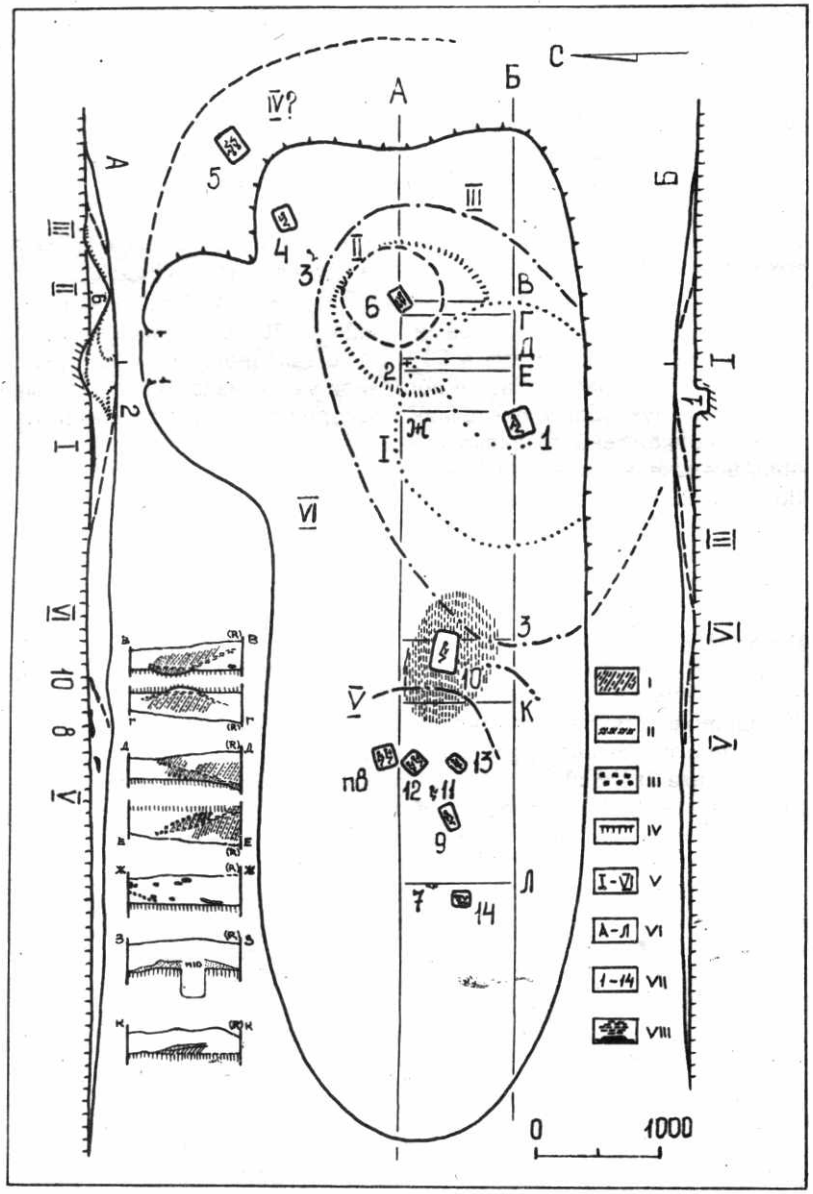


Рис. 1. Михайлики. Курган. План. Условные обозначения: I – обожженная земля; II – зола; III – угли; IУ – погребенный чернозем; У – номера насыпей; УI – указатели профилей УII – номера погребений; УIII – суглинковый выкид; IX – материк.

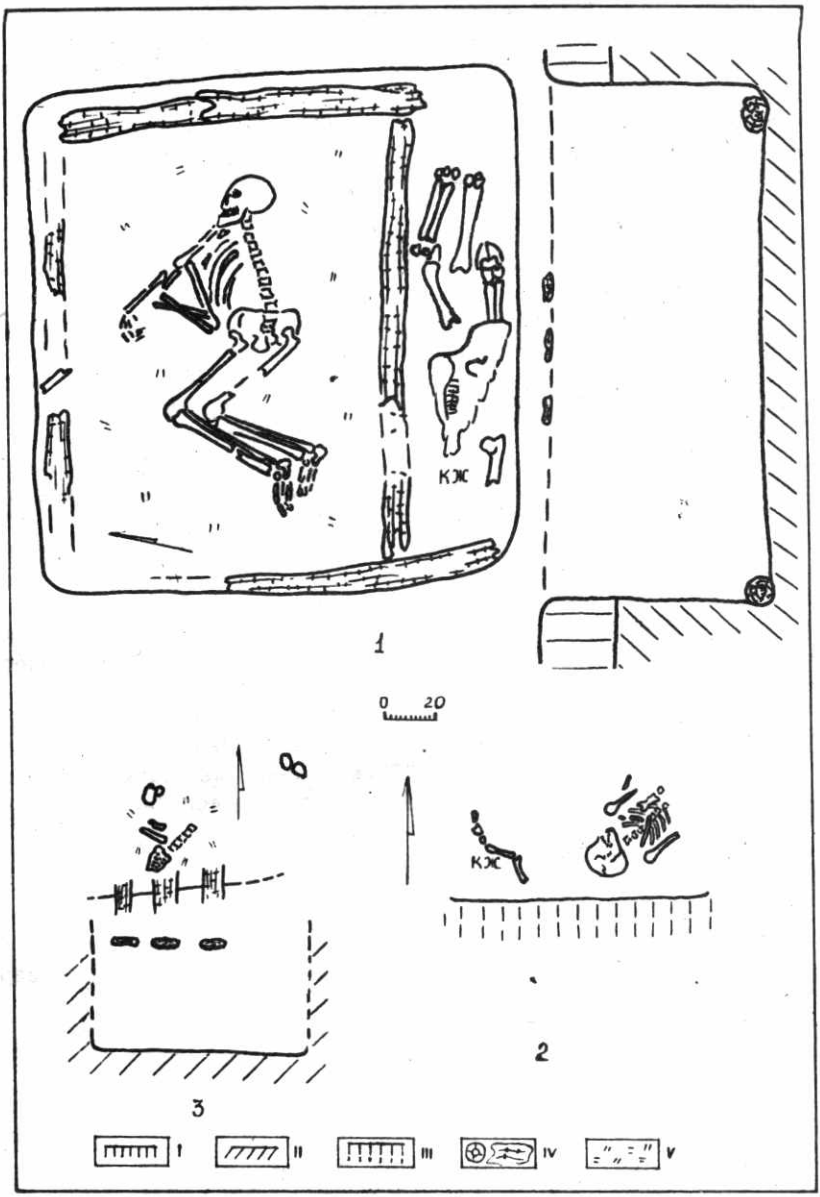


Рис. 2. Михайлики. Курган. Погребение 1(1); погребение 2(2); погребение 3(3). Условные обозначения: I – погребенный чернозем, II – материк, III – насыпь, IУ – дерево, У – растительный тлен.

веро-восток (рис. 2,3). На дне могилы – растительный тлен.

Погребение 4 (срубное) располагалось в 13,5 м северо-восточнее репера. В квадратной яме 1,7х1,6 м (дно на уровне – 317) был установлен сруб 1,2х0,7 м, перекрытый продольными поперечными плашками.Погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на восток – северо – восток, кисти согнутых рук располагались у черепа (рис. 4,1). За срубом у северной стенки ямы лежали кости конечностей и черепа мелкого парнокопытного.

Погребение 5 (культуры многоваликовой керамики, основное для IУ? насыпи) располагалось в 20,3 м северо-восточнее репера, за пределами сохранившейся насыпи кургана. В прямоугольной яме 2,2х1,65 м (дно на уровне – 355) был установлен сруб 1,6х1,1 м. В нем находились скелеты взрослого (у северо-западной стенки) и подростка, уложенных слабо скорченно на левом боку, головой на юго-запад, сохранившиеся кости согнутых рук – перед грудью (рис. 3,1). На дне сруба прослежен растительный тлен.

Погребение 6 (культуры многоваликовой керамики, основное для II насыпи)располагалось в 4 м восточнее репера. Сруб 1,8х1,05 м был установлен на древнем горизонте (рис. 3,2). В срубе находились скелеты подростка и женщины (?), уложенные скорченно вдоль северо-западной и юго-восточной стенок, соответственно, на левом и правом боку, головой на юго-запад и северо-восток, кисти согнутых рук – перед грудью. На дне сруба прослежен растительный тлен, с внешних сторон коротких стенок находились скопления костей животных (от которых за северо-восточной стенкой остался лишь тлен, а за юго-западной выявлены череп и конечности крупного парнокопытного.)

Перед и под черепом женщины (?) было найдено 7 бусин из стекловидной пасты (рис.3,а). Из них 2 бусины двухрожковые 0,9х0,5х0,3 см из пасты зеленого цвета, 1 цилиндрическая 0,4х0,3 см из такой же пасты, 4 округлые бусины диаметром 0,2 см из белой пасты; диаметры отверстий от 0,1 до 0,2 см.

Погребение 7 (срубное) обнаружено в 40 м западнее репера, в насыпи на уровне – 130. Могила не прослеживалась, но в 1,4 м южнее скелета на том же уровне обнаружено скопление костей крупного животного (рис. 4,2). Выявлен также древесный тлен перекрытия, лежавший на костях погребенного. Скелет лежал скорченно на левом боку, черепом на северо-восток.

Погребение 8 (срубное, основное для У насыпи) располагалось в 29 м западнее репера, впущено с древнего горизонта. Вдоль стен могилы 1,77х 1,56х0,5 м (дно на уровне – 280) был устроен сруб. В нем находилось два скелета, лежавшие на левом боку, черепом на восток, кисти согнутых рук – перед лицом (рис. 4,3,5). Сруб, площадью 1,55х1,4 м, был перекрыт деревом. Над перекрытием найден фрагмент уплощенного слабо отогнутого венчика 3,5х0,8 см (рис. 4,а). На дне сруба – растительный тлен и меловая посыпка.

Погребение 9 (срубное) располагалось в 34 м западнее-юго-западнее репера(рис. 5,1). Сруб 1,8х0,7 – 0,8 м находился в насыпи на уровне – 190.

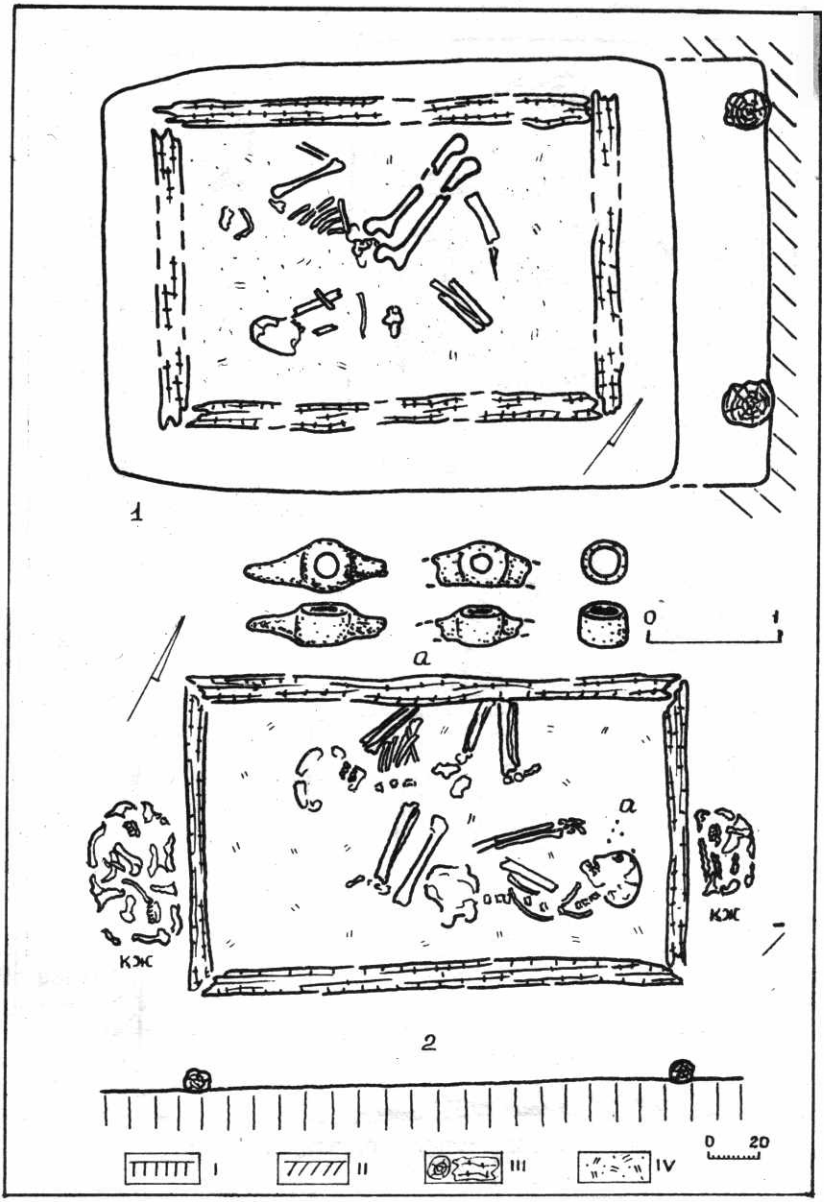


Рис. 3. Михайлики. Курган. Погребение 5(1); погребение 6(2); а – бусы из погребения 6. Условные обозначения: I – погребенный чернозем, II – материк, III – дерево, IУ – растительный тлен.

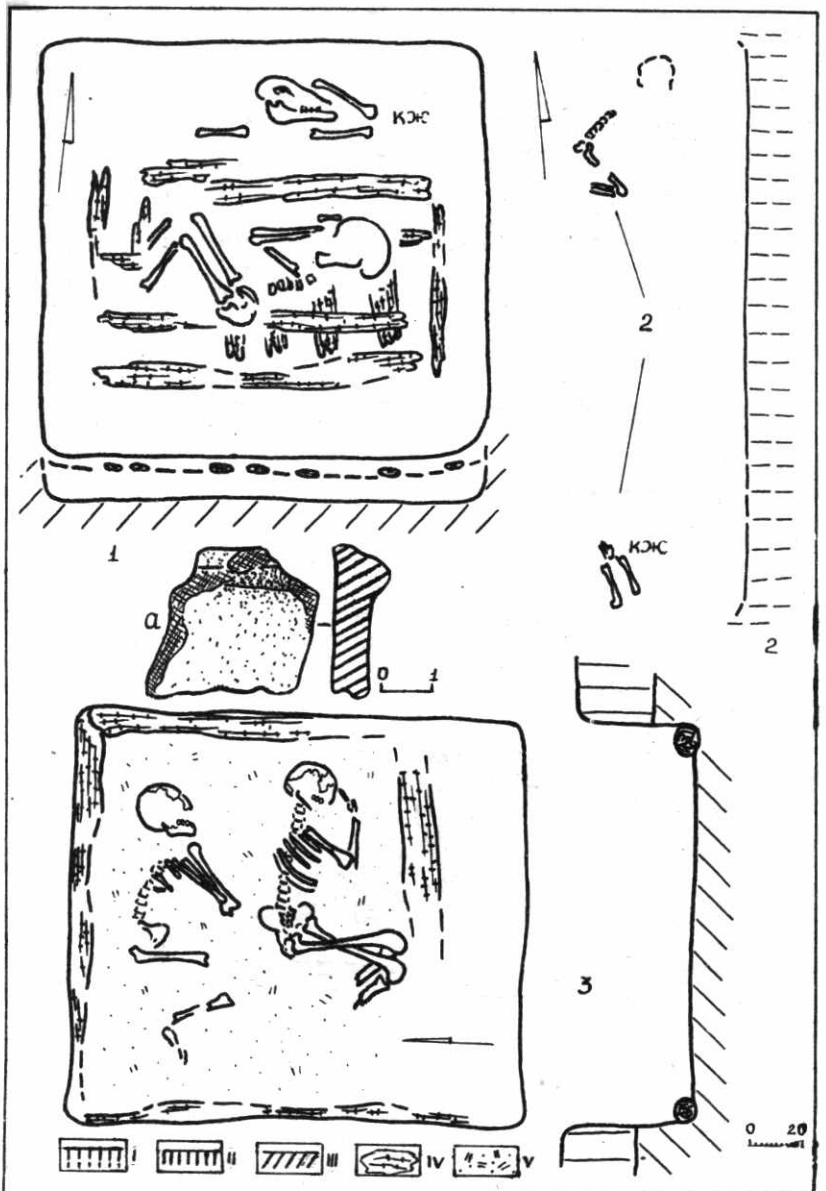


Рис. 4. Михайлики. Курган. Погребение 4(1); погребение 7(2); погребение 8(3). а – фрагмент сосуда из погребения 8. Условные обозначения: I – насыпь, II – погребенный чернозем, Ш – материк, IУ – дерево, У – раститель- ный тлен и мел.

На дне сруба прослежен травянистый тлен. Скелет лежал скорченно на правом боку, черепом на северо-восток, кисти согнутых рук – перед лицом.

В 1,3 м южнее сруба и на том же уровне, под древесным тленом были выявлены кисти ног крупного животного.

Погребение 10 (срубное, основное для VI насыпи) располагалось в 20,5 м западнее-юго-западнее репера и было впущено с поверхности древнего горизонта. В могиле 2,9х1,9х2,36 м (дно на уровне – 476) ближе к северной стенке был установлен сруб 1,95х1,3/ м из четырех бревен диаметром 0,15 – 0,22 м, перекрытый пятью продольными плахами (рис. 6,1,2; 7,1). Пространство между срубом и стенками ямы было засыпано утрамбованным материковым лессом. Края восточного бревна стесаны наружу, образовав подобие двухскатной крыши; подобные стесы прослежены и на остальных бревнах. На перекрытии следы костра, а у юго-восточного угла найдена бронзовая согнутая петелькой проволочка диаметром до 0,2 см и длиною 2,5 см (рис. 7,а).

Скелет взрослого человека, уложенного ближе к южной стенке сруба, лежал скорченно на левом боку, черепом на восток-юго-восток, в позе адорации (кисти согнутых рук у подбородка). У кистей прослежен костный тлен от напутственной пищи. Возле ног и у черепа – незначительные охристые пятна.

Погребение 11 (срубное) находилось в 32 м западнее репера (рис.5,2). Могила не прослежена. Под остатками деревянного перекрытия, на остатках растительной подстилки (уровень – 170) лежал истлевший скелет человека, уложенного скорченно на левом боку, черепом на восток-северо-восток, в позе адорации (кисти у подбородка). Перед кистями выявлены истлевшие кости мелкого парнокопытного, среди которых обнаружен астрагал.

Погребение 12 (срубное) находилось в 30 м западнее репера (рис. 5,3). Сруб 1,5х1,2 м из четырех бревен диаметром до 0,15 м был установлен на уровне – 230, на древнем горизонте, и перекрыт деревом. Скелеты двух погребенных лежали скорченно на левом боку, в позе адорации (кисти у подбородка), черепом на северо-восток. Перед кистями скелета у северо-западной стенки найдено бронзовое каплевидное изделие 1,2х0,8х0,4 см (рис. 5,а), а перед кистями другого скелета находились астрагалы мелкого парнокопытного (выделено 2 целых). На дне сруба – растительный тлен.

Погребение 13 (срубное) располагалось в 30 м западнее-юго-западнее репера (рис. 7,2). Сруб 1,25х0,7 м из четырех бревен диаметром до 0,2 м, перекрытый деревом, был установлен в прямоугольной яме 1,9х1,3х0,15 м (дно на уровне – 245). Скелет погребенного лежал скорченно на левом боку, кисти согнутых рук перед черепом, ориентация северо-восточная. Между локтями и коленями погребенного находилась куча астрагалов мелких парнокопытных животных (выделено 110 целых и 30 астрагалов в обломках). На дне – следы растительной подстилки.

Погребение 14 (срубное) располагалось в 40,5 м западнее-юго-западнее репера (рис. 5,4). В насыпи на уровне – 185 выявлены остатки сруба из бревен диаметром около 0,1 м. В срубе находились скелеты женщины (?) и ребенка, уложенных скорченно на правом боку, в позе адорации (кисти

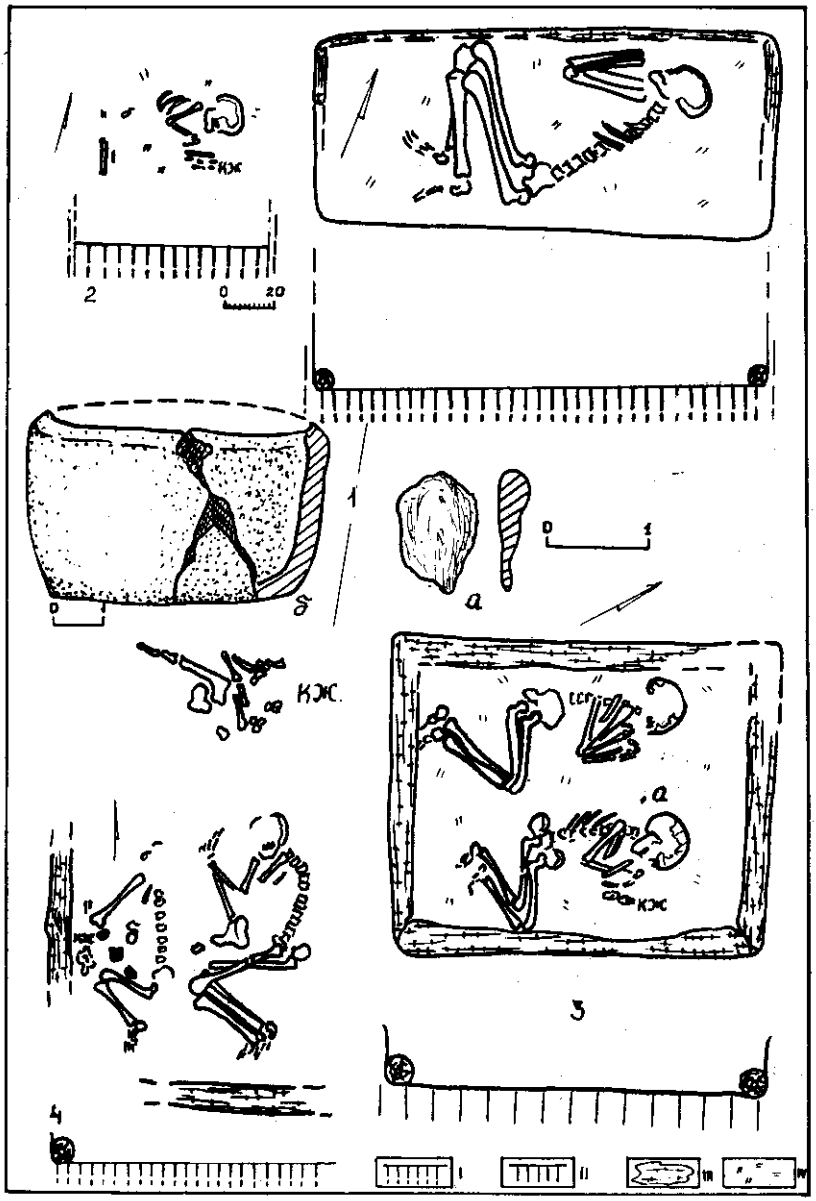


Рис. 5. Михайлики. Курган. Погребение 9 (1); погребение 11 (2); погребение 12(3); погребение 14(4); а – бронза, б – керамика. Условные обозначения: I – насыпь, II – погребенный чернозем, III – дерево, IУ – растительный тлен.

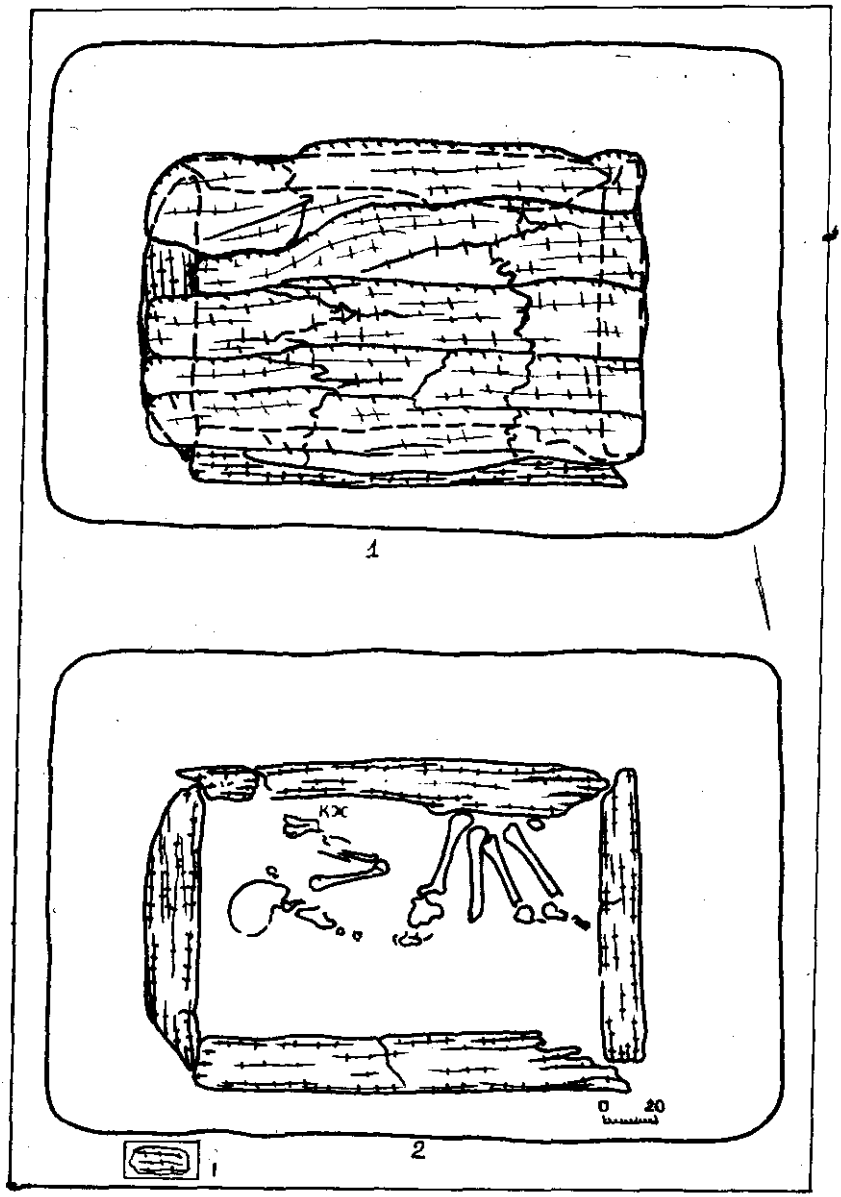


Рис. 6. Михайлики. Курган. Погребение 10 (1 и 2). Условные обозначения: I – дерево.

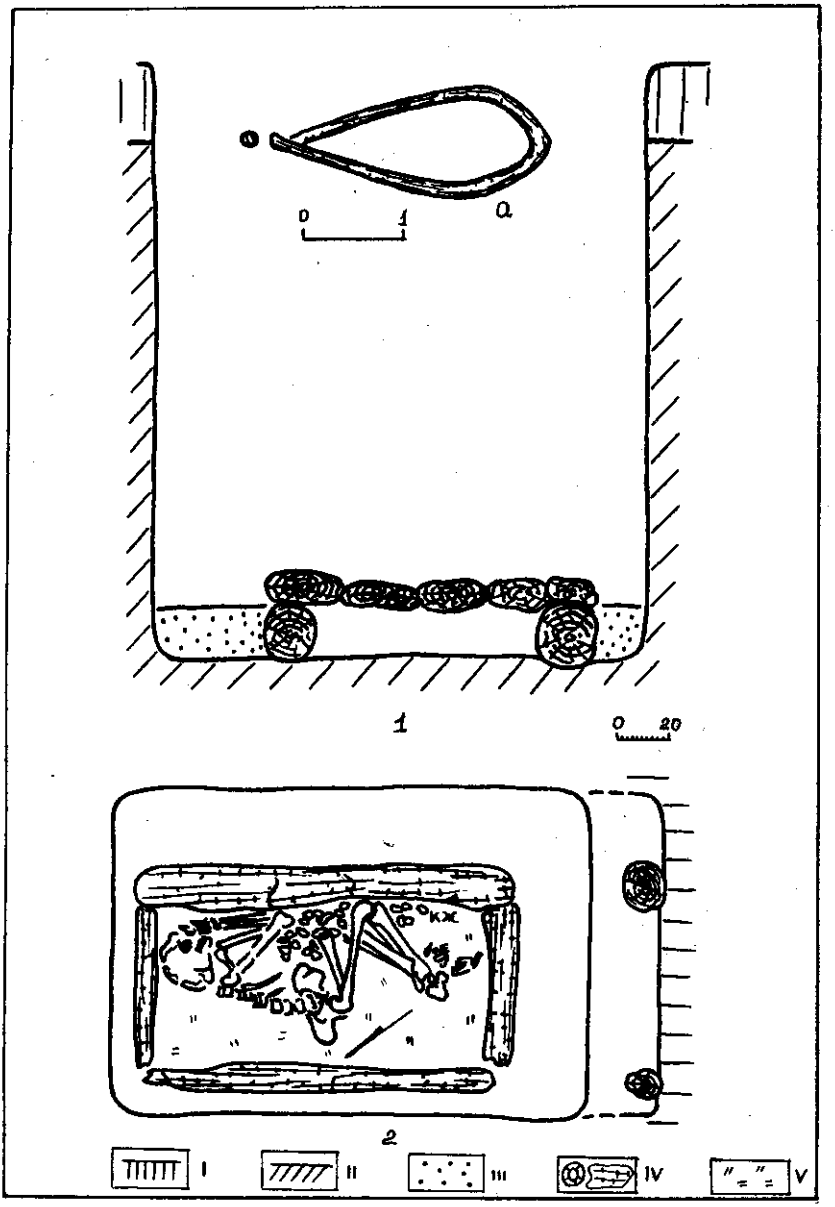


Рис. 7. Михайлики. Курган. Погребения 10 (1 и 1а), погребение 13 (2). Условные обозначения: I – погребенный чернозем, II – материк, III – суглинок, IУ – дерево, У – растительный тлен.

согнутых рук перед лицом), головой на север. Между коленями ребенка найдены обломки костей животного и три фрагмента керамической мисочки высотою 3,5 см, с диаметром венчика и донца в 6,5 см и 5,5 см (рис. 5,Б). Поверхности сосудика темно-бурые, неровные, тесто без примесей, обжиг хороший.

Стратиграфия кургана.

Материк из желтого супесчанистого лесса залегал на уровне около – 270.

Погребенная почва из серого песчанистого чернозема под репером залегала на уровне – 230, у пол насыпей и досыпок она нарушена и уровень ее понижался, а вокруг II насыпи срыта и вовсе.

1 насыпь, древнейшая в кургане, была сооружена над погребением 1, впущенным с поверхности древнего горизонта (см. профиль Б). В профилях Д,Е,Ж прослежено две конструктивных прослойки в составе I насыпи. Они практически неразличимы по структуре и состояли из невыразительных комьев дернины, чернозема и преобладающего предматерика. Границы между прослойками, а также между I и III насыпями заметны по угольному и пепельному горизонтам, особенно выраженным в восточном секторе насыпи. Очевидно, что нижнюю земляную прослойку, представлявшую собой, вероятно, дуговидный вал восточнее погребения I, перекрывало сооружение из жердей, выложенных, возможно, наподобие шатра. Затем это сооружение было подожжено и, когда оно еще не перегорело, насыпали верхнюю земляную прослойку, перекрывшую и погребение I. После возведения верхней конструктивной прослойки I насыпь приняла, повидимому, очертания усеченного конуса с диаметром основания 18 м и высотою от уровня древнего горизонта 1,4 м.

II насыпь сооружена над погребением 6, устроенном на древнем горизонте в 5 м северо-восточнее полы I насыпи. Конусовидная насыпь II также состояла из двух конструктивных прослоек: из рыхлого комковатого „ядра" и плотного гумусированного „панцыря". Насыпь диаметром 8 м и высотой 1,6 м была окружена выемкой глубиной до 0,5 м и шириной от 0,5 до 3,5 м, особенно выразительной в пространстве между соприкосающимися полами I и II насыпей. Склоны (но не вершина!) II насыпи также были обложены жердями – и это сооружение было подожжено. Полыхающие уголья были, очевидно, засыпаны тонким (до 0,2 – 0,3 м) слоем земли, которая приобрела от жара красновато-оранжевый цвет. Этой прокаленной землей была засыпана вышеуказанная выемка. Затем склоны IIнасыпи и примыкающий к ней склон I насыпи были обложены сухим травянистым материалом (вероятно, соломой) – который опять подожгли. Горящая масса достигала толщины не менее 1 м, так как спресованная последующей досыпкой зола достигала мощности 0,15 м. Прослойка золы покрывала не только склоны II насыпи и полу I насыпи, но и засыпку выемки между ними (рис. 1,А), – что и дает основания для сделанной выше реконструкции обряда с двумя разновременными кострами и обсыпанием землей полыхающих склонов. Одновременно с устройством второго большого кострища на II насыпи начала, очевидно,

сооружаться **III насыпь**, объединившая две предыдущие. Горящая травянистая масса была обсыпана землей, которой после прокаливания и приобретения ею красновато-оранжевого цвета, засыпали пространство между I и II насыпями. Остальная часть III насыпи сложена из чернозема и предматерика. В плане III насыпь представляла собой овал 36х22 м, вытянутый вдоль общей оси I и II насыпей (т. е. с юго-запада на северо-восток), а вершина ее (2,3 м) стала наивысшей точкой кургана. Типологически и функционально III насыпь перекликается с верхней конструктивной прослойкой I насыпи, – в этой связи ее можно рассматривать как конструктивно-обособленную верхнюю конструктивную прослойку II насыпи. Особенно следует выделить то обстоятельство, что погребение 2, устроенное на ее вершине, точнее на засыпке из прокаленной земли, не имело могильной ямы и совершалось, очевидно, одновременно с ее сооружением. Таким образом, можно предположить жертвенный характер погребения 2. Другие погребения с III насыпью не связываются.

Как уже отмечалось, восточная и северо-восточная полы кургана пострадали от современных перекопов. Не исключено, что в силу этого не удалось проследить **IУ насыпь**, вероятно существовавшую над погребением 5. В пользу такого предположения свидетельствуют как общая конфигурация кургана, так и архаичность обряда погребения 5 – проявившаяся, в частности, в юго-западной ориентации.

У насыпь располагалась западнее насыпей IУ? и III. От структуры последней ее отличает большая плотность и однородность, а также меньшее содержание предматерика. В профиле А (рис. 1) прослежен лежащий на древнем горизонте выкид из погребения 8 – которое на этом основании следует считать основным для У насыпи. Южнее его расположенные погребения 12 и 13, устроенные на древнем горизонте, также могли предшествовать сооружению У насыпи (по аналогии с погребениями 6 и 2). Могильная яма не выявлена и у погребения 7, попавшего в профиль Л – в то время как за его пределами и на том же уровне найдены кости животного (что соотносится с обрядом погребений 1, 6 и др.). Аналогичная картина зафиксирована и для погребения 9, очертания ямы (?) которого были определены по контурам сруба (рис. 5,1). То же можно сказать и о яме (?) погребения 14. Не исключено, что – продолжая традицию погребения 2 и непосредственно предшествовавшего ему погребения 6 – погребения 7,9,11 (?),14 были устроены на поверхности первоначальной насыпи **У** над погребениями 8,12,13 и перекрыты затем особой досыпкой, прослеживаемой при сопоставлении профилей Б и К. Очертания и размеры У насыпи восстанавливаются лишь приблизительно. Вероятно, она была несколько вытянута в востока на запад, высота ее достигала 1,8 м, а площадь основания около 20х15 м.

Сооружение **УI насыпи** – явившейся последней в кургане и объединившей все предыдущие – связано с наибольшим в кургане погребением 10, которое было впущено с древнего горизонта между насыпями III и У. В профилях З и К прослежен выкид из него, лежащий на древнем горизонте (рис. 1). Не исключено, что погребению 10 относительно синхронны погребения 3 и 4, устроенные наподобие ему между насыпями (III и IУ?). УI насыпь была

сооружена из плотного чернозема с незначительной примесью невыразительных комьев предматерика. Параметры VI насыпи соответствуют внешней характеристике кургана (см. выше).

В заключение следует охарактеризовать культурно-исторические особенности кургана у с. Михайлики.

Прежде всего, следует выделить то обстоятельство, что это весьма типичный, но вместе с тем наиболее северо-западный из доныне известных степных курганов раннесрубного периода /I ,с.422-423, карта 10; с.474-475, карта 11/. Отличия от степных синхронных курганов невыразительны и заключаются в относительной бедности погребального инвентаря да в обилии деревянных конструкций; отличия эти выражаются лишь количественно и могут быть акцентированы только при сопоставлении серий соответствующих лесостепных и степных памятников.

Древнейшие погребения 1,6,2 и 5 по комплексу признаков относятся к началу раннесрубного периода – о чем наиболее отчетливо свидетельствуют случаи присущей культуре многоваликовой керамики западной ориентации, а также комплекс бус из погребения 6, находящий соответствия на эталонном для КМК поселении Бабино-III /2, с.144-145, рис. 72,IУ,16/. Интересно, что погребение I – предшествовавшее погребению 6 и являвшееся древнейшим в кургане – по своей ориентации и наличию сруба (что, впрочем в данном случае не является определяющим признаком) может быть отнесено к собственно раннесрубным захоронениям. Перекликание в строениях насыпей над погребениями 1 и 6, равно как и наличие в последнем погребенного, уложенного и ориентированного аналогично погребенному 1, можно объяснить смешением сосуществовавших и близких между собою культур – КМК и срубной.

Указанное смешение прослеживается и в обрядах последующих захоронений. Наряду с преобладанием положения на левом боку и северо-восточной ориентации (что характерно для срубной культуры), встречаются погребения и на правом боку (9, 14), и северная ориентация (14, 7); срубы продолжают устанавливаться как в ямах, так и на дневной поверхности. При этом стали угасать, но все же сохранились обычаи разведения костров и положения частей животных, инвентарь остался попрежнему редок. Немногочисленные находки фрагментов керамики (из перекрытых У насыпью погребений 14 и 8 и из насыпи VI) невыразительны. Учитывая отсутствие следов валиков на них, а также особенности обряда перекрытых У и VI насыпями захоронений, сооружение указанных насыпей может быть отнесено к ранней срубной культуре – еще сохранявшей традиции КМК (в обряде), но еще не испытавшей воздействий сабатиновской культуры (в керамике).

В целом же можно считать, что курган оставлен двумя смешавшимися группами (КМК и срубной культуры) выходцев с севера степной зоны, обитавших в районе нынешнего села Михайлики на протяжении раннесрубного периода (в XVI-XV вв. до н.э.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология Украинской ССР: В 3-х т. – Т.I: Первобытная археология. – Киев: Наук. думка, 1985.
2. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев: Наук. думка, 1976.

О. П. Журавлев ©

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАННЕСРУБНОГО КУРГАНА У с. МИХАЙЛИКИ ПОЛТАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Автором был определен остеологический материал, собранный Л. Н. Луговой и Ю. А. Шиловым в 1985 г. при раскопках раннесрубного кургана XVI-XIV вв. до н.э. у с. Михайлики Полтавского района Полтавской области. Кости животных были найдены в 7 погребениях. В погребении № 1 (погребения даются в хронологическом порядке) была найдена левая таранная кость овцы домашней. В погребении № 6 – 2 верхних зуба, 4 нижних зуба (из них 2 M_3 от одной особи, причем оба не имеют третьей задней дольки, причины такого явления неясны), I верхний конец и I диафиз пястной, 2 центральные, 2 суставные, I верхний конец и I диафиз плюсневой, 1 первая фаланга и 1 вторая фаланга бык домашнего, а также фрагмент верхнего конца пястной кости оленя благородного. В погребении № 2 были найдены 1 лопатка, 1 целая плечевая кость (без верхнего эпифиза) и верхний конец лучевой кости овцы домашней. В погребении № 7 найден зуб M_3 от полувзрослой особи быка домашнего. В погребении № 12 были найдены 2 таранные кости мелкого рогатого скота, из них 1 принадлежала овце домашней. В погребении № 13 было найдено 138 таранных костей мелких копытных животных, из них 60 (24 левых и 36 правых) принадлежали овце домашней, 7 (3 левые и 4 правые) – козе домашней и 2 (1 левая и 1 правая) – сайгаку. 69 костей видовому определению не поддаются. В погребении № 4 были найдены 1 вторая фаланга овцы или козы (кости мелкого рогатого скота здесь могли быть жертвенной пищей). Подсчет минимального числа особей с учетом всех находок дал следующие результаты: бык – 1 полувзрослая и 1 взрослая особи, овца – 1 полувзрослая и 37 взрослых особей, коза – 4 взрослых особи, лошадь – 1 взрослая особь, олень – 1 взрослая особь и сайгак – 2 взрослые особи.

Некоторые кости удалось измерить, приводим биометрическую обработку данных. У быка домашнего: длина M_3 левого – 33,5 мм, правого – 32 мм (напоминаем, что у обоих нет задней дольки), ширина у обоих – по 15,5 мм; ширина верхнего конца пястной – 60 мм, поперечник его – 37,5 мм; ширина центральной левой – 55,5 мм, правой – 57 мм, ширина обоих по 52,5 мм; ширина верхнего конца плюсневой – 49,5 мм, поперечник его – 48 мм; полная длина 1 фаланги(3 измерения) –от 66 до 68,5, в среднем 67,50 мм, длина по средней линии ее (4 измерения) – от 57 до 59,5, в среднем 58,50 + 0,47 мм, ширина верхнего конца ее (3 измерения) – от 29,5 до 32,5, в сред-

нем 30,50 мм, поперечник его (2 измерения) – оба по 35,5 мм, ширина диафиза ее (3 измерения) – от 25,5 до 26,5, в среднем 25,83 мм, поперечник его (4 измерения) – от 18,5 до 19, в среднем 18,63± 0,17 мм, ширина нижнего конца ее (4 измерения) – от 29 до 29,5, в среднем 29,25 мм, поперечник его (4 измерения) от 21,5 до 22,5, в среднем 22,13 ± 0,37 мм, относительная ширина верхнего конца ее (3 измерения) – от 43 до 49, в среднем 45,17%, относительная ширина диафиза (3 измерения) – от 37 до 40, в среднем 38,17%, относительная ширина нижнего конца ее (3 измерения) – от 42,5 до 44, в среднем 43,33%, отношение поперечника к ширине верхнего конца ее (2 измерения) – 109 и 120%, отношение поперечника к ширине диафиза ее (3 измерения) – от 71 до 72,5, в среднем 72,17%, отношение поперечника к ширине нижнего конца ее (4 измерения) – от 74 до 76,5, в среднем 75,75 ± 1,05%; полная длина 11 фаланги (4 измерения) – от 44,5 до 45,в среднем 44,75 мм, длина по средней линии ее (4 измерения) – от 37 до 40,5, в среднем 38,63 мм, ширина верхнего конца ее (4 измерения) – от 30 до 31, в среднем 30,38± 0,37 мм, ширина нижнего конца ее (4 измерения) – от 23,5 до 26, в среднем 24,50 ± 0,97 мм, относительная ширина верхнего конца ее (4 измерения) – от 67,5 до 69, в среднем 68,00 ± 0,53%, относительная ширина нижнего конца ее (4 измерения) – от 52 до 58, в среднем 54,75%.

На костях овцы удалось взять следующие промеры: ширина нижнего конца лопатки – 35,5 мм, большой диаметр суставной впадины ее – 27 мм, малый диаметр – 21,5 мм, расстояние от гребня до суставной впадины ее – 21,5 мм, ширина шейки ее – 19 мм; ширина нижнего конца плечевой – 32 мм, ширина блока – 30,5 мм, медиальный поперечник блока – 20,5 мм и срединный перехват блока – 16 мм; ширина верхнего конца лучевой – 32,5 мм, ширина верхней суставной поверхности ее – 31,5 мм, медиальный поперечник верхней суставной поверхности ее – 16,5 мм, латеральный поперечник верхней суставной поверхности ее – 13 мм и ширина диафиза ее – 16,5 мм; наружная длина таранной (59 измерений) – от 29 до 34, в среднем 31,05 ±0,15 мм, внутренняя длина ее (61 измерение) – от 27,5 до 33,5, а среднем 30,00± 0,17 мм, ширина верхнего конца ее (60 измерений)– от 18 до 22,5, в среднем 20,00 ± 0,17 мм,ширина нижнего конца ее (58 измерений) – от 18,5 до 21,5, в среднем 19,78 ± 0,11 мм и относительная ширина нижнего конца (57 измерений) – от 59,5 до 68,5, в среднем 63,10 ±0,28%.

Измерения 7 таранных костей козы дали следующие результаты: наружная длина – от 27,5 до 31,5, в среднем 29,71 ±0,41 мм; внутренняя длина – от 26,5 до 30, в среднем 28,50 ± 0,80 мм; ширина верхнего конца – от 17 до20,5, в среднем 19,07 ± 0,58 мм; ширина нижнего конца – от 16,5 до 19,5, в среднем 18,36 ± 0,42 мм; относительная ширина нижнего конца ее – от 60 до 64, в среднем 61,86 ±0,67%.

Удалось измерить вторую заднюю фалангу лошади. Приводим ее размеры (в мм): полная длина – 43,5, длина по средней линии – 42, ширина верхнего конца – 48,5, поперечник его – 32,5, ширина диафиза – 41,5, поперечник его – 22,5, ширина нижнего конца – 48 и поперечник его – 25,5.

У пястной кости оленя удалось взять только один промер: поперечник верхнего конца – 35 мм.

Левая таранная кость сайгака имела следующие размеры (в мм): наружная длина – 32, внутренняя – 32, ширина верхнего конца – 20,5, ширина нижнего конца – 20,5; правая , соответственно: 30,5; 29,5; 20 и 20.

Из известных автору опубликованных работ ни одна не содержит данных биометрической обработки промеров и индексов костей животных по синхронным или близким по времени Михайликам памятникам. В такой ситуации приведенные выше результаты можно сравнить лишь с аналогичными, полученными автором, но еще не опубликованными, по материалам памятников городища Ливенцовская крепость (XVI-XV вв. до н.э., северо-кавказская культура) и могильника Верхняя Алабуга (XVI в. до н.э.). Первый находится в низовьях Дона,второй – в Курганской области.

На Ливенцовской крепости (здесь и далее сравниваем лишь те признаки, по которым удалось расчитать полный биометрический ряд)у быка домашнего ширина верхнего конца 11 фаланги составляла (по 20 измерениям) от 30,5 до 39, в среднем 35,20 ± 0,48 мм и ширина нижнего конца ее (18 измерений) – от 24 до 35, в среднем 29,60 ± 0,58 мм. Следовательно, крупный рогатый скот, разводившийся в XVI-XV вв. до н.э. в Нижнем Подонье превосходил по размерам костей скот Левобережной Украины. Ширина таранных костей (верхнего конца) у овец из Ливенцовской крепости по 10 измерениям была от 20 до 24,5, в среднем 22,25 ± 0,61 мм. И в данном случае можно констатировать превосходство в размерах костей овец Нижнего Подонья над овцами Левобережной Украины. Аналогичных данных по другим видам мы не имеем.

У быка домашнего из Верхней Алабуги ширина верхнего конца 11 фаланги (5 измерений) была от 26,5 до 30, в среднем 27,70 ± 0,50 мм и относительная ширина верхнего конца ее (5 измерений) – от 69,5 до 75,5, в среднем 72,00 ± 1.87%. Следовательно, крупный рогатый скот из Михайликов обладал более крупными, но более стройными вторыми фалангами, чем скот из Верхней Алабуги. Измерения 7 таранных костей овцы домашней из Верхней Алабуги составляли: наружная длина – от 30 до 34,5, в среднем 31,93 ± 1,24 мм, внутренняя длина от – 28,5 до 33,5, в среднем 30,79 ± 1,24 мм,ширина верхнего конца – от 19,5 до 23, в среднем 21,07 ± 0,50 мм, ширина нижнего конца – от 19 до 23, в среднем 20,43 ± 0,85 мм и относительная ширина нижнего конца – от 61 до 66,5, в среднем 64,21 ± 0,94%. Размеры и пропорции таранных костей овец из Михайликов и Верхней Алабуги как будто бы сходные, однако при увеличении выборки, по мнению автора, и здесь должны проявиться достоверные различия. Аналогичных данных по другим видам мы не имеем.

В итоге можно констатировать, что, скорее всего, все три рассмотренных памятника имеют различный породный состав домашних животных, что не удивительно, учитывая расстояние между ними, а также различную культурную принадлежность их.

С точки зрения автора неправомочно сравнивать видовой состав костей из могильника или кургана (в данном случае Михайликов) с таковым на поселении, поскольку в первом случае культовые каноны могут существенно исказить общую картину соотношения животных в стадах. Так, только

культовыми требованиями можно объяснить находку в одном погребении (№13) сразу 138 таранных костей при отсутствии других костей скелета. Поэтому здесь и не привлекаются литературные данные по видовому составу животных, установленному для поселений эпохи бронзы /1,с.97-112; 2,с.20-23; 3,с.57-63; 4,с.221-281; 5,с.60-73/, а по могильникам такие публикации автору неизвестны. Следовательно, пока мы можем привести лишь данные по могильнику Верхняя Алабуга, о котором говорилось выше. На нем из 31 особи на долю быка домашнего приходилось 25,8%, овцы домашней – 38,71%, козы домашней – 3,22%, овцы или козы (до вида не определены) – 25,81% и лошади – 6,45%; костей диких животных там найдено не было. Следовательно, видовой состав в Михайликах, где было 4,17% быка, 79,17% овцы, 8,33% козы, по 2,08% лошади и оленя и 4,17% от общего числа особей – сайги, свидетельствует о различном значении как домашних, так и диких животных в обрядах населения, оставившего эти могильники.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бибикова В. И.** Фауна из поселения у с. Кирова. //Древности Восточного Крыма: (Предскифский период и скифы). – К.: Наукова думка, 1970.
2. **Журавлев О. П.** Дикие млекопитающие эпохи бронзы нижнего Дона. //Эколого-формологические особенности животных и среда их обитания. – К.: Наукова думка, 1981.
3. **Журавльов О. П., Амірханов А. Ш., Губська О. В.** Фауна поселень епохи бронзи Олександрівськ та Провалля Ворошиловградської області. //Археологія. – 1985. – **49.**
4. **Цалкин В. И.** Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. //МИА. – 1958. – № 61.
5. **Цалкин В. И.** Древнейшие домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 4. //Бюллетень МОИП, отдел биологический. – 1972. – Т. 77. – Вып. 4.

И. С. Мельникова ©

РАСКОПКИ КУРГАНОВ У СЕЛ МУШТЫ И КИРИЛЕНКИ

Сектором археологии отдела охраны памятников музея проведены раскопки разрушенных курганов у с. Мушты Решетиловского р-на (1988 г.) /1,с.31-33/ и с. Кириленки Кременчугского р-на (1989 г.) /2,с.1-4/. Насыпи этих курганов были частично разрушены забором земли для хозяйственных нужд колхозов.

Курган у с. Мушты находился на правом берегу ручья Соврань, впадающего в р. Бакай (левый приток Псла) и входил в группу из двух задернованных курганов. Высота исследованного кургана от уровня современной поверхности 3,5 м, размеры 32х37 м; насыпь слегка вытянута в широтном направлении, склоны в верхней части довольно крутые, в нижней – пологие. С северной стороны часть кургана была разрушена до основания, в резуль-

тате чего образован вертикальный срез по линии В – З с отклонением в 15°. Параллельно ему, через перемычку шириной 1,3 м, от восточного края насыпи к западу выбрана траншея длиной 28 м, шириной 3-5,5 м при глубине 1,2-3м.

Учитывая характер повреждений,была принята трассировка кургана по линии В-З. Образовавшийся ранее срез насыпи стал северным профилем первой северной бровки. При снятии сохранившейся южной половины кургана в верхних слоях выявлено кладбище 2-й пол. XVIII – нач. XIX вв. В кургане выявлено три погребения эпохи бронзы и скелет собаки, находившийся на древнем горизонте в 18 м к ЮВ от центра (рис. 1,5).

Насыпь кургана состояла из однородного серого рыхлого чернозема.* С западной стороны в профилях и в траншеях прослеживался очень плотный слой, мощностью до 0,5 м из смешанного чернозема с глиной и песком, с преобладанием последнего. Такой же слой прослеживался и в южной части насыпи. Вероятно, вначале сооружалась небольшая центральная часть насыпи (диаметром 15 м), склоны которой были покрыты укрепляющим слоем, после чего насыпь досыпалась. Глиняный выкид из ямы п. 2 размещен на древнем горизонте и прослежен в траншее и профилях южной стороны центральной бровки и северной стороны первой южной бровки. Выкид из п. 1 обнаружен не был, однако южный профиль первой северной бровки, в которой прослежена яма погребения, исключает его впускной характер: насыпь над ямой не нарушена, а на древнем горизонте у северного края ямы выявлен слой тлена из коры и кусочки истлевшего дерева. Очевидно, в кургане было два основных погребения (п. 1 и п. 2), совершенных одновременно (рис. 1, 1).

Погребение 1 (рис. 1, 2) – ямное, находилось в 6,5 м к востоку от центра кургана. Подпрямоугольной формы яма 1,3х2 м ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Дно ямы на уровне – 4,5 м. Погребение сильно повреждено землероями. По положению частично сохранившихся стоп можно определить, что погребенный лежал на спине, головой к ЮЗ, ноги были поставлены „на подошву". На дне ямы обнаружены остатки подстилки из коры. Ступни ног и подстилка вокруг – обильно окрашены охрой вишневого цвета. В заполнении кротовины, разрушившей западный угол ямы, найден фрагмент керамики плотной пористой массы с остатками выгоревшей ракушки и растительности в тесте. Внешняя поверхность ангобирована и покрыта гребенчатыми расчесами.

Погребение 2 (рис. 1, 3) – ямное находилось в 4 м к ЮВ от центра кургана. Совершено в прямоугольной яме 1,5х2 м, ориентированной по линии В-З. Дно ямы на уровне – 4,85 м. Скелет мужчины 20-25 лет* лежал в ее центре на подстилке из коры головой к западу в скорченном положении на спине. Череп лицевой частью обращен к югу, руки – вдоль туловища, ноги находились „на подошве", затем завалились влево. Череп и подстилка вокруг него обильно окрашены охрой. Пятна охры отмечены также по дну ямы у левого плеча, возле правых руки и голени ноги.

---

* Все замеры глубин и уровней даны от репера.

* Антропологические определения к.и.н. С. П. Сегеды (ИА АН УССР).

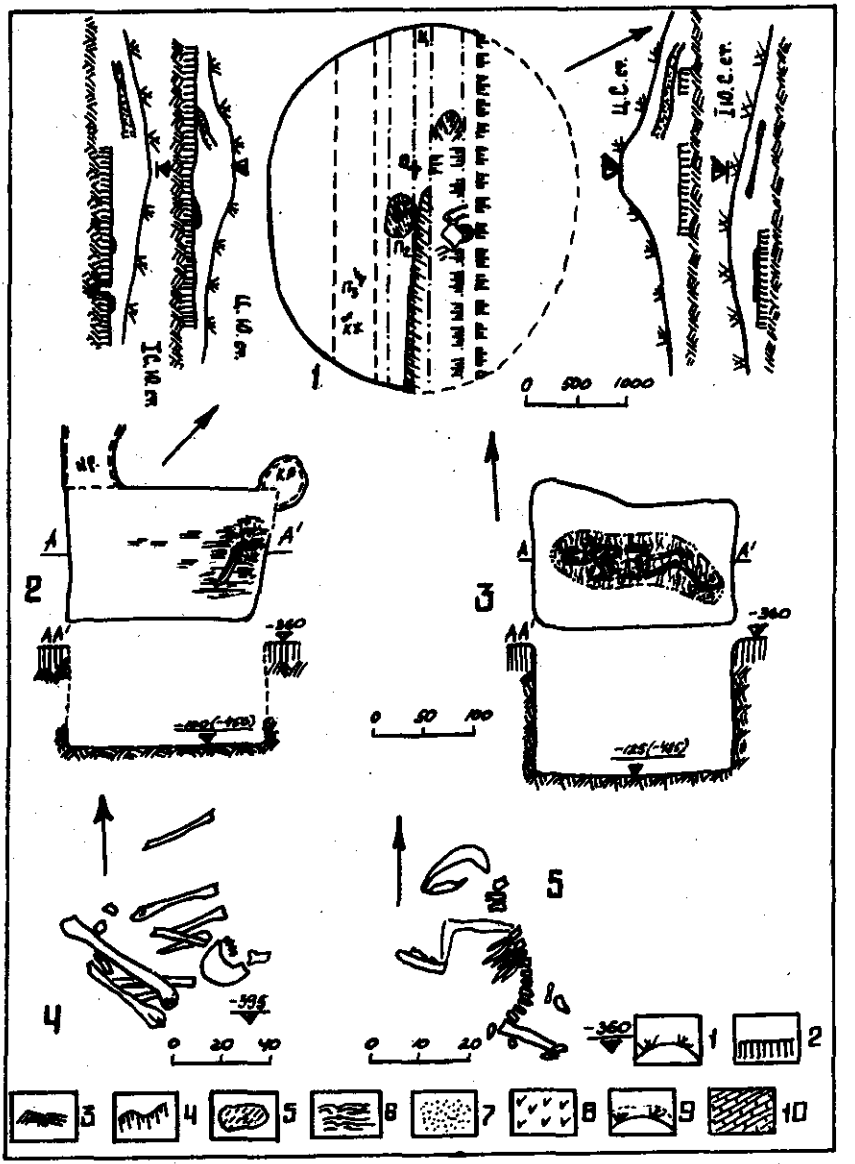


Рис. 1. Мушты. Курган. 1 – план кургана; 2 – погр. 1; 3 – погр. 2; ; 4 – погр. 3; 5 – погр. собаки. Условные обозначения: 1 – задернованная поверхность; 2 – погребенная почва; 3 – материк; 4 – обвалившийся участок; 5 – суглинковый выкид; 6 – кора; 7 – охра; 8 – травяная подстилка; 9 – насыпной грунт; 10 – древесный тлен.

Погребение 3 (рис. 1,4) – с р у б н о е обнаружено в 12,5 м к ЮВ от центра на уровне – 3,95 м. Яма не прослеживалась. Погребенный мужчина 55 лет лежал на левом боку в сильно скорченном положении головой на восток. Руки согнуты в локтях и подняты к лицу.

В насыпи кургана был найден фрагмент стенки лепного тонкостенного сосуда. Состав теста и внешний вид его идентичен фрагменту из п.1.

Курган у **с. Кириленки** входил в состав рассеяной группы из шести насыпей высотой 0,3-2,5 м, расположенной на небольшом возвышении в пойме левого берега р. Псел. Задернованная насыпь высотой 2,2 м, диаметром 34х40 м, овальной в плане формы, обпахивалась. С западной стороны половина кургана была срезана до уровня современной поверхности, а часть рушеного грунта насыпана на сохранившуюся половину насыпи (рис. 2, **1**).

Курган раскапывался на снос с оставлением трех бровок по оси СЗ-ЮВ.

В кургане выявлено ч е т ы р е п о г р е б е н и я эпохи бронзы: ямные (№ 2, 3), катакомбное (№ 4) и срубное (№ 1). В разрушенной части насыпи, в переотложенном грунте, обнаружены фрагменты амфорной керамики – 6 стенок, 2 ручки и ножка III в. до н.э. * (рис. 2,8), 4 обломка лепных сосудов эпохи бронзы и кремневый скребок (рис. 2,9). Амфорная керамика происходит, вероятно, из разрушенного позднескифского или раннесарматского погребения.

Стратиграфические наблюдения в полуразрушенном кургане в значительной степени осложнялись тем, что он весь был перекопан многочисленными погребениями кладбища кон. XIX – нач. XX вв., впущенными на различную глубину. Поэтому некоторые конструктивные особенности кургана остались не совсем ясны. Насыпь состояла из однородного рыхлого сильно гумусированного грунта. Уровень древней поверхности не прослеживал- Вероят- но, это объясняется тем, что с площадки перед сооружением насыпи предва- рительно сняли дерновой слой.

В центральной части кургана находилось два ямных погребения, впущенных в материковые ямы. В плане они прослеживались с уровня – 2,4 м, а в восточном профиле центральной бровки (п. 2) и в западном профиле первой восточной бровки (п. 3) – с уровня – 2,2 м, т. е., очевидно, с уровня той поверхности, на которой был сооружен курган. Следовательно, эти погребения одновременны и являются в кургане основными (рис. 2, **1**).

Погребение 1 (рис. 2, **2**) – с р у б н о е открыто в разрушенной части насыпи, впущено на расстоянии 14,5 м к югу от центра на глубину 2,25 м. Могильную яму проследить не удалось. Погребенный лежал на растительной подстилке скорченно на правом боку головой на восток. Ноги сильно согнуты, правая рука согнута в локте и поднята к лицу, левая была положена на правую по направлению к коленям. Череп не сохранился. За спиной погребенного в 0,4 м от костей позвоночника лежал фрагмент предвенечной части, а на тазовых костях обломок стенки слабореберчатого горшка с чуть отогнутым наружу венчиком. По линии высоких плечиков и округлому ребру расположен орнамент в виде тройного ряда „стоячих углов", нанесенных оттиском тонкого витого шнура. Шейка сосуда орнаментирована

* Определение к.и.н. В. Н. Корпусовой (ИА АН УССР)

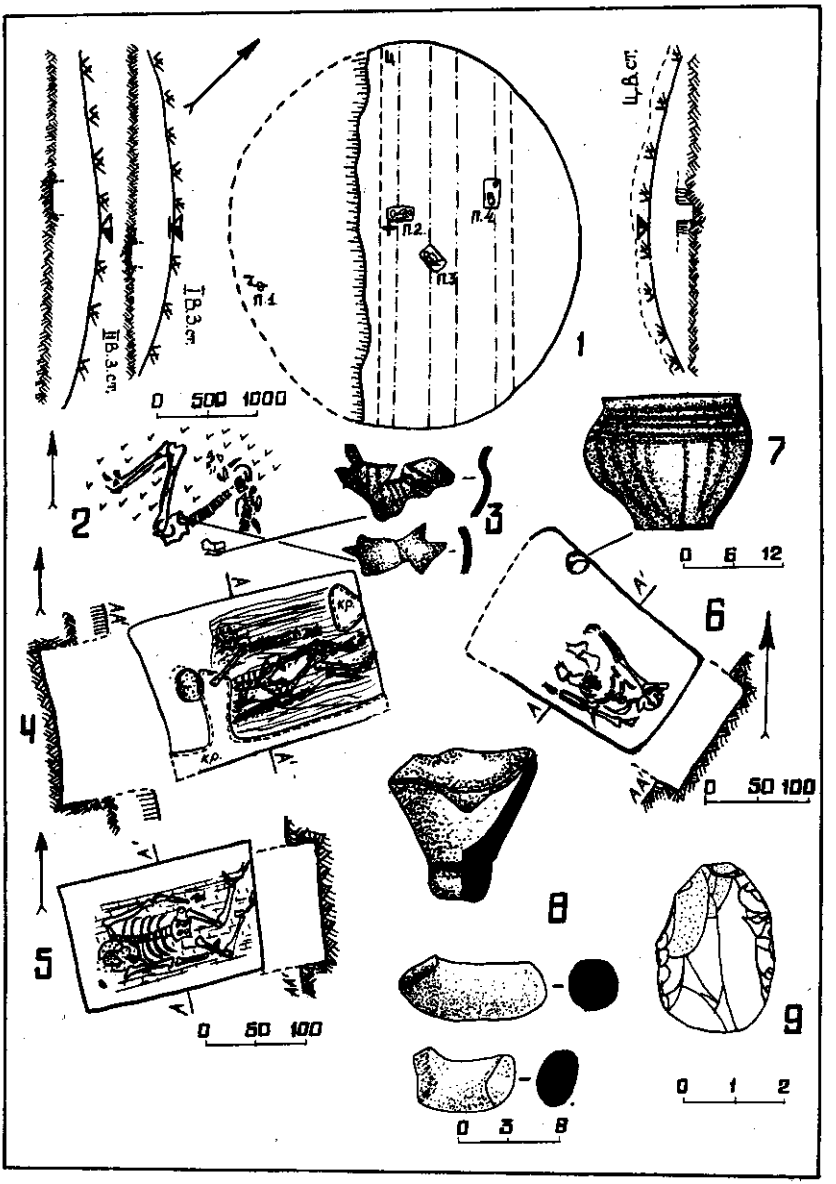


Рис. 2. Кириленки. Курган. 1 – план; 2,4,5,6 – планы погребений; 3,7 – находки из погребений; 8,9 – находки из насыпи. Условные обозначения: см. рис. 1.

двумя рядами оттисков того же шнура. Внешняя ангобированная поверхность коричневого цвета с темными пятнами (рис. 2, 3).

Погребение 2 (рис. 2, 4) – ямное находилось в 0,5 м к северу от центра кургана на глубине 3,3 м. Материковая яма прямоугольной формы ориентирована по линии ЮЗ-СВ, ее размеры 2х1,5 м, глубина 0,7-0,8 м. В черноземном заполнении, в южной ее половине встречались кусочки дерева и угли. Дно имело наклон к югу и было сильно повреждено землероями. Скелет мужчины 30-40 лет лежал на спине головой на ЮЗ, руки вытянуты вдоль туловища, ноги первоначально поставлены на ступни, а затем завалились влево. Погребенный лежал на подстилке из коры. Скелет обильно посыпан охрой красного цвета. Слева от него, на уровне локтя левой руки, на дне – пятно охры диаметром 20 см, а на уровне левой ступни найдена створка раковины перловницы.

Погребение 3 (рис. 2,5) – ямное обнаружено на расстоянии 3,7 м к западу от центра на глубине 2,95 м. Материковая прямоугольная яма размерами 1,7х1,2 м, глубиной 0,75 м ориентирована по оси В-З. В черноземном заполнении местами встречались угли и кусочки дерева. Скелет мужчины 40-50 лет лежал на спине, головой на запад. Руки вдоль туловища, подогнутые в коленях ноги, завалились вправо, стопы – в положении „на подошве". Череп обильно посыпан охрой красного цвета. Над правым плечом найден обломок створки раковины перловницы. На дне могилы – следы коричневого тлена от древесной подстилки.

Погребение 4 (рис. 2,6) – катакомбное впущено в 9 м к СВ от центра на глубину 3,1 м. Вероятно, погребение совершено в подбое, от которого прослеживалась только придонная часть ямы. Размеры подпрямоугольной ямы по дну 1,9х1,3 м, ориентация по оси СЗ-ЮВ. В смешанном, плотном заполнении встречались угли. Уголек обнаружен и на дне ямы, справа от черепа. Скелет погребенного лежал на спине головой к востоку, руки вытянуты вдоль туловища, кости ног отсутствовали. У северной стенки ямы на уровне ног стоял лепной горшок с широким горлом, выпуклыми боками и маленьким плоским дном. Короткий венчик утолщен, плечики плавно переходят в приземистое тулово с выпуклыми боками, сужающимися ко дну. Верхняя часть горшка орнаментирована пятью горизонтальными рядами оттисков сдвоенного витого шнура. На боках и нижней части сосуда на фоне гребенчатых расчесов нанесен орнамент в виде двадцати двух вертикальных рядов оттиска того же шнура. Под последним горизонтальным рядом на корпусе горшка находится ряд из тридцати оттисков дугообразной палочки-штампа. Один край этого ряда опущен вниз под прямым углом. Внешняя светло-коричневая поверхность ангобирована, внутренняя серая – покрыта расчесами. Высота сосуда 14,5 см, диаметр венчика 16,8 см, дна – 9 см (рис. 2, 7).

Исследованные курганы принадлежат ямному времени. Среди погребений выделяется захоронение катакомбного времени из кургана у с. Кириленки, которое дополняет сравнительно небольшую группу известных ката- комбных памятников Полтавщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Луговая Л. Н.** Отчет о раскопках археологической экспедиции Полтавского краеведческого музея на Полтавщине в 1988 году. //НА ПКМ, ед. хр. 03-280.
2. **Мельникова И. С.** Отчет о раскопках кургана у с. Кириленки Кременчугского района Полтавской области в 1989 году. //НА ПКМ, ед. хр. 03-295.

И. В. Бовкун ©

КАМЕННАЯ МОТЫГА С НИЖНЕГО ПООРЕЛЬЯ

О распространении земледелия среди племен эпохи бронзы на территории Днепровского лесостепного Левобережья свидетельствуют находки мотыг, которые, наряду с другими простейшими орудиями, являлись вспомогательными при плужном земледелии /1,с.21,25/. На рассматриваемой территории найдено большое количество орудий, которое можно считать мотыгами. Они бывают роговыми, костяными, каменными и бронзовыми /2,с.118-119, рис. 38/. Среди наиболее редко встречаемых – каменные мотыги с полностью зашлифованной поверхностью и четко выраженным приспособлением для крепления рукоятки в виде просверленного отверстия или перехвата /2,с.120/. В 1989 г. именно такого типа орудие поступило в Полтавский краеведческий музей.* Мотыга обнаружена в 1930-х гг. при торфоразработках в пойме на правом берегу р. Орели в ур. Кучигиевэ озеро, между сс. Великая Маячка и Канавы Новосанжарского района. Более 50 лет орудие хранилось в кабинете истории местной школы.

Мотыга ромбической формы имеет слегка дуговидный изогнутый профиль с узким заостренным лезвием. Для крепления к рукоятке изделие сверлено на конус с двух сторон. Вся поверхность мотыги зашлифована. На лезвие заметны сколы (рис. 1). Она изготовлена из рогово-обманкового кварцитового песчаника. Длина орудия – 19,6 см, ширина – 8,2 см, ширина лезвия – 3,4 см, диаметр отверстия: внешний – 3,8 см, внутренний – 1,8 см, вес – 1,6 кг.

Поблизости, в 0,5 км от места находки, собраны отдельные фрагменты лепной позднеямной керамики, обломки костей, свидетельствующие о наличии кратковременной стоянки. Возможно, мотыга имеет какое-то отношение к названному памятнику.

Аналогичное изделие обнаружено у с. Новопокровки Чугуевского района Харьковской обл. /3,с.196,197; 4/, близкая по форме мотыга происходит из могильника среднеднепровской культуры у с. Иванковичи Киевской обл. /3,с.196,197, рис. 1, 5/. Учитывая форму орудия и его близость с новопокровской находкой, следует связывать изделие с **ранним бронзовым веком.** Мотыга из окрестностей Маячки является первым из обнаруженных такого рода орудий на Полтавщине.

---

* Дар учителя Маячанской СШ В. Н. Чяпчи.

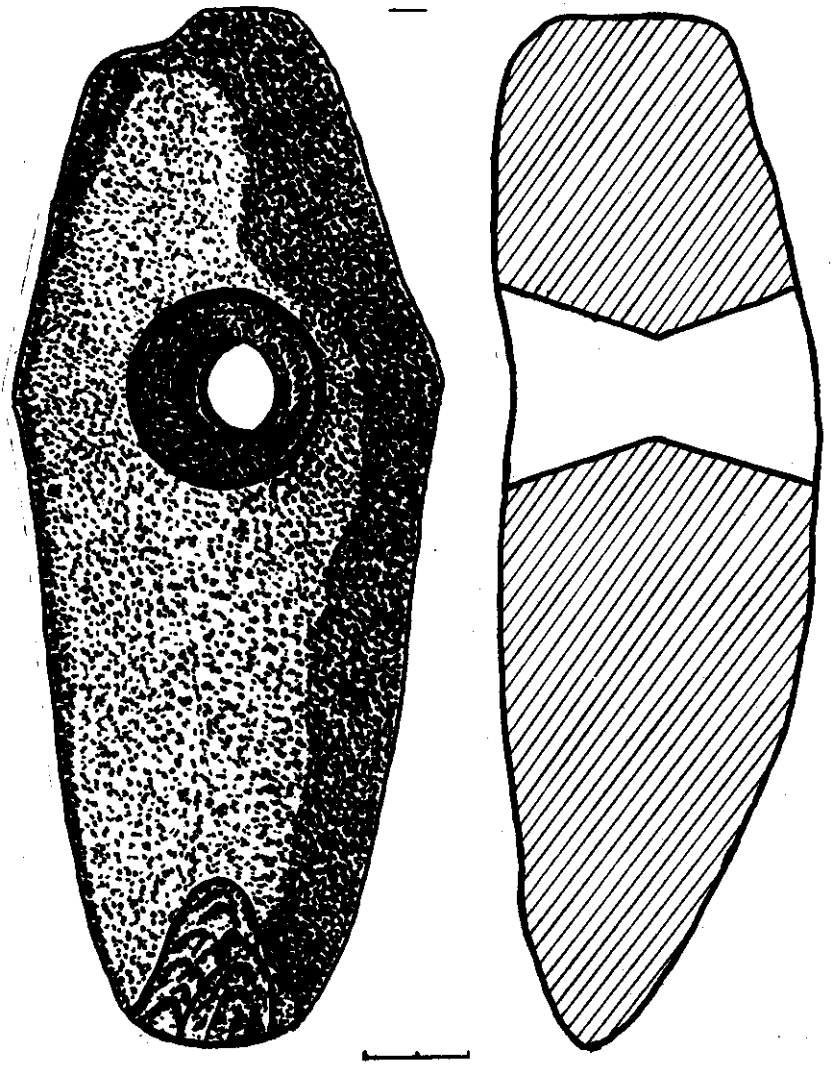


Рис. 1. Каменная сверленная мотыга из Нижнего Поорелья.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Краснов Ю. А.** Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы //МИА. – 1971. – № 174.
2. **Березанская С. С.** Северная Украина в эпоху бронзы. – К.: Наукова думка, 1982.
3. **Березанская С. С.** О земледелии в культурах шнуровой керамика на Украине //Памятники древней истории Евразии.– М.: Наука, 1975.
4. **Бородулін В. Г.** Кам'яна мотига з с. Ново-Покровки //Археологія. – 1979. – 32.

Кулатова И. Н. ©

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ IV В. ДО Н.Э ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. ОЛЕФИРЩИНА

В ходе охранных исследований 1989 г. в составе курганного могильника скифского времени у с. Олефирщина Диканьского района Полтавской области /1,с.48; 2,с.48; 3,с.50-52; 4,с.338/ раскопаны три кургана /5,с.14-34/.

Группа расположена на водораздельном плато рр. Ворсклы и Ольховой Говтвы в 0,25-1,35 км к северо-западу от села и состоит из 31 насыпи, которые вытянуты цепочкой с востока – юго-востока на запад – северо-запад более чем на 1,4 км. Работы Скифской экспедиции Полтавского краеведческого музея 1989 г. производились в юго-западной части могильника, расположенного вдоль древнего пути на Кнышевское городище. Среди исследованных насыпей выделяется комплекс кургана № 16.

Его насыпь была сильно распахана. Высота кургана составляла 0,45 м, диаметр 11 м (рис. 1). К югу от насыпи были заметны следы запаханной дуговидной в плане выемки от выборки грунта для сооружения кургана размером 1,5х15 м, глубиной до 0,35 м. Курганная насыпь состояла из однородного чернозема с редкими углями. В кургане обнаружено одно погребение, произведенное в центре с уровня древней поверхности. Погребальную яму окружал суглинково-черноземный выкид округлой в плане формы диаметром 7 м и мощностью до 0,25 м. Суглинковый натопт от выкида был разнесен участниками обряда по всей площади, перекрытой насыпью кургана. Центральная часть насыпи над погребением была сооружена из дерновых вальков размером от 0,1х0,3х0,4 до 0,25х0,5х0,6 м, уложенных в 4-5 слоев (рис. 1).

Погребение перекрывалось деревянным накатником (4х4,2 м), уложенным на древнюю поверхность поперек длинной оси ямы (ЗСЗ-ВЮВ), и состояло из одного ряда плах толщиной 0,1-0,15 м, шириной 0,05-0,25 м при длине около 4 м, заходящих за край ямы на 0,2-0,4 м. На отдельных участках плах дерево оставалось неошкуренным. У краев перекрытия плахи сохранили следы пребывания в огне, разведенном после сооружения накатника и потушенном вальками дерна. Перекрытие под давлением грунта обрушилось в яму.

В заполнении погребальной ямы находился смешанный грунт выкида с

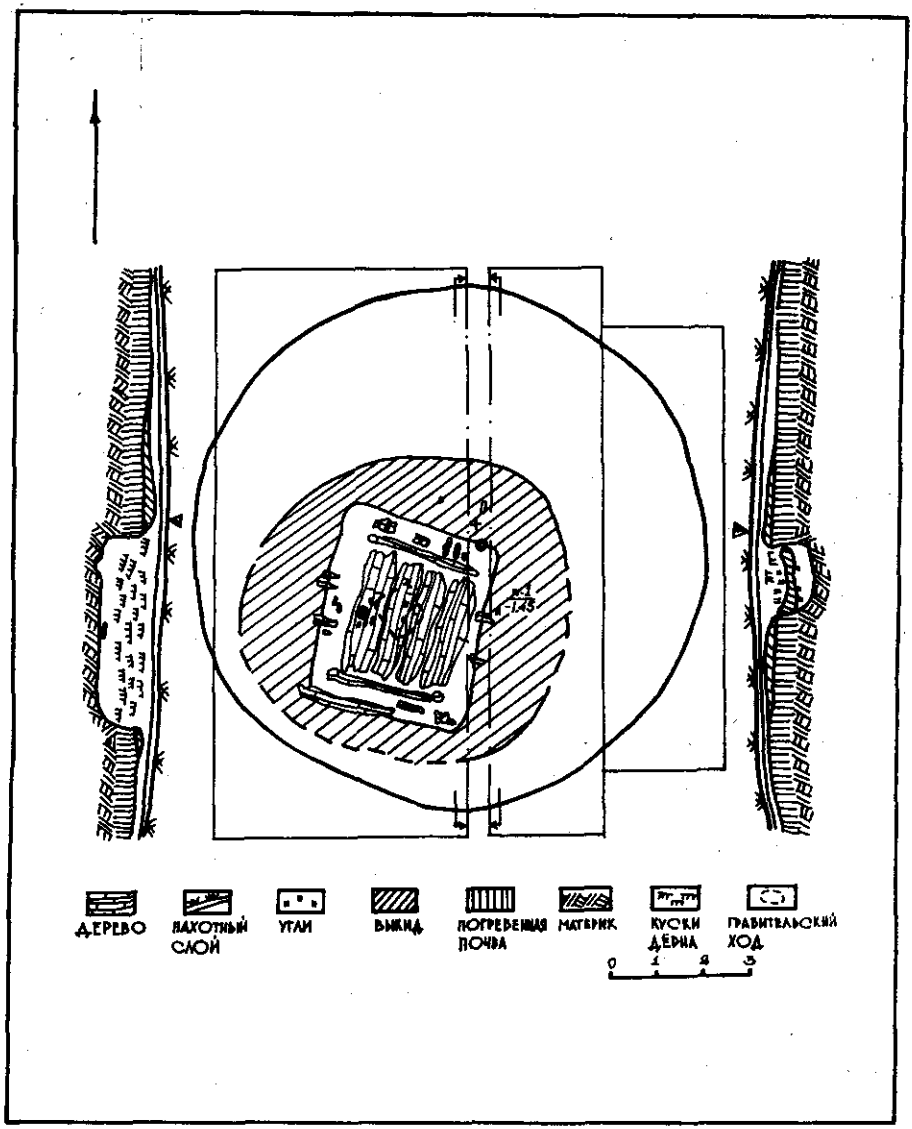


Рис. 1. Олефиренина. Курган № 16. План.

редкими угольками и кусочками дерева. В центре заполнение было перерезано подпрямоугольным в плане грабительским лазом, колодцем опускавшимся с вершины кургана. Размеры заполненного оплывшим слежавшимся черноземом грабительского хода в плане составляли 1,4х1,5 м. В его заполнении обнаружено множество углей.

Погребальная камера прямоугольной а плане формы размером 3,5х4,1 м и глубиной 1,0 м от уровня древней поверхности была ориентирована по длинной оси с северо-востока – севера на юго-запад – юг (рис. 1). Южная стенка ямы была короче северной на 0,2 м. Стенки ямы отвесные ровные, дно также ровное. Параллельно северной и южной стенкам на дно были уложены подпрямоугольные в сечении лаги шириной 0,15 – 0,2 м и длиной 2,65 и 2,95 м, оставившие в материковом суглинке продавленные канавки глубиной до 0,06 м. На поперечных лагах вдоль длинной оси ямы был устроен дощатый помост из тонких (2-3 см) досок шириной 0,5-0,6 м и длиной 2,9-3,6 м (рис. 2). Края досок выходили за пределы основания настила. Помост состоял из четырех досок, уложенных через промежутки в 0,1-0,15 м, которые, в свою очередь, были устланы дубовой корой. На истлевшем настиле в центральной части ямы обнаружены остатки кожаного тлена.

Скелет погребенной был полностью растащен грабителями. У западной стенки ямы обнаружены отдельные фрагменты локтевой и лучевой костей рук (рис. 2). Несколько обломков ребер и фрагмент черепа выявлены на дне и в заполнении грабительского лаза. Рядом с костями находилась чернолаковая аттическая чашечка, развал панциря черепахи, к востоку от чашечки лежала золотая калачиковидная подвеска. Между ними находились два керамических пряслица. Ближе к юго-восточному углу ямы обнаружен обломок лезвия железного ножа и лепной лощеный кувшин, у восточной стенки – фрагмент лепной лощеной миски. В центре, в заполнении грабительского хода, найдена золотая бусина, в разных местах на дне ямы два фрагмента лепных сосудов.

У северо-восточного угла ямы, в северной стенке обнаружен тайник в виде округлой в плане ямки полушарой формы, наполовину врезавшейся в материк стенки (рис. 2). Диаметр ямки тайника 0,23 м, глубина 0,08 м. Тайник был частично перекрыт куском доски, но оказался пустым.

Находки. 1. Золотая калачиковидная серьга-подвеска полая внутри с орнитоморфно оформленными концами (рис. 3,3). Корпус по центру украшен четырьмя продольными поясами сканой плетенки, между которыми помещены стилизованные гроздья винограда, выполненные зернью. Орнаментированная часть тулова подвески ограничена поперечными колечками тонкой напаянной проволоки. К неорнаментированным концам „калачика" прикреплены полые фигурки водоплавающих птиц (уток-?), развернутых головками в разные стороны. Через тулово одной из них проходит массивная проволочная петля с отогнутым зацепом. Подвеска находилась в довольно продолжительном употреблении, отчего на корпусе образовались изломы. Высота 4,3 см, ширина 2,7 см, толщина 1,1 см; максимальный диаметр проволоки петли 0,2 см; толщина листа на корпусе 0,025 см.

2. Бусина рубчатая овальной формы из золотой фольги (рис. 3,4). Украше-

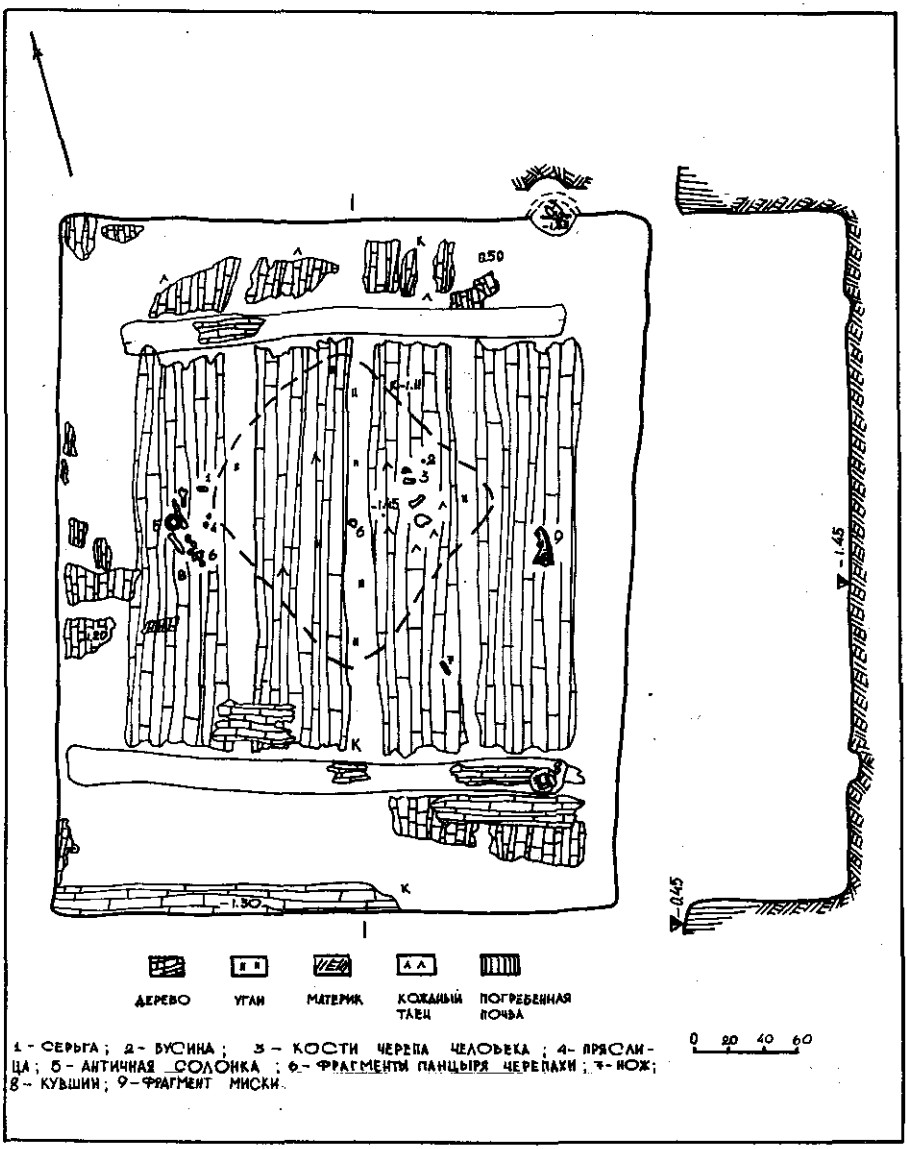


Рис. 2. Олефирщина. Курган № 16. План погребения.

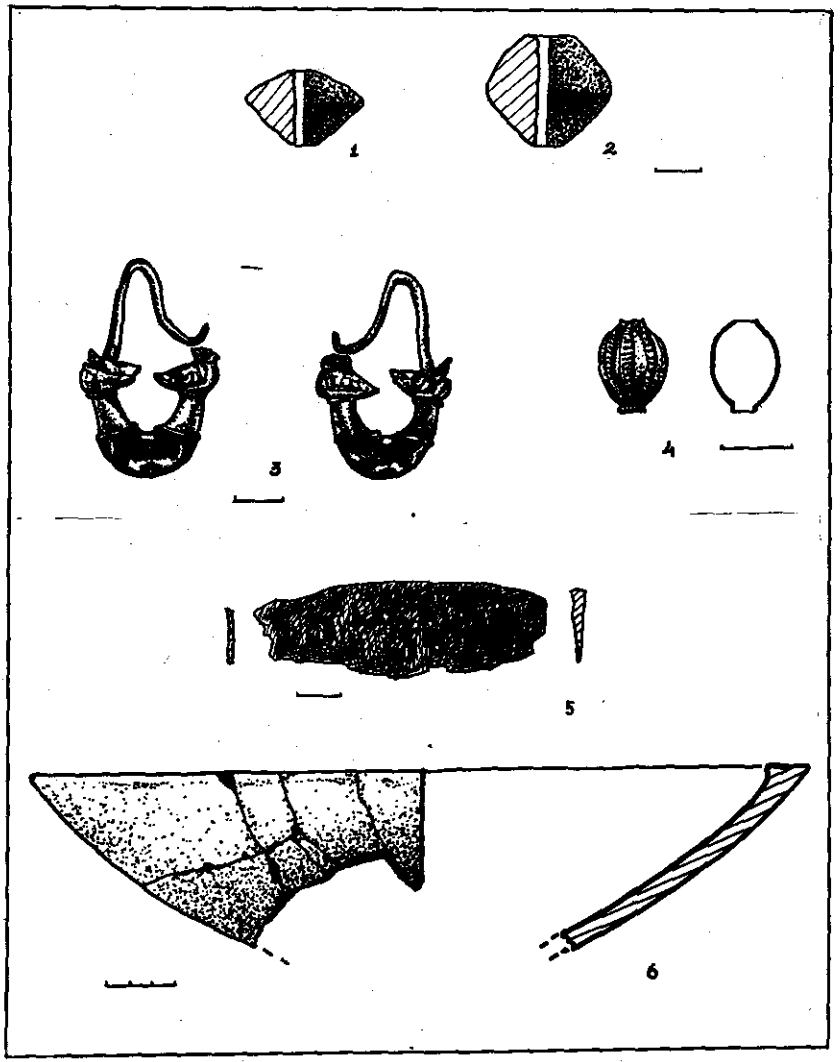


Рис. 3. Олефирщина. Курган № 16. Находки: 1,2 – пряслица; 3 – подвеска; 4 – бусина; 5 – нож; 6 – лепная миска. 1, 2, 6 – керамика, 3, 4 – золото; 5 – железо.

на продольными бороздками, через ряд орнаментированными поперечными насечками. Изготовлена из двух штампованных половинок, скрепленных между собой напаянными кольцами тонкой проволоки по краям отверстий и кусочками такой же проволоки, напаянной по швам соединения. Длина 1,3 см; диаметр 0,95 см; диаметр отверстий 0,2 см.

3. Обломок лезвия железного ножа с горбатой спинкой (рис. 3,5), представленный частью черенка, выделяющегося с двух сторон небольшими уступами. Длина обломка 6,1 см; ширина лезвия 2 см, его толщина у спинки 0,5 см; ширина черенка 1,2 см, его толщина 0,3 см.

4. Фрагменты панциря молодой черепахи (9 экз.), возможно, использовавшегося как чаша. Размеры: от 1,4x2,2 до 2,3x3,6 см.

5. Круговая чернолаковая аттическая чашечка – „оксибаф" (рис. 4) на низкой кольцевой подставке, венчик вогнут. Покрыта черным блестящим лаком со слегка коричневатым отливом хорошего качества. Внешняя поверхность донышка оставлена в цвете глины. Донышко украшено двумя тонкими кольцами лака с точкой в центре. На внутреннюю поверхность чашечки нанесен штампованный орнамент: по окружности крестообразно расположены четыре стилизованные пальметты, внутри – пояс из восьми ов, ограниченный меньшей окружностью. Лак на внутренней поверхности чашечки имеет множество царапин и сколов. Штампованный орнамент окружен широкой спиралеобразной царапиной в 1,5 оборота. Цвет глины – желто-оранжевый. Высота чашечки 2,7 см; диаметры: венчика 8,8 см, кольцевой подставки 6,2 см; высота подставки 0,6 см.

6. Кувшин лепной с округлым корпусом, цилиндрической шейкой и утолщенным немного отогнутым венчиком (рис. 5) с ручкой в виде петли трапециевидной в сечении формы. Внешняя поверхность ручки украшена двумя вертикальными бороздками (рис. 5, правый угол). Придонная часть немного выделена. Поверхность хорошо подлощена; цвет – красновато-коричневый с темными пятнами. Высота кувшина 22,7 см; диаметры: венчика 10,6 см, шейки 10,1 см, корпуса 19,6 см, дна 9,4 см; высота ручки 9,3 см, ее ширина 3 см и толщина 1,7 см; толщина стенок 0,5-0.8 см.

7. Обломок лепной серолощенной миски близкой к полусферической формы со срезанным немного расширенным краем венчика (рис. 3,6). Диаметр венчика 30,5 см, высота около 7-8 см, толщина стенок 1-1,2 см.

8. Пряслице керамическое биконическое лепное (рис. 3,1). Поверхность черного цвета подлощена. Высота 1,7 см, диаметр 2,7 см, диаметр отверстия 0,35 см.

9. Пряслице керамическое лепное усеченно-биконическое с одним срезанным основанием (рис. 3,2). Поверхность черного цвета тщательно залощена. Высота 2,5 см, диаметр 2,85 см, диаметр отверстия 0,4 см.

10. Фрагменты стенок лепных сосудов с зернами мелкотолченного шамота в тесте (2 экз.). Размеры: 0,45x0,6 и 1,8x2,2 см.

Несмотря на ограбление, сохранившиеся предметы комплекса позволяют с определенной степенью полноты определить хронологическое положение погребения. Так,обнаруженная в яме золотая калачиковидная подвеска, дополняющая ряд ярких памятников античного ювелирного искусства,

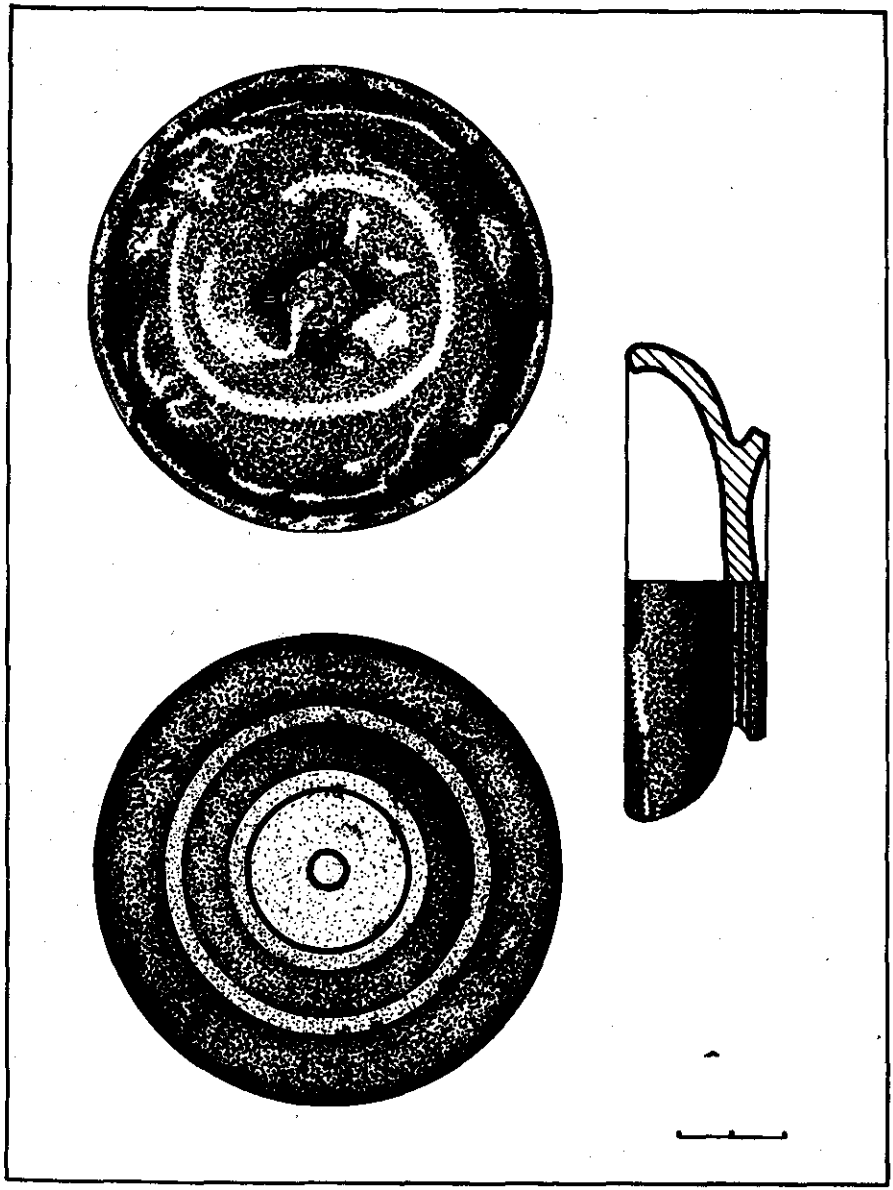


Рис. 4. Олефирщина. Курган № 16. Аттическая чернолаковая чашечка.

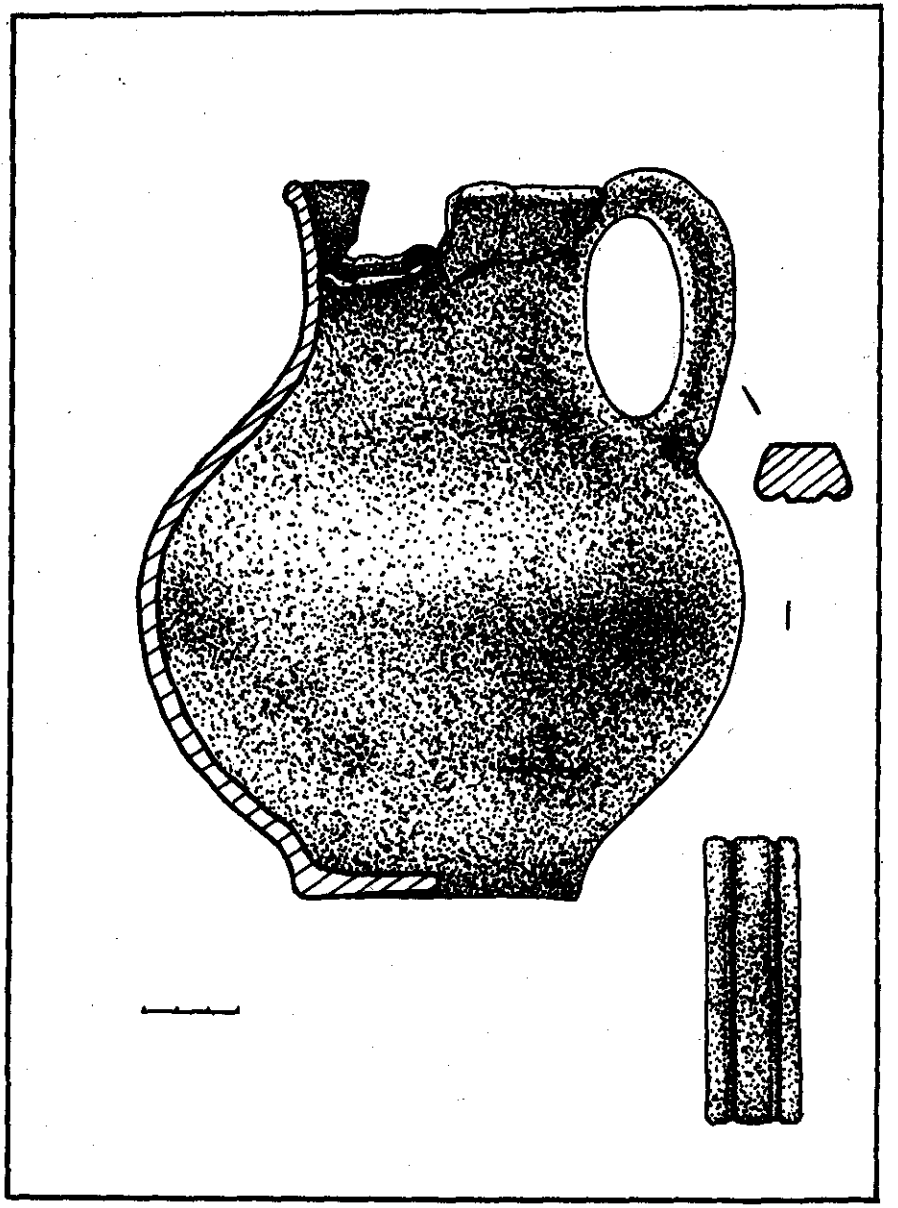


Рис. 5. Олефирщина. Курган № 16. Лепной кувшин.

происходящих из степных курганов юга Украины, принадлежит к широко распространенному типу украшений, бытовавших на обширной территории юга Восточной Европы в конце У-ІУ вв. до н.э. /6,с.35/. Назовем изделия из кургана № 4 у с. Волковцы /7,с.139, табл. 41, рис. 1/, кургана № 5 в ур. Осняги у Вельского городища /8, табл.37, рис. 16; 9,с.137, рис. 53,120/, одного из погребений кургана № 38 у с. Любимовка на берегу Каховского водохранилища /10,с.37, рис.27; 11, рис.23/ и др. Хотя близких аналогий украшению известно немного. Это подвески из Чмыревой могилы /12,с.148-149; 13,с. 298, табл. 42, рис.24/ и кургана у с. Новоселки бывшей Киевской губернии /14, №247-248/. Видимо, последняя изготовлена одним и тем же мастером, что и серьга из Олефирщины, о чем свидетельствует почти полное соответствие орнаментации калачиковидного корпуса подвески и характера моделировки фигурок водоплавающих птиц. Как и подвеска из Новоселок, олефирщинская имела в древности утраченное двигающееся колечко для фиксации зацепа петли, крепившееся на тонком стерженьке, зажатом в клюве одной из уток.

Овальная рубчатая бусина из золотой фольги принадлежит также к весьма распространенному типу украшений рубежа У-ІУ – ІУ вв. до н.э. Наиболее близкие изделия происходят из курганов № 93 у с. Бобрица и № 483 у с. Капитановка в Днепровском Правобережье /15,с.130,132, рис. 41/, погребения 2 кургана № 3 у с. Богдановка на Херсонщине /16,с.80-82,рис.9, 2/.

Чернолаковая аттическая чашечка, служившая в качестве солонки или использовавшаяся для приправ, является наиболее четким хронологическим индикатором. Она принадлежит к группе аттических сосудов, изготовлявшихся между 400 и 325 гг. до н.э. в Афинах /17,с.40/. Наличие штампованного орнамента внутри „оксибафа" вносит некоторые коррективы в представление о времени изготовления сосуда – в пределах первой половины ІУ в. до н.э. /18,с.63/.

Лепной лощеный кувшин, обнаруженный в погребении, принадлежит к поздним типам столовой посуды ІУ в. до н.э. Подобные сосуды известны по находкам из Басовки /13,с.329, табл.24, рис.18/, Волковец и Келеберды /7,с.168, табл.59, рис.1,2/, на Бельском городище (сообщение Б. А. Шрамко).

Таким образом, исследованное погребение ограничивает верхнюю дату могильника у с. Олефирщина первой половиной – серединой ІУ вв. до н.э. Находка в небольшом кургане довольно ценных импортных изделий может свидетельствовать о богатстве большинства поворскленских курганов, принадлежащих зажиточному населению УІІ-ІІІ вв. до н.э. скифского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ляпушкин И. И.** Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа //МИА. – № 104. – М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. **Сидоренко Г. О., Махно Є. В., Телегін Д. Я.** Довідник з археології України. Полтавська область. – К.: Наукова думка, 1982.
3. **Кулатова И. Н.** Курганы скифского времени у с. Олефирщина //Обл.

науч. – практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского: Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.
4. **Супруненко А. Б.** Работы в Нижнем Поворсклье и Поорелье //АО 1986 г. – М.: Наука, 1988.
5. **Кулатова И. Н.** Отчет о разведках и раскопках на Полтавщине в 1989 г. //НА ИА АН УССР, 1989.
6. **Онайко И. А.** Античный импорт на территории Среднего Приднепровья: /VII-V вв. до н.э./ //СА. – 1960. – № 2.
7. **Ильинская В. А.** Скифы днепровского лесостепного Левобережья: /Курганы Посулья/. – К.:Наукова думка, 1968.
8. **Шрамко Б. А.** Археология раннего железного века Восточной Европы. – Х: Изд-во ХГУ, 1983.
9. **Ковпаненко Г. Т.** Племена скіфського часу на Ворсклі. – К.: Наукова думка, 1967.
10. **Лесков О.** Скарби курганів Херсонщини. – К.: Мистецтво, 1974.
11. **Лесков А. М.** Курганы: находки, проблемы. – Л.: Наука, 1981.
12. **Ильинская В. А., Тереножкин А. И.** Скифия VII-IV вв. до н.э. – К.: Наукова думка, 1983.
13. Степи Евразийской части СССР в скифо-сарматское время //Археология СССР. – М.: Наука, 1989.
14. Искусство скифов: Альбом. – На нем. яз. – Л.: Аврора, 1986.
15. **Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.** Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья: /Киево-Черкасский регион/. – К.: Наукова думка, 1989.
16. **Битковский О. В., Полин С. В.** Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине: /К проблеме хронологии памятников V-IV вв. до н.э. / //Скифы Северного Причерноморья. – К.: Наукова думка, 1987.
17. **Секерская Н. М.** Аттическая чернолаковая керамика V-IV вв. до н.э. из Тиры //Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. – К.: Наукова думка, 1980.
18. **Брашинский И. Б.** Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н.э. – Л.: Наука,1980.

В. В. Приймак ©

ОХРАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ VIII-X ВВ. В ВЕРХНЕМ ПОВОРСКЛЬЕ

Верхнее Поворсклье является одним из районов Днепровского лесостепного Левобережья, где раннеславянские памятники изучаются на протяжении длительного времени. В дооктябрьский период здесь велись раскопки В. А. Городцовым, В. Е. Данилевичем и др. /1,с.428; 2,с.110-130/, в довоенные годы памятники этого района исследовались П. Н. Третьяковым, Н. К. Фуксом, затем здесь работали Б. А. Шрамко, И. И. Ляпушкин, М. П. Кучера и О. В. Сухобоков, С. П. Юренко, А. П. Моця, Р. С. Орлов, Р. В. Терпиловский, А. М. Обломский и др. Сравнительно масштабные работы велись на городище в

с. Заречное /3,с.128-140/, курганном могильнике у с. Журавное /4,с. 313-314/, наиболее исследованным является комплекс памятников у с. Ницаха /5,с.164-167/.

В 1987 г. вблизи последнего памятника, на противоположном, левом берегу р. Ворсклица, примерно в 1 км ниже по течению реки было открыто поселение, тогда же на нем проведены охранные раскопки. Селище расположено на окраине села Солдатское Великописаревского р-на Сумской области, вблизи птицефермы. Оно занимает край боровой террассы, значительная часть которой уже уничтожена песчаным карьером; селище разрушается также проходящими по его территории дорогами, ведущими в пойму р. Ворсклицы. Полуземляночная **постройка № 1** была раскопана прямо под дорогой, частично повредившей ее. Постройка была ориентирована почти строго по странам света стенами, она углублялась до 1 м от современной поверхности в материк-песок (рис. 1,1). Площадь полуземлянки около 20 кв. м. В юго-западном углу жилища размещалась печь, устье которой было слегка повернуто к центру постройки. Заполнение постройки было темным, горелым; о том, что она сгорела, говорит и обугленное дерево в верхней части заполнения полуземлянки, почти над столбовой ямой. Наличие столбовых ям свидетельствует о конструкции стен и перекрытия постройки /6,с.132/. Печь в жилище сооружена из глины, которая была принесена со стороны; в верхней части печи были вмазаны (или случайно попали, что менее вероятно) несколько небольших песчанниковых камней. Под печи находился на одном уровне с полом полуземлянки (рис. 1,1). Размеры ее 1,1х0,8 м (рис. 1,2). Печь пережила ремонт, в ходе которого появился второй под (рис. 1,2) и, по видимому, на ней стационарно смонтировали противень, при этом высота внутри топки должна быть не менее 25-30 см, судя по размерам найденных в печи развалов сосудов (рис. 2). Размеры противня, вероятно, 80-90х60-70 см, высота стенок около 10 см; в его днище прослежены отпечатки прутьев, на которых он сооружался (рис. 1,4). Как уже говорилось, жилище имеет столбовую конструкцию, о чем свидетельствует наличие отстоящих на расстоянии около 15 см от стен котлована полуземлянки столбовых ям, диаметр которых – до 40 см (рис. 1,1). Глубина ям 35-40 см, в плане они овальные, по центру северной стенки жилища в яме, по-видимому, стояло два столба, один из которых был углублен на 45 см, а другой на 30 см. Перечисленные выше наблюдения практически полностью соответствуют выделенным П. А. Раппопортом признакам жилищ столбовой конструкции VIII-X вв. /6,с.119/. Заслуживают внимания и другие варианты реконструкции углубленных построек, которые предложил Г. В. Борисевич /7,с.284-285/, хотя им не были приведены дополнительные признаки, указывающие на применение комбинированных способов сооружения построек. В верхней части заполнения постройки и даже на ее полу встречено большое количество керамики бондарихинской культуры, преимущественно крупных обломков. Вероятно, они использовались для предохранения крыши от размывания во время дождей, учитывая, что поселение расположено на песчанистой почве. Аналогичную функцию, по наблюдению П. Н. Третьякова, выполняли на жилищах селищ Подесенья как

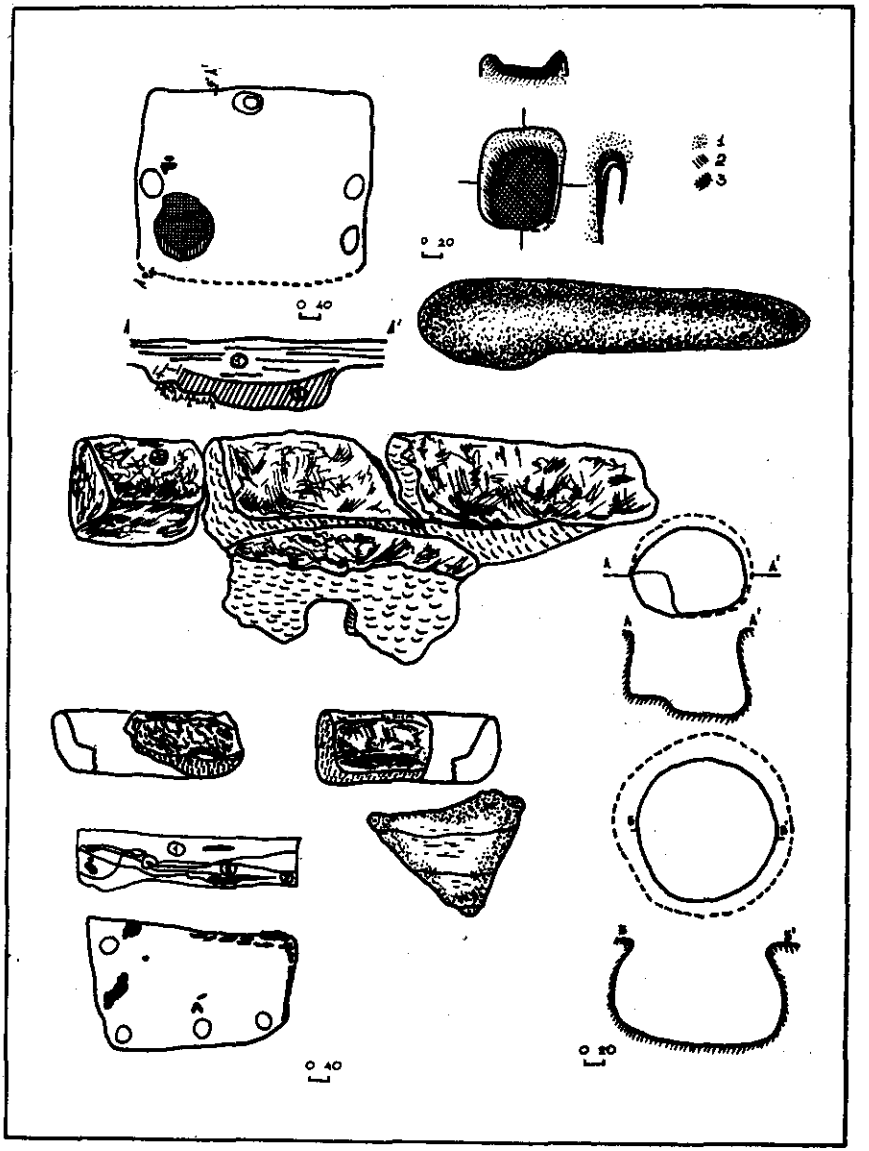


Рис. 1. **Солдатское.** Планы жилищ и инвентарь (А, Б); **Заречное.** Планы хозяйственных ям с посада городища (В). А – план жилища (1), печи (2) и находки из жилища – терочный камень (3), фр-ты противня (4). Условные обозначения: 1 – песок, 2 – глина, 3 – печина. Б-план и находки из жилища № 2. Условные обозначения: 1 - культурный слой, 2 – заполнение полуземлянки, 3 – горелое дерево.

как крупные фрагменты керамики /8,с.112/, так иногда и камни.

В печи жилища были найдены развалы двух сосудов (рис. 2, 1-2), рядом с печью, на 0,2 м выше пола встречен крупный фрагмент сосуда, характерный для волынцевских и раннероменских древностей (рис. 2, 3). Оба сосуда из печи орнаментированы насечками ножа или палочки по венчику, однако различаются как своими пропорциями, так и составом теста, из которого были изготовлены. Первый (рис. 2, 2) изготовлен из характерного для славянского гончарства теста, содержащего значительные включения шамота, размеры зерен которого достигали 0,5 см. Поверхность сглажена, серого, местами красноватого цвета. Второй горшок (рис. 2, 1) изготовлен из более плотного теста, лишенного столь крупных примесей, поверхность сосуда более тщательно сглажена, темной окраски, черепок более прочный. Фрагмент сосуда, найденный в заполнении жилища (рис. 2, 3), орнаментирован по венчику пальцевыми защипами, тесто его изготовлено по сходному с тестом сосуда, описанного первым, рецепту. В поисках аналогий керамическому комплексу жилища необходимо обращение к комплексам раннего этапа волынцевских памятников. Наиболее подходящим в этом отношении является комплекс посторойки № 12 селища Хитцы /9,рис. 50/; сходство прослеживается и в керамике из жилища 2 раскопа I поселения Шоссейное /10, рис. 5,6/; близкая керамика имеется и среди пеньковских материалов из селища Сухая Гомольша /11, рис. 3,5/. Характерной чертой исследованного комплекса является отсутствие более ранней пеньковской керамики, а также такие признаки сосудов, которые сближают их с волынцевской и более поздней роменской керамикой. В то же время на селище не встречается гончарная волынцевская керамика, равно как и роменская лепная и раннегончарная. Вероятно, керамический комплекс жилища отражает тот этап в складывании волынцевских древностей, когда „салтоидное" влияние еще не проявилось, а архаические традиции в керамическом комплексе в данной этнографической группе уже не ощущались; скорее всего, это могло быть в первой половине VIII в. Впрочем, нельзя исключать и возможности того, что мы имеем дело с какой-то группировкой, традиции изготовления керамики которой заметно отличаются от традиций, существующих одновременно на значительной территории лесостепной зоны Днепровского Левобережья.

В заполнении жилища № 1 были также встречены несколько точильных брусков из песчаника, в том числе несколько поврежденных были найдены у верхней кромки столбовой ямы в юго-восточном углу. Над печью, в верхних слоях заполнения полуземлянки, был встречен терочный камень несколько необычной формы (рис. 1, 3), тщательно отполированный. Длина его 19,5 см, толщина от 2,5 до 4 см.

Неподалеку от жилища № 1 в обрыве другой дороги была замечена вторая полуземлянка, наполовину уничтоженная при подчистке дороги. Полуземлянка № 2 прорезала край слабо углубленной в почву постройки раннего железного века. Судя по уцелевшей части полуземлянка, ориентированная стенами по сторонам света, имела подпрямоугольную форму, площадь ее немногим превышала 20 кв. м (рис. 1, 8). Глубина от современной поверх-

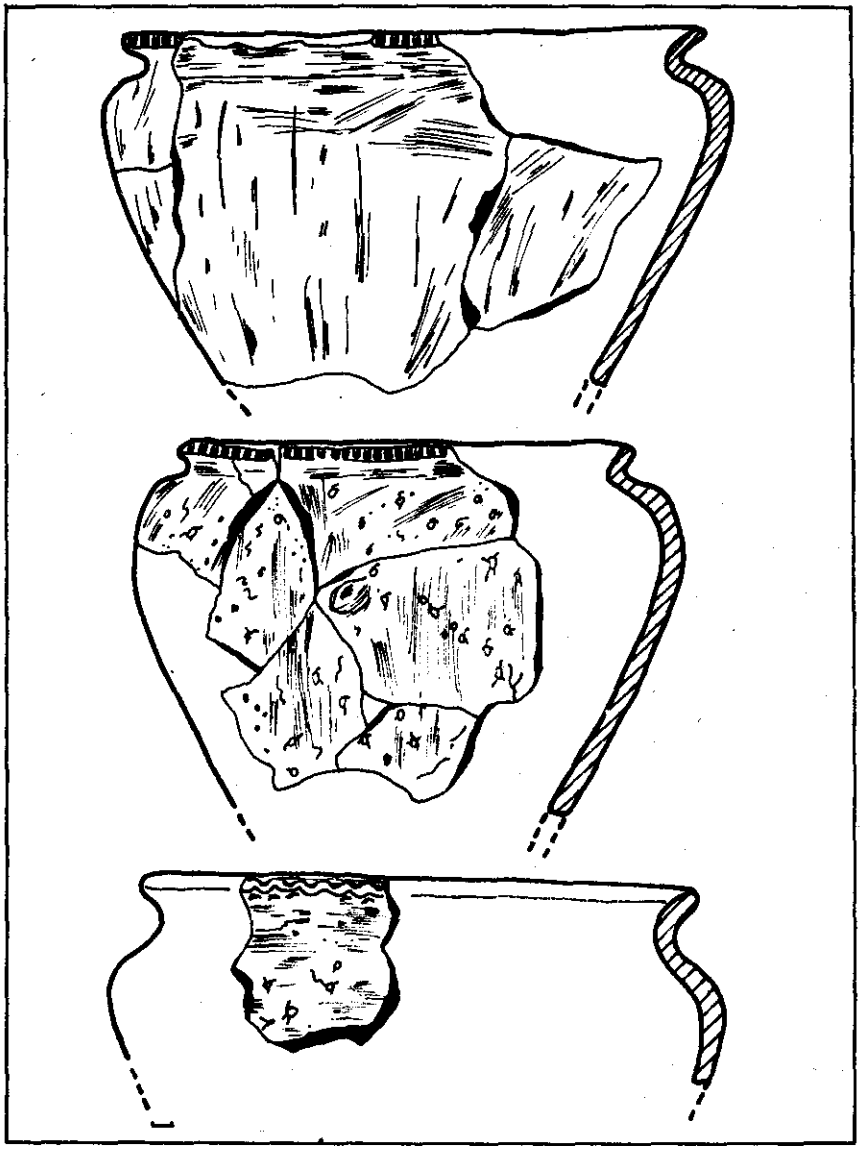


Рис. 2. **Солдатское.** Поселение. Керамика из жилища № 1.

ности – 1,2 м. Как и в предыдущем случае, конструкция постройки была столбовой, некоторые детали вследствие пожара, в котором прекратила существование полуземлянка, сохранились лучше, стенки котлована жилища под воздействием огня приобрели красноватый цвет. Столбовые ямы сохранились как в углах, так и посредине стенок; они были в плане круглыми, глубиной 25-40 см. Вдоль северной стенки, между столбами и стенкой котлована, сохранились следы плахи (рис. 1,8), мощные обломки сгоревшего перекрытия или стен зафиксированы вблизи южной и восточной стенок постройки на 0,4 м выше уровня пола. Повидимому, остатками перекрытия жилища являются следы дерева, тянущиеся к центру полуземлянки от центрального столба северной стенки, на 0,05-0,1 м выше пола. Довольно мощные следы пожара фиксируются также и в профиле (рис. 1, 8). Как уже отмечалось, западная часть поверхности вместе с печью, которая там, вероятно, размещалась, оказалась уничтоженной. Из заполнения полуземлянки происходят лишь несколько фрагментов керамики,которые могут быть отнесены к данной постройке (рис. 1, 5-7), часто встречались фрагменты керамики раннего железного века. Те и другие, кроме обломка стенки амфоры, происходили из верхней части заполнения. Встречались также точильные бруски, как и в жилище № 1, со следами сработанности. Материалы жилища № 2 позволяют, наряду с конструктивной близостью построек, допустить, что оба жилища существовали на поселении в одно время, скорее всего, в первой половине VIII в.

Охранные исследования, проведенные на посаде городища в с. Заречное (бывшее Петровское) Тростянецкого р-на Сумской области, дали материалы, относящиеся к позднему этапу существования роменской культуры. Работы велись на непосредственно прилегающем к городищу участке селища в связи с разрушением хозяйственных ям грунтовой дорогой. В ходе исследований были раскопаны четыре хозяйственные ямы, две из них содержали богатый комплекс керамики роменской культуры.

Яма № 2 овальной формы, диаметром 1,0-1,2 м, глубиной до 0,9 м, была вырыта в материке-глине буровато-желтого цвета. В западной части ямы была оставлена приступка, в восточном направлении в стенке был сделан небольшой подбой (рис. 1, 9). В верхней части заполнения ямы, в обрезе дороги, были найдены фрагменты древнерусских сосудов (рис. 3, 8,9), попавших сюда случайно. Основная же часть материалов из заполнения ямы относится к роменской культуре. Это фрагменты горшков с профилированным туловом, орнаментированных по венчику пальцевыми защипами (рис. 3, 3) или – чаще – „гусеничкой" по венчику и плечикам (рис. 3, 1,2,4). Из ямы происходят также обломок пряслица (рис. 3, 7), фрагмент сковородки и обломки льячки.

Более богатым оказался керамический комплекс **ямы № 3**. Яма имела круглую в плане форму, диаметр ее около 1,5 м, глубина 1,1 м; стенки ямы плавно расширяются к низу (рис. 1, 10). Большинство обломков посуды из ямы представлено лепной (рис. 4; 5, 1-8), но встречается также и гончарная керамика (рис. 5, 9-13). Лепная керамика представлена преимущественно фрагментами горшков, в основном хорошо профилированных, с коротким,

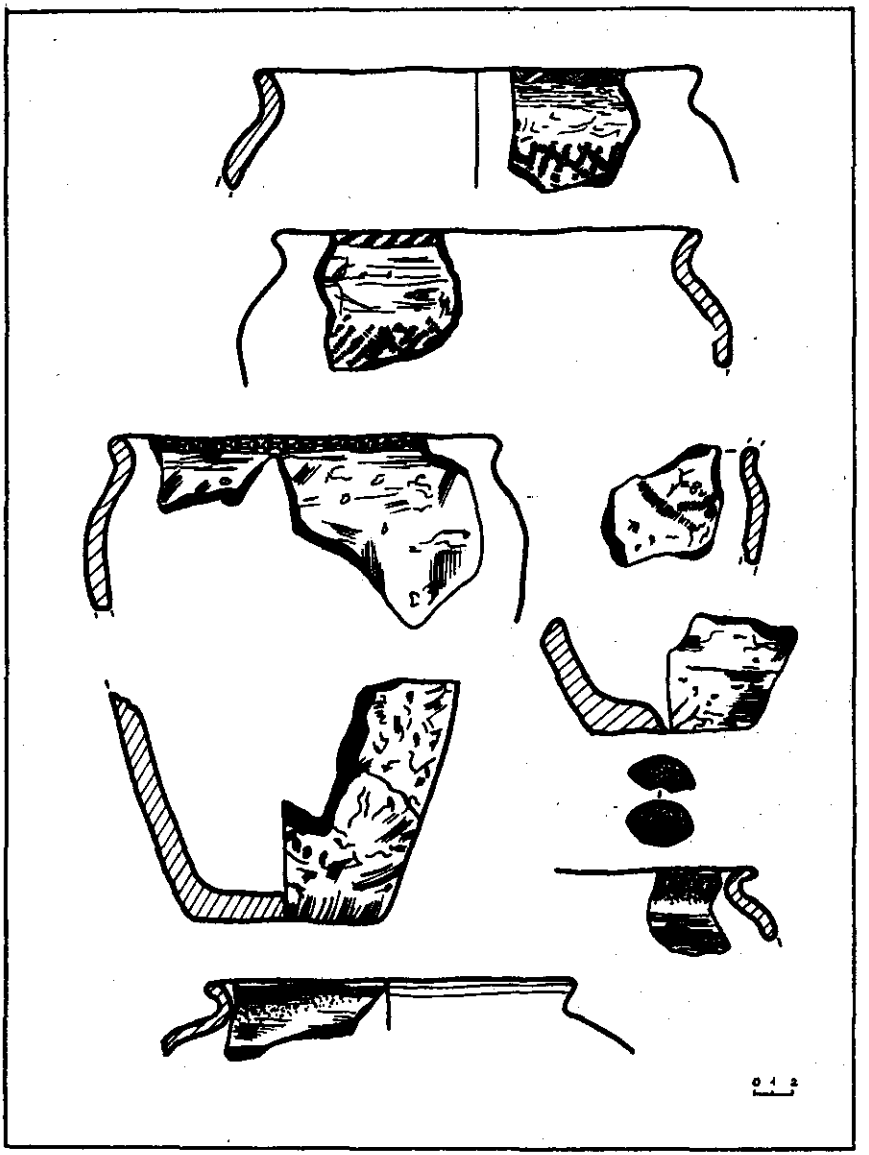


Рис. 3. **Заречное.** Посад городища. Керамика из хозяйственной ямы № 2.

отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 5-7; 5, 1-8), имеются также горшки с высоким вертикальным венчиком (рис. 4, 1,3). Часть сосудов неорнаментирована, большинство лепных горшков орнаментировались по венчику или плечику, а часто украшались и венчик, и плечики „гусеничкой", иногда образующей сложные композиции. Встречаются также оттиски палочки без намотанной веревки (рис. 4, 7; 5, 1), но способ нанесения орнамента аналогичен отмеченным выше. В керамическом комплексе ямы представлен как фрагмент небольшой сковородки (рис. 4, 4), так и нечасто встречающейся на роменских памятниках Днепровского Левобережья миски (рис. 4, 2). Близкие по форме миски происходят из курганного могильника у с. Каменное в бассейне р. Псел (раскопки О. В. Сухобокова) и памятников борщевской культуры /12, рис. 6,20/.

Гончарная керамика из ямы принадлежит к двум группам, различающимся по технологии и орнаментации. Несколько измельченных фрагментов (рис. 5, 9,11,12) сосудов, изготовленных в традиционной рецептуре формовочных масс, но на медленном гончарном круге, орнаментированы врезной линией и волной. Вероятно, такая повсеместно распространенная на роменских памятниках раннегончарная керамика явилась продуктом влияния со стороны салтовской культуры /13,с.103-104; 14,с.134-135/. Гончарная керамика с манжетообразным венчиком, имеющая распространение в южнорусских землях в X-XI вв., также имеется в составе комплекса ямы № 3 (рис. 5, 10,13). Она намного более тонкостенна, не содержит крупных примесей, изготовлена на более быстром гончарном круге. Считается, что такая посуда проникла на Левобережье Днепра с запада, из земель, вошедших в состав Киевского государства. Повидимому, данный комплекс следует датировать в пределах середины – второй половины X века, хотя, учитывая значительную удаленность бассейна Верхней Ворсклы на юго-восток, нельзя исключать и несколько более поздней даты. Возможно, для решения вопроса о датировке комплекса керамики из ямы № 3 могут быть привлечены материалы раскопок П. Н. Третьякова на городище в 1939 г., опубликованные в неполном виде, а также комплексы, исследованные у с. Журавное /4,с.313/.

Несмотря на небольшие масштабы работ, получены материалы, которые позволяют сделать предположение об отнесении бассейна Верхней Ворсклы к районам Днепровского Левобережья, где происходили процессы сложения северянской общности. Обогатились и сведения о памятниках позднего этапа роменской культуры, в Поворсклье изученных явно недостаточно. Судя по облику памятника, комплекс у с. Заречное следует отнести к числу крупных общинных центров, который, вероятно, подчинялся племенному (или межплеменному) центру. С ним можно отождествить комплекс памятников у с. Журавное Ахтырского р-на Сумской области. Округу данного центра составляли городища и селища у г. Ахтырка, с. Куземин (урочище Замок), Старая Ивановка, селище на территории Каменского городища раннего железного века. Подобная крупная группировка роменских памятников отмечена и в районе г. Полтавы. Повидимому, еще одна группа памятников VIII-X вв. располагалась выше по течению Ворсклы и на

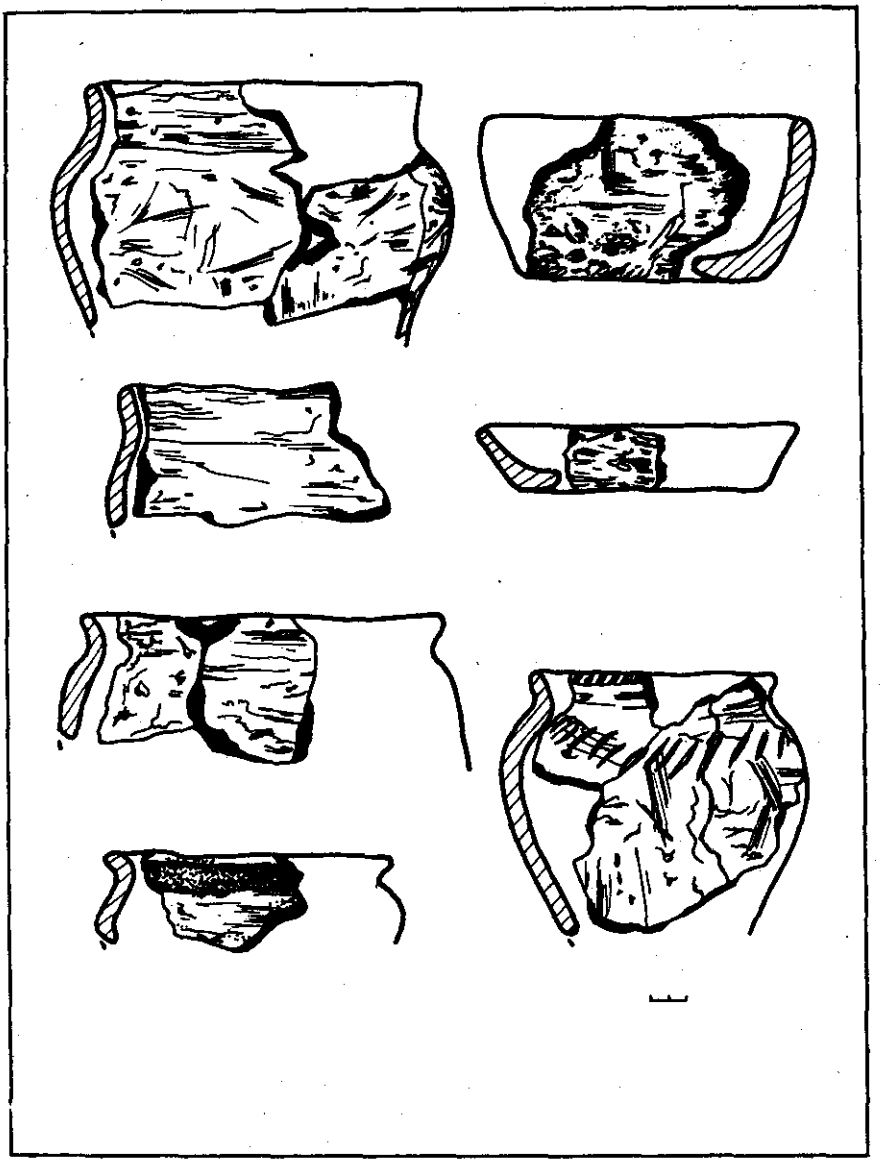


Рис. 4. **Заречное.** Посад городища. Керамика из хозяйственной ямы № 3.

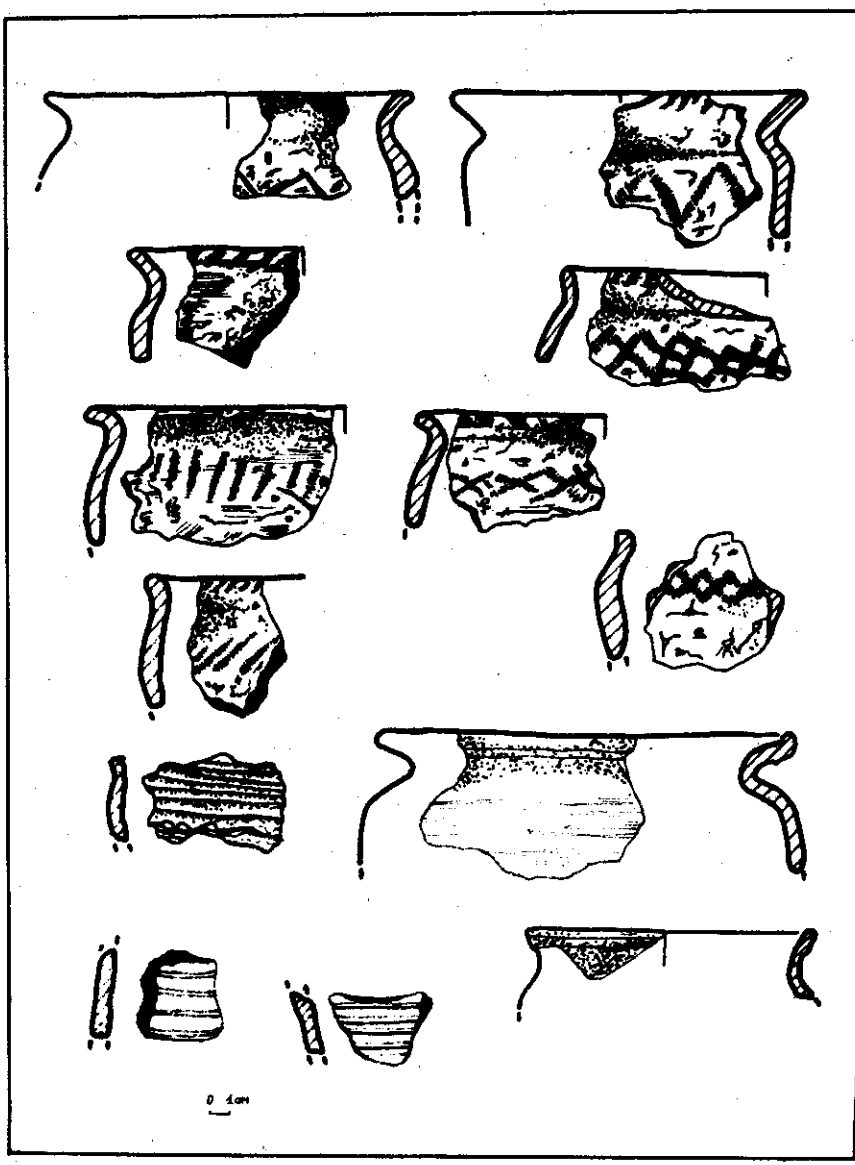


Рис. 5. **Заречное.** Посад городища. Керамика из хозяйственной ямы № 3.

ее притоках (Ницаха, Поповка и др.). Такое расположение памятников роменской культуры, характерное не только для бассейна р. Ворскла, повидимому, отражает территориальную, возможно, племенную структуру *северянского союза. Дальнейшие исследования помогут воссоздать внутреннюю структуру таких групп памятников и динамику их становления.*

ЛИТЕРАТУРА

1. **Городцов В. А.** Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII АС //Труды XII АС. – М., 1905. – Т.I.
2. **Данилевич В. Е.** Раскопки курганов около с. Буды и хут. Березовка Ахтырского уезда. //Труды XII АС.-М., 1905. -Т.I.
3. **Третьяков П. М.** Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли. //Археологія, 1947. –Вип.I.
4. **Моця А. П., Петрашенко В. А.** Работы Днепровской древнерусской экспедиции. //АО 1966 г. –М.: Наука, 1988.
5. **Кучера М. П., Сухобоков О. В., Блажевич Н. В. и др.** Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. –К.: Наукова думка, 1984.
6. **Раппопорт П. А.** Древнерусское жилище. //САИ, 1975. –Вып. El-32.
7. **Борисевич Г. В.** //СА, 1978. –№ 4. –Рец. на кн.: *Раппопорт П. А. Древнерусское жилище* //САИ, 1975. –Вып. Е 1-32
8. **Третьяков П. Н.** По следам древних славянских племен. –Л.: Наука, 1982.
9. **Горюнов Е. А.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. – Л.: Наука, 1981.
10. **Обломский А. М., Смирнов А. С., Сорокин А. Н.** Материалы I тысячелетия н.э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.) //СА,1987. –№ 4.
11. **Міхеєв В. К., Приходнюк О. М.** Пеньківське поселення на Сіверському Дінці //Археологія, 1986. –54.
12. **Винников А. З.** Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э. //СА, 1982. –№ 3.
13. **Узянов А. А.** Роменская керамика как источник хронологического членения культуры //Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. республ. конф. молодых ученых. –К., 1981.
14. **Приймак В. В.** К изучению гончарства населения Среднего и Левобережного Поднепровья во второй половине I – начале II тыс. н.э. //Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. республ. конф. молодых ученых. –К., 1981.

О. В. Сухобоков, ©
С. П. Юренко

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ОПОШНЯНСКОГО ГОРОДИЩА (вт. пол. VIII в.н.э.)

Опошнянское городище расположено в черте бывшего (XVII-XVIII вв.) сотенного местечка /I,с.352/, известного своими традициями гончарного ремесла, на северо-восточной окраине современного поселка городского типа. В качестве древнего поселения упоминается еще в Книге Большому Чертежу /2,с.82/, неоднократно обследовалось – в конце XIX – начале XX вв. /3,с.174-175; 4,с.184-185/ и накануне Великой Отечественной войны – ленинградскими археологами П. Н. Третьяковым и И. И. Ляпушкиным. Последний в 1940 г. начал и в 1957 г. провел раскопки /5,с.268-304/, продолженные в 1975 г. Левобережным славяно-русским отрядом Института археологии АН УССР при участии сотрудников Полтавского краеведческого музея. Работы проводились на южной половине площадки поселения, причем была исследована вся доступная для раскопок площадь (северная и северо-западная части городища заняты современным кладбищем). Масштаб произведенных на этом памятнике работ позволяет считать его наиболее хорошо изученным из раннероменских поселений на территории Полтавщины /6,с.395-396/.

Тем не менее, существуют определенные разногласия относительно хронологической и культурной интерпретации Опошнянского городища. Так, И. И. Ляпушкин считал его безусловно роменским и датировал в рамках VIII-X вв., в то время как Д. Т. Березовец относил данное поселение к числу памятников волынцевского типа, хронология которых не выходит за пределы VIII века /7/. Это заставляет вновь обратиться к материалам исследований.

Поселение размещается на длинном останце серповидной формы, который отделяется от остальной части плато глубокой и широкой балкой, образованной долиной притока Ворсклы речушкой Тарапунькой, протекающей на расстоянии 2 км к юго-западу от поселения. Площадка городища задернована, на поверхности видны остатки окопов и воронок от разрывов авиабомб и артиллерийских снарядов, а также раскопок И. И. Ляпушкина; западная часть ее занята ныне действующим кладбищем, на территории которого в выбросах встречаются обломки грубой лепной посуды. Это позволяет предполагать наличие здесь культурного слоя и, возможно, древних жилых и хозяйственных построек. Восточная и северо-восточная стороны площадки поселения повреждены карьерами для добычи глины. Здесь на крайней оконечности мыса, занятого городищем, видны остатки оборонительной системы, от которой ныне сохранилась невысокая валообразная насыпь и заплывшие рвы. Размеры пригодной для раскопок площади составляют 150-160 м по длинной оси и 40-50 м по короткой.

Начатые в 1957 г. и продолженные нами исследования остатков оборонительной линии показали, что валообразная насыпь образовалась в результате разрушения во время пожара защитной стены. Ее конструкция состояла из двух рядов вертикально установленных столбов, промежуток между которыми был забутован глиной, выбиравшейся из участков, расположен-

ных выше и ниже по склону, вследствие чего и образовались упомянутые рвы.

На поверхности площадки поселения еще В. Г. Ляскоронским отмечались западины, предположительно трактовавшиеся, как остатки жилищ. Это подтвердилось в процессе раскопок 1957 и 1975 гг., когда в общем было расчищено 25 жилищ и 39 хозяйственных сооружений. Все жилые постройки относятся к сооружениям полуземляночного типа, в плане имеют прямоугольную или квадратную форму; их нижняя часть углублена в материковый слой на 0,6-1,6 м, полезная площадь составляет от 12 до 30 кв. м, отвесные ровные стенки в ряде случаев сохранили следы облицовки деревянными плахами. Расположение объектов на площадке городища бессистемно: некоторую видимость организации пространства создает ориентировка построек углами или сторонами по странам света. Судя по расположению обгоревших деревянных конструкций, выявленных в процессе расчистки жилищ, они имели каркасно-столбовую систему, что подтверждается и наличием ямок от столбов по серединам стен и в углах котлованов. Таких ямок в полах жилищ насчитывалось от 4-6 до 8-12. Как правило, жилища с большим количеством столбовых ямок обнаруживают несколько более длительный период существования.

Существенной деталью интерьера жилой постройки являлись отопительные устройства в виде печей или открытых очагов, сооружавшихся в одном из углов. Однако превалирующее количество жилищ имели печи, вырезанные в специально для этой цели предназначенных материковых (в данном случае – лесовых) останцах, намеченных при рытье нижней части сооружения. В большинстве они имели прямоугольную или кубовидную форму размерами от 0,6x0,9x1,4 до 1,2x0,8x0,6 м. При этом верхняя часть – свод печи выкладывался из специально изготовленных глиняных „конусов", своеобразных кирпичей.

В процессе рытья котлована жилища из останцов вдоль длинных стен помещения вырезались и своего рода лежанки, иногда служившие и верстаками (в постройках производственного назначения).

Близ жилых построек находились помещения хозяйственного назначения, остатки которых в виде округлых в плане ям различных размеров, выявлены в значительном количестве. При расчистке некоторых из них удалось проследить остатки деревянных конструкций, позволяющих усматривать наличие легкой постройки в виде конусовидного шалаша над ямой-хранилищем.

Среди находок, полученных во время раскопок, в культурном слое и при расчистке объектов обнаружены предметы личного убора и бытового назначения,многочисленные обломки глиняной посуды и других керамических поделок. Керамика представлена преимущественно фрагментами лепной посуды, небольшим количеством обломков гончарных кувшинов салтовской культуры, незначительными остатками амфорной тары, импортируемой из городов Северного Причерноморья и Приазовья, а также зооморфной пластикой из глины и разнообразными по форме пряслицами (рис. 1).

В коллекции лепной посуды различается несколько категорий сосудов.

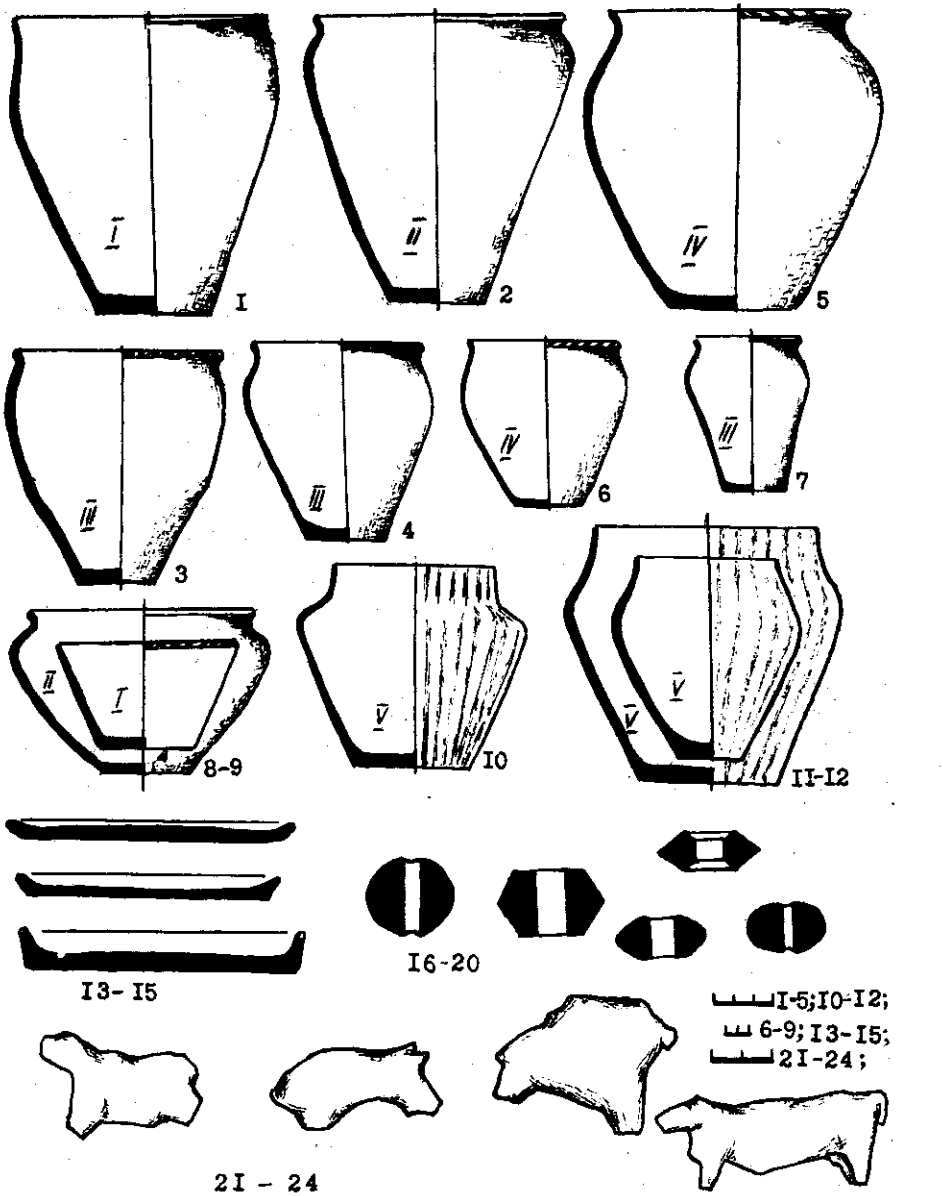


Рис. 1. Опошня. Керамика из раскопок 1957 и 1975 гг.: 1-12 –основные типы горшков и мисок (8-9); 13-15 –типы сковородок; 16-20 –типы пряслиц; 21-24 –зооморфные фигурки.

Это – горшки, миски, сковородки. При этом наиболее многочисленной категорией являются горшки, серию которых по профилировкам и моделированию верхних частей можно подразделить на 5 типов. Три первых из них отличаются общей небрежностью в изготовлении, одинаково грубым составом глиняного замеса со значительной примесью крупнодробленного шамота, частицы которого выступают на поверхности. Стенки этих сосудов имеют значительную толщину (0,5-0,8 см), а дно достигает толщины 1-1,5 см; поверхность бугристая, обжиг крайне неравномерен, что проявляется в наличии бурых пятен на желтовато-сером фоне внешней поверхности, черном цвете в изломе черепка. Такое качество обжига дает основание говорить о том, что выпал производился в обычных бытовых печах, где нельзя было получить и поддерживать надлежащий температурный режим.

К I-му типу мы относим высокие стройные горшки с широко открытой горловиной, едва намеченными плечиками, строго коническим корпусом. Диаметр дна таких горшков всегда меньше половины диаметра по срезу венчика (рис. 1, 1). Тесто слоистое с грубыми примесями шамота и дресвы, на бугристой поверхности заметны следы заглаживания пучком травы, которое оставило выразительные рельефные полоски, идущие в направлении сверху ко дну; какая-либо иная орнаментация отсутствует.

Общий облик горшков первого типа напоминает аналогичные сосуды из керамического комплекса памятников колочинского типа (У-УII вв.н.э.), имеющих распространение в бассейне Припяти, центральных и юго-восточных районах Белоруссии. В последние годы памятники колочинского типа выявлены и на территории Днепровского Левобережья, в частности, в бассейне верхней Ворсклы и верхнего Посулья, а также в бассейне Десны/8, с.35-47; 60-71/. По мнению некоторых специалистов такие формы восходят к керамике киевской культуры (III-У вв.н.э.), также имеющей распространение в названных районах /9,с.51-59/. Подобные формы известны в материалах собственно волынцевских памятников, непосредственно предшествующих роменской культуре на левобережном Поднепровье, в то время как они отсутствуют в керамическом комплексе последней. Заметим, что именно в число роменских памятников И. И. Ляпушкин включал Опошнянское городище.

II-й тип горшков представлен стройными сосудами вытянуто-конической формы, с открытой горловиной, выразительными крутыми плечиками и отогнутыми наружу венчиками; корпус плавно сужается к узкому дну, диаметр которого составляет 1/3 диаметра по срезу венчика (рис. 1, 2). Поверхность горшков этого типа по срезу бугристая, с пятнами от неравномерного обжига. Срез венчика украшен отпечатками подушечек пальца, насечкой лезвием острого предмета, а также оттисками так называемой гусенички, образованной палочкой, перевитой шнурком или толстой нитью. Горшки этого типа имеют варианты, отличающиеся углом наклона венчиков или особенностями пропорций корпуса и соотношения его частей. Общей особенностью горшков II-го типа являются толстые (до 1 см) стенки и днища, достигающие 2-2,5 см.

Формы горшков II-го типа имеют широкое распространение в керамичес-

ком комплексе памятников роменской культуры, где считаются ведущими.

III-й тип составляют горшки округлой формы тулова, чем отличаются от двух рассмотренных ранее, несмотря на наличие также широкой горловины. Венчик имеет небольшой отгиб наружу, шейка короткая, но достаточно выражена, плавные плечики на 2/3 высоты постепенно сужаются к днищу, диаметр которого колеблется от половины до 1/3 диаметра по срезу горловины (рис. 1, 3). Среди сосудов этого типа известны варианты, представленные экземплярами с более выдержанной выпуклостью стенок; диаметр дна таких экземпляров всегда больше половины диаметра по венчику, а иногда составляет две трети его. Поверхность этих горшков менее бугриста, имеет светло-бурый цвет, внешний край венчика иногда украшен отпечатками пальца, реже – веревочным орнаментом. Следует отметить отсутствие экземпляров, орнаментированных по плечикам, хотя такой прием декорирования сосудов является одним из наиболее существенных признаков керамики роменской культуры, в которой, кстати, формы горшков II-III-го типов довольно распространены.

Горшки IУ-го типа отличаются от описанных выше своим более аккуратным изготовлением, более гомогенным состав лучше промешанного теста, в составе которого отсутствуют крупные частицы шамота, но с большим количеством песка. Цвет внешней поверхности светло-коричневый с прожелтью, в изломе темно-красный до черного. Обжиг более равномерный. На некоторых экземплярах заметны следы заглаживания пальцами внешней поверхности; в ряде случаев поверхность подлощена.

По форме горшки этого типа являются яйцеподобными сосудами с наибольшим диаметром в верхней трети корпуса, которая приходится на плавно очерченные плечики; шейка короткая, хорошо выделенная, очень плавно переходит в пологие плечики; венчики слегка отогнуты, на срезе имеют отпечатки веревочного штампа, нанесенные слева направо (рис. 1, 5). Кроме того, имеются экземпляры, орнаментированные по срезу венчика насечкой, оттисками торца круглой или квадратной в сечении палочки, пальцево-ногтевыми защипами.

Интересно заметить, что на опошнянской керамике, в частности, на горшках орнаментировались лишь срезы венчиков и совершенно нет украшений по корпусу сосудов, в то время как аналогичные по формам роменские горшки имеют сложные композиции из отпечатков веревочного штампа на наиболее широкой части тулова, каковой являются плечики. При этом насчитывается несколько десятков орнаментальных мотивов /10,с.115, рис.58/.

Горшки **У-го типа** своим внешним обликом резко выделяются среди керамического комплекса Опошнянского городища. Наиболее характерным признаком сосудов этого типа являются вертикально поставленная верхняя часть, прямые или с некоторым наклоном наружу или во внутрь венчики, непосредственно переходящие в крутые, резко профилированные плечики. Тулово невысокое, конической формы, с широким дном, диаметр которого всегда больше половины диаметра горловины. Поверхность имеет цвет от коричневого до черного; примеси в составе теста гомогенной структуры

почти незаметны, цвет в изломе яркокрасный. На гладкой внешней поверхности при помощи какого-то орудия пролощены вертикальные полосы от венчика ко дну, что придает горшкам нарядный облик (рис. 1, **10-12**). На внутренней поверхности видны следы изготовления на гончарном круге, на что указывает и симметричность самых сосудов. По наклону венчика и оформлению верхней части среди горшков этого типа можно выделить несколько вариантов, которым, тем не менее, присущи описанные выше характерные признаки.

Наиболее близкие аналогии горшки У-го типа имеют в керамическом комплексе волынцевских памятников. Вместе с тем, гончарная технология изготовления сосудов этого типа и близкая техника орнаментации, за исключением специфических приемов формообразования, имеет место также и в среде алано-болгарских племен, входивших в состав Хазарского каганата (30-е гг. УII-конец X вв.н.э.). Несмотря на их близкое соседство со славянами Днепровского Левобережья, мы не имеем оснований говорить о прямом заимствовании этих чисто технологических и технических навыков у этих племен, создавших яркую и самобытную салтовскую культуру. Вряд ли возможно также говорить об импорте этих горшков на славянские посения из неких производственных центров на территории салтовской культуры: там совершенно отсутствуют сосуды названной формы. Более того, известный специалист по салтовской проблематике С. А. Плетнева склонна считать, что аналогичные горшки появляются на алано-болгарских поселениях только в результате контактов именно со славянами левобережного Поднепровья /11,с.121/. Видимо, этот вопрос в настоящее время не может быть решен исключительно на материалах Опошнянского городища, равно как и салтовских поселений: его возможное решение, вероятно, будет найдено в результате раскопок предроменского городища близ с. Битица (бассейн р. Псел), на котором аналогичная посуда гончарной технологии и с такими же приемами декорирования составляет более 50% всего керамического комплекса.

Вторую категорию керамического комплекса Опошнянского городища составляют м и с к и, которые разделяются на два типа.

Миски **I-го типа** по составу теста, профилировке венчиков и моделированию верхней части в целом напоминают горшки II-III-го типов; сходны и орнаментировочные приемы. Однако их пропорции значительно разнятся: миски имеют более раскрытую горловину, лучше спрофилированную шейку и меньшую высоту (рис. 1,8). Обычно этот тип мисок орнаментирован пальцево-ногтевыми защипамипо срезу венчика или насечкой.

Миски **II-го типа** представлены сосудами в виде перевернутого конуса со срезанной горизонтально вершиной, при этом диаметр дна составляет половину диаметра горловины. Они изготовлены из хорошо промешанного теста с примесью крупнодробленного шамота и дресвы. Внешняя поверхность имеет буро-коричневый – до черного цвет, в изломе – черный, бугриста из-за выступающих частиц шамота. Срез венчика косой, на нем нанесены оттиски веревочного штампа (рис. 1,9).

Следует отметить, что миски II-го типа встречаются крайне редко и

преимущественно на роменских памятниках, где они также представлены немногочисленными экземплярами.

Третья категория керамического комплекса изучаемого поселения состоит из сковородок трех типов, в которых можно различить три типа, отличающихся друг от друга высотой бортиков и их наклоном, а также емкостью. В большинстве сковородки имеют 12-36 см в диаметре, едва намеченный бортик (I-ый тип) или 1,5-2 см (II-ой), а то и достигающий 3-5 см высоты; относительно толстое дно. Верхняя часть бортика закруглена, в некоторых случаях косо срезана, имеет украшения в виде пальцевоногтевых защипов, насечки, оттисков веревочного штампа. Последний прием орнаментики встречается в единичных случаях (рис. 1, 13-15). Имеются также и экземпляры с более сложной орнаментацией. Так, из раскопок И. И. Ляпушкина известна сковородка, по дну которой, с внутренней стороны, параллельно бортикам в накольчатой технике нанесены два ряда треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Можно упомянуть и сковородку с относительно высоким бортиком из материалов нижнего слоя Новотроицкого городища, на внутренней поверхности дна которой пальцем продавлен крест. Однако, такие экземпляры единичны, что может указывать на их особое (ритуальное – ?) назначение.

К этой же категории керамического комплекса следует отнести глиняные диски с плоским дном (диаметр 8-15 см) и, иногда, слабо намеченной закраиной. Существует мнение, что они служили в качестве крышки для горшков; есть и другая точка зрения, согласно которой такие диски использовались для выпекания коржей. Более объективным нам представляется последнее мнение, в пользу чего можно указать на значительное количество этих дисков в материалах раскопок памятников киевского типа, в которых случаи находок сковородок единичны.

Следует упомянуть и серию миниатюрных горшочков и сковородок (диаметром 3-8 см). Все они изготовлены из хорошо вымешанной глины, на донышках этих изделий имеются отпечатки зерновок проса и других злаковых культур. Вероятно, это обстоятельство может указать на их особое назначение, что не исключает их использования в качестве детских игрушек, а, возможно, и как вотивных предметов.

В числе других глиняных поделок необходимо назвать пряслица для веретена, небольшие шарики и диски (3-5 см в диаметре) невыясненного назначения, фигурки животных. Пряслица имеют шаровидную, усеченно-биконическую, овальную в сечении форму (рис. 1, 16-20) в различных вариантах. Биконические экземпляры имеют довольно широкое отверстие, в то время как шаровидные характеризуются узким каналом. Все они изготовлены из хорошо отмученной глины, поверхность заглажена и зачастую подлощена. Обращают на себя внимание плоско-биконические остроребрные экземпляры, аналогии которым известны в материалах раскопок памятников киевской и черняховской культуры (рис. 1,18).

Зооморфная пластика представлена в небольшом количестве экземпляров: три из них происходят из раскопок И. И. Ляпушкина, один – материалов исследований 1975 г. Большинство их найдено в обломках и не

всегда может быть идентифицировано с определенным животным. Тем не менее, имеющиеся фигурки напоминают собаку или подобное хищное животное(волка –?) (рис. 1,21), дикого кабана (рис. 1,22), особи крупного рогатого скота (рис. 1,23-24).

Видимо, наиболее естественно усматривать в этих фигурках детские игрушки. Однако, наличие в изломах некоторых экземпляров (рис. 1,22-23) пустот от сгоревших зерен проса и ржи, допускает и иное толкование, согласно которому предполагается их ритуальное назначение.

Полученные в процессе археологических исследований материалы и наблюдения дают основания для уточнения культурно-хронологической характеристики Опошнянского городища, несмотря на то, что его принадлежность к славянским древностям сомнений не вызывает. Однако, как говорилось выше, существуют определенные разноречивые мнения относительно конкретного культурного определения и датировки, высказанные в свое время И. И. Ляпушкиным и Д. Т. Березовцом. Нам представляется более убедительной точка зрения последнего, согласно которому данный памятник является промежуточным между волынцевской и роменской культурами. Действительно, обращают на себя внимание типологические отличия Опошни от собственно роменских городищ, которые заключаются в его расположении на невысоком мысу, невыразительности оборонительных сооружений, укрепляющих лишь наиболее пологий участок площадки, сама их архаичность. Эти наблюдения подтверждаются и анализом керамического комплекса, в котором присутствует керамика с формами предшествующих роменской посуде культур Днепровского Левобережья. Это относится не только к горшкам I-II-го типов, но и к сковородкам, среди которых велик процент изделий с крайне низким бортиком, а также и к пряслицам архаических форм. Весьма существенным является и отсутствие роменской орнаментации посуды: мы отмечали только отдельные элементы роменского декора.

Есть некоторые соображения и относительно хронологии памятника. Так, бронзовая сережка из жилища № 15 (1975 г.) датируется до середины IX в.VII-VIII вв. по аналогиям может быть датирована бронзовая рамчатая обоймица (раскопки 1957 г.), которая в могильниках Северного Кавказа находима совместно с византийскими монетами этого времени; с VI в.н.э. датируют пастовые бусы с очковым орнаментом; не позже второй половины VIII в. определяется хронология бронзового зеркала (1975 г.), также имеющего аналогии в упомянутых могильниках; в пределах VI-VII вв. существуют стеклянные бипирамидальные бусины. К сказанному следует добавить, что в керамическом комплексе Опошнянского городища присутствуют гончарные горшки волынцевского типа, хронологию которых большинство специалистов по раннеславянской проблематике определяет VII-VIII вв. (Д. Т. Березовец, П. Н. Третьяков, А. Н. Москаленко и др.).

Приведенные выше аргументы позволяют говорить об определенной близости Опошнянского поселения с памятниками волынцевского типа с одной стороны и роменской культурой – с другой, а датирующие находки дают основания для сужения хронологических границ его существования в

пределах **второй половины УІІІ в.н.э.**

ЛИТЕРАТУРА

1. **Історія** міст і сіл УРСР. Полтавська область. –К.: УРЕ, 1967.
2. **Книга** Большому Чертежу. –М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
3. **Падалка Л. В.** Древние земляные сооружения в Полтавской губернии. //Тр. ПУАК. –Полтава, 1905. –Вып. 1.
4. **Ляскоронский В. Г.** Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рр. Псла и Ворсклы. //Тр. XIII АС. –М., 1907.
5. **Ляпушкин И. И.** Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. //МИА. –№ 104. –М., Л.: ИЗд-во АН СССР, 1961.
6. **Сухобоков О. В., Иченская О. В., Юренко С. П.** Новые исследования раннеславянского поселения близ Опошни. //АО 1975 г. –М.: Наука,1976.
7. **Березовец Д. Т.** Северяне (перед образованием Киевской Руси). //Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. –М., 1968.
8. **Горюнов Е. А.** Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. –Л.: Наука, 1981.
9. **Терпиловский Р. В.** Киевская культура. //Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс.н.э. –К.: Наук. думка, 1985.
10. **Сухобоков О. В.** Славяне Днепровского Левобережья. –К.: Наук. думка, 1975.
11. **Плетнева С. А.** От кочевий к городам. //МИА. –№ 142. –М.: Наука, 1967.

Ю.Ю. Моргунов ©

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ ГОРОДИЩ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В 1956-1967 г. на базе массового обследования и картографирования значительной части известных к тому времени остатков древнерусских укреплений П. А. Раппопортом были заложены основы изучения функциональной нагрузки городищ и выделены два основных методических принципа исследования. Согласно первому принципу, практическое использование древних укреплений имело прямую зависимость от площади, защищенной стенами территории; усложнение плановой структуры оборонительных сооружений свидетельствует о повышении политической и социально-экономической роли поселения. Второй методический принцип делает упор на инженерное совершенствование городищ, выразившееся в отрыве плановой структуры от рельефа окружающей местности, в создании экономических сооружений правильной геометрической формы. Сочетание изучения размеров городищ со степенью усложнения их оборонительной системы позволило П. А. Раппопорту вплотную подойти к вопросу об иерархии древнерусских укреплений /1,с.46,51,58; 2,с.204,205; 3,с.186-193; 4,с.5-7/. Выход в свет работ П. А. Раппопорта совпал с эпохой общего подъема интереса к

исследованию городищ, показал новые аспекты и направления.

В.В. Седовым в 60-х – 70-х годах активно изучались наиболее распространенные малые сельские укрепления. На материалах Смоленской земли им были выявлены отличительные признаки усадеб от городов, разрабатывались археологические критерии замков и волостных центров /5,с.123, 124; 6,с.143-149/. На материалах Среднего Поднепровья сторожевые города и замки привлекли пристальное внимание В. И. Довженка /7,с.96-98; 8, с.39-44; 9,с.3-13/. На примере укреплений Киевской земли П. П. Толочко указывал на недопустимость отношения к городищам как к статичной форме обороны и показал гибкость их функционального назначения в разные периоды существования в связи с их развитием и совершенствованием /10,с.160/.

На материалах пограничной Буковины Б. А. Тимошуком был сделан интересный опыт создания стройной иерархической системы древнерусских укреплений в их конструктивном взаимодействии с открытыми поселениями /11,с.6-12; 12,с.16,17/. К типологизации городищ Украины на основе сопоставления их размеров обращался и М. П. Кучера /13,с.70-72/.

В серии работ, вышедших в 1983-1989 гг., А. В. Куза обобщил итоги изучения почти полутора тысяч древнерусских укреплений. Им выделены археологические признаки города, создана иерархия городищ и их типология в соответствии с площадью защищенной территории, структурой оборонительных сооружений, планировкой и содержанием культурного слоя на различных этапах развития государства /14; 15; 16; 17/.

В свое время и нами была предпринята попытка анализа круглых в плане городищ лесостепного Левобережья Днепра. Этот регион имеет свои особенности в связи с пограничным расположением и вытекающим из этого характером освоения государственной территории. Выделение групп памятников по размерам выявило поразительно высокий уровень стандартизации площадей внутри групп /8/. Однако анализ укреплений только круглой в плане формы не позволил подойти к проблеме функциональной нагрузки городищ.

В настоящей работе появилась возможность привлечь материал 39 наиболее хорошо изученных укреплений Посулья и, отчасти, Подесенья. Стационарные раскопки на большинстве из них не производились: хронология установлена на основе массовой шурфовки и стратиграфических разрезов валов. Сюда не вошли сведения только о 10 городищах региона, которые или полностью утратили оборонительные сооружения или имеют пока неясную хронологию их возведения (рис.1).

Рассматриваемые городища имеют различную форму, расположены в разных условиях, имеют неодинаковую связь с рельефом окружающей местности и тем более интересную картину мы получаем в таблице площадей защищенной валами территории (рис. 2). Здесь по вертикальной оси отмечены значения площадей городищ в гектарах, по горизонтали – названия укреплений. Обозначенные прямоугольниками абсолютные значения площадей расположились в таблице тремя четко очерченными группами, разделенными обширными лакунами (диагональная штриховка). В группу

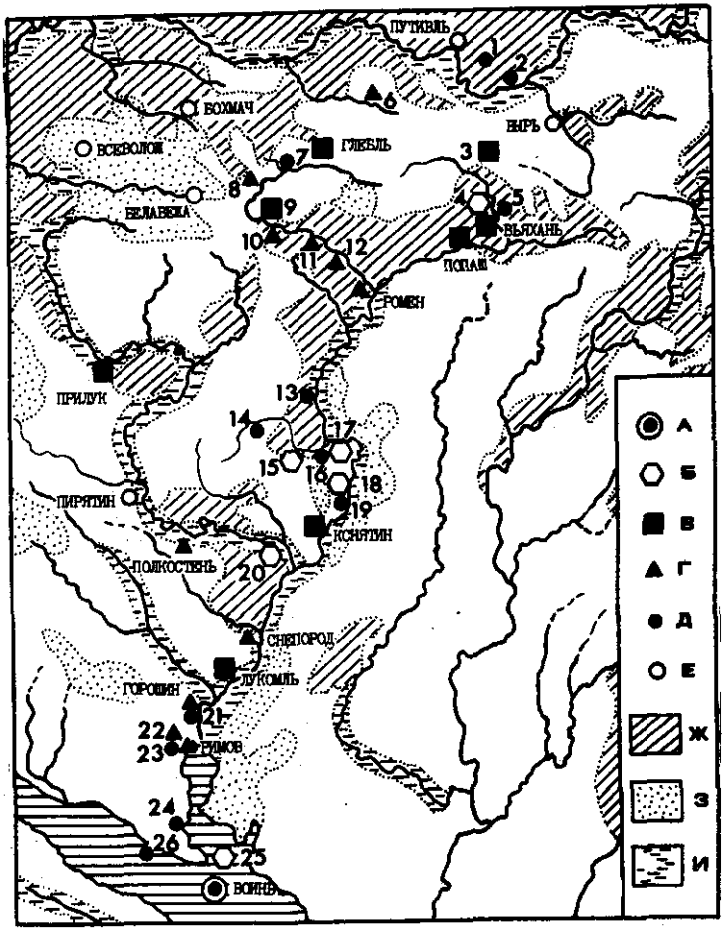


Рис. 1. Древнерусские укрепления Посулья. А – городище максимальной площади /Воинь/; Б – городища – убежища; В – городища площадью от 1,6 до 2,5 га.; Г – городища площадью от 0,7 до 1,0 га; Д – городища площадью от 0,15 до 0,4 га; Е – летописные города; Ж – древние лесные массивы; З – слабо засоленные почвы; И – заболоченные участки поймы и торфяники. 1 – Новая Слобода; 2 – Горки /Городок/; 3 – Николаевка; 4 – Боярское; 5 – Бабаково; 6 – Кросна; 7 – Вел. Самбор; 8 – Гайворон; 9 – Красный Колядин; 10 – Грицевка; 11 – Липовое; 12 – Медвежье; 13 – Свиридовка; 14 – Бербеницы; 15 – Безсалы; 16 – Высокие Лазирки; 17 – Гаевщина; 18 – Сенча /Никольская Горка/; 19 – Сенча /Сампсониев Остров/; 20 – Хитцы; 21 – Чутовка; 22 – Вел. Буримка /Мисто/; 23 – Вел. Буримка /Городок/; 24 – Кизивер; 25 – Жовнин /Палянивщина/; 26 – Миклашевский

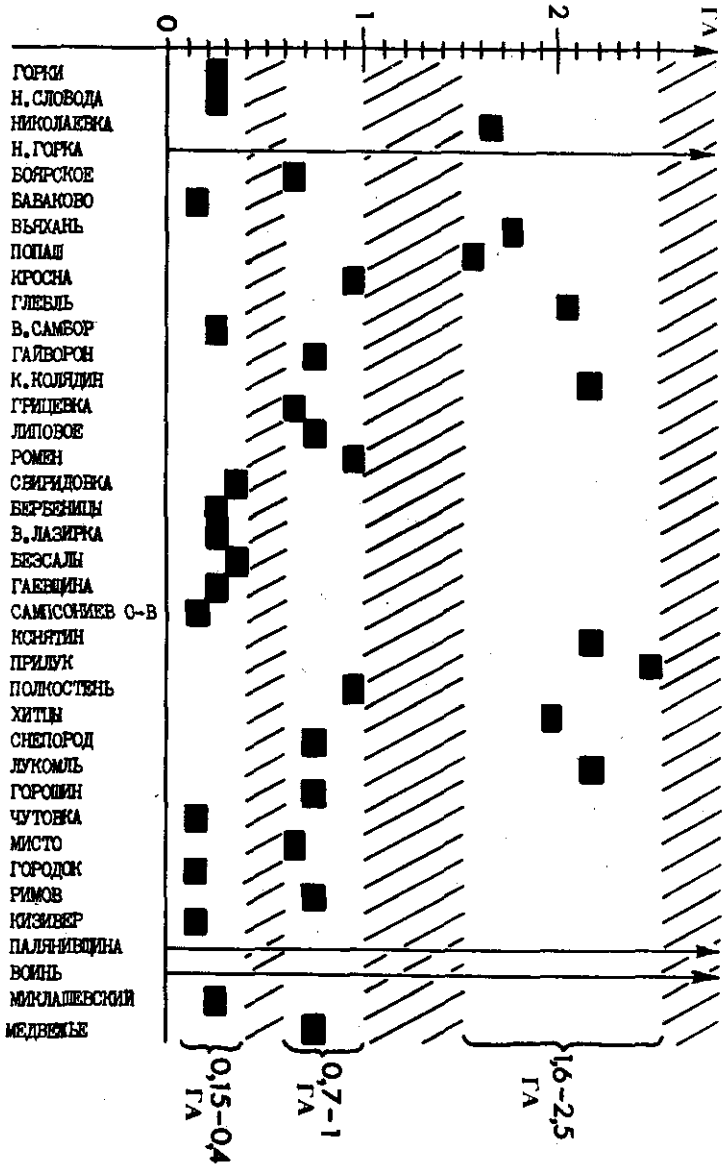


Рис. 2. Таблица площадей городищ Посулья.

наименьших городищ попали укрепления площадью 0,15 – 0,4 га, наибольшие имеют размеры 1,6 – 2,5 га, площадь средних – 0,7-1,0 га. Стандартизация городищ правильной геометрической формы (построенных по заранее намеченному плану) уже стала очевидной истиной. Тем более интересным оказался выявленный таблицей тот факт, что и мысовые городища, размеры которых должны были определяться параметрами рельефа местности, также подчинялись общему стандарту (Горки, Боярское, Красный Колядин, Ромен, Свиридовка, Гаевщина, Хитцы, Лукомль и Медвежье).

Наличие плотных групп городищ, равновеликих по площади защищаемой территории, и ограниченных обширными лакунами может свидетельствовать только о том, что выделенные группы различны по их функциональному назначению.

За пределами таблицы оказались три крупнейших укрепления, два из них являются остатками защищенных гаваней.

Воинь – площадь городища 4,6 га, посада – 23 га. Построен как крепость-гавань в конце X – начале XI вв. Впервые упомянут в источниках под 1055 *г., когда был перестроен и к середине XII в. стал городом.* Упомянут летописями 7 раз. Раскопками выявлен почти весь комплекс находок, характерных для действительного города (кроме каменного строительства и дворовой застройки). Планировка крепости подчинена функциональному назначению.

На территории Переяславской земли, ставшей пограничным заслоном Руси от кочевников, города в социально-экономическом смысле не получили широкого развития. Достоверно городской характер имеют лишь Переяславль и Воинь, которые по всем признакам резко отличаются от других *городищ.*

Палянивщина (Жовнин) – площадь 2,9 га; защищен рвом, культурный слой насыщен слабо. Поселение по местоположению и планировке, видимо, задумано как гавань. Укреплено в конце XII – начале XIII вв., но использоваться могло только в качестве убежища.

Никольская Горка (Сенча) – площадь 12 га. Защищена крутыми склонами к пойме и к оврагам, а с напольной стороны – небольшим валом и рвом. Культурный слой практически отсутствует, хотя вокруг раскинулись обширные *неукрепленные поселения. Могло использоваться только в качестве* убежища.

Вопрос о городищах-убежищах в литературе разработан относительно хорошо /3,с.186; 12,с.16,17/. На рассматриваемой территории можно выявить убежища и в других группах.

Хитцы – площадь 1,9 га. Останец защищен крутыми склонами к р. Удай и в овраги, по периметру – невысоким валом. Культурный слой насыщен слабо. Рядом – большое открытое поселение. **Боярское** – площадь 0,72 га, *мысовое. Защищено невысоким валом с напольной стороны. Культурный* слой практически отсутствует. Селища нет. **Безсалы** – площадь 0,4 га. Низкий мыс, обращенный с помощью рва в остров; вал невысок. Культурный слой насыщен очень слабо. Рядом – обширное селище. **Гаевщина** – площадь 0,37 га. Останец, защищенный невысоким валом; насыщенность культурного слоя низкая. Окружено обширным селищем.

В итоге выявляются следующие общие признаки городищ-убежищ: а) колебание размеров укрепленной территории очень широки (от 0,37 до 12 га), но среди них нет наименьших городищ; б) очень слабая заселенность площадки вплоть до полного отсутствия культурного слоя; в) сочетание стремления к максимальному использованию рельефа местности с простейшими нетрудоемкими приемами создания искусственных оборонительных сооружений; г) расположение вблизи летописных пунктов и мест значительной концентрации сельского населения; однако известны случаи отсутствия рядом с убежищем селищ (Боярское). Подобная ситуация отмечалась Б. А. Тимощуком; д) иногда убежища Посулья устраивались на заброшенных городищах роменского времени (Хитцы, Гаевщина); е) подавляющее большинство убежищ построено после середины XII в.

Группа крупных городищ объединяет 8 памятников, имеющих укрепленную площадь от 1,6 до 2,5 га. Внутри группы все параметры и признаки укреплений представляют полное единообразие и резко отличаются от городищ меньшей площади. Мысовые и круглые равнинные укрепления по большинству элементов не противопоставляются. Наибольшую внутреннюю близость обнаруживают городища **Кснятина, Глебля (Шевченково)** и **Вьяханя** (рис. 3).

Городища этой группы – самые ранние: укрепления на семи из них построены в конце XI в. на открытых поселениях, восходящих к рубежу X-XI вв. Большинство городищ сопровождается укрепленными посадами или селищами, защищенными естественными особенностями рельефа, причем размеры посадов также резко выделяются по размеру территории. Все городища снабжены двумя выездами, валы насчитывают высоту более 2 м. Все круглые укрепления – максимально не связаны с рельефом.

Почти все памятники сохранили свои летописные названия (и упомянуты в источниках 1-2 раза) или эти названия легко восстановимы на основе привлечения актовых и историко-географических материалов. К примеру. **Красный Колядин** скорее всего является памятником летописного города Красный (вторая часть топонима, по А. М. Лазаревскому, оставлена именем одного из первых сотников). **Николаевка,** известная по актам XVII в. как „Юрьево городище на усть Курицы" – единственное укрепление, которое можно отождествить с летописным Зартыем (Зарытым). Одно из упоминаний этого пункта в Ипатьевской летописи связывает Зартый с именем туровского князя Юрия Ярославича. Принятое ныне отождествление летописного пункта с Волынцевским городищем (площадь 0,4 га) не может быть окончательным: укрепления столь небольших размеров никогда не попадали на страницы летописей.

Для летописных упоминаний городищ этой группы характерна четкая определенность географического местоположения и ясно ощущается опорный характер этих центров, служащих форпостами государственной власти определенной территории.

На это указывает и география распространения крупных укреплений, их расположение на стратегически важных узлах, среди сгустков безымянных городищ. Военный характер крупных укреплений особо подчеркивается

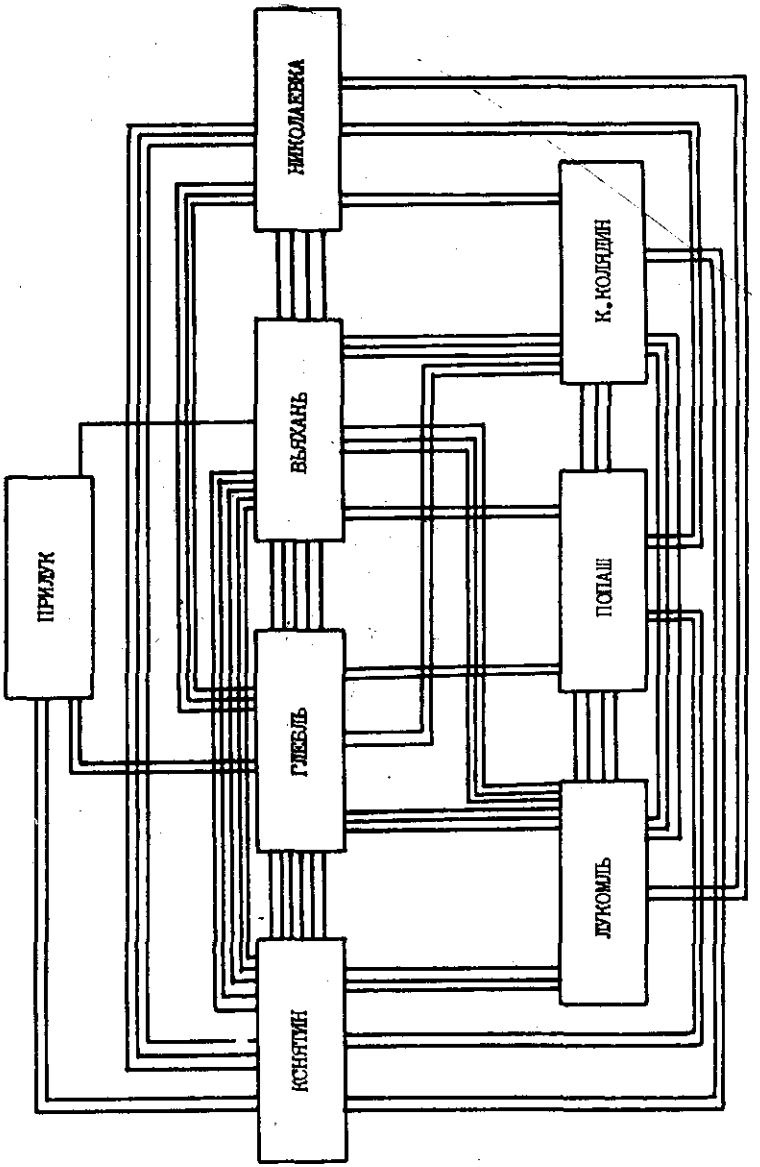


Рис. 3. Граф связей городищ площадью 1,6 – 2,5 га.

находками, среди которых значительный процент составляют предметы вооружения; а на административные функции указывают актовые печати.

Крупные опорные пункты военно-административной ориентации, вероятно, выросли из сторожевых крепостей, связанных с освоением государственной территории, и стали центрами административных единиц – волостей. Скорее всего это крупные сторожевые крепости городского типа. В полной мере они оформились в города, но к концу XII в. ближе к нашему понятию младшего города развились **Кснятин, Глебль** и **Вьяхань,** возможно, и **Попаш.**

Группа средних по площади городищ объединена размерами защищенной стенами территории, насчитывающей от 0,7 до 1 га. Не все памятники этой группы имеют высоту валов более 2 м, но все летописные пункты снабжены двумя въездами. Подавляющее число летописных городищ не связаны с рельефом местности, сопровождаются посадами, укрепленными искуственно или особенностями рельефа.

Из 11 укреплений – 5 упомянуто в летописных источниках. Это: **Горошин** (Тарасовка), **Римов** (В. Буримка), **Снепород** (Мацковцы), **Полкостень** (Повстин) и **Ромен** (Ромны, Подгородок). Однако, в отличие от группы крупных городищ, летописные упоминания укреплений этой группы имеют неконкретный и часто попутный характер (таких упоминаний насчитывается обычно одно, реже – два), что часто создает значительные трудности в отождествлении летописных названий с конкретными памятниками и не позволяет определить место этих сооружений в политической и социально-экономической иерархии городищ. И все же укрепления летописных пунктов являются старейшими среди городищ этой группы: они созданы в конце XI в. на месте крупных открытых поселений, существовавших с рубежа X-XI вв., т.е. попадание их на страницы летописей далеко не случайно.

Группа компактна по внутренним связям и типологическим признакам. Из круглых укреплений наиболее тесно связаны **Горошин, Снепород** и **Римов.** Несколько особняком стоят полукруглые городища **Кросна** и **Полкостень,** и мысовые **Ромен** и **Медвежье.** Однако резких различий между памятниками разных типов внутри группы нет; не наблюдается и противопоставления мысовых круглым (рис. 4).

Географическое распространение городищ среднего размера говорит об их независимости от крупных центров и тяготении к расположению на стратегически важных точках границы и коммуникационных путях вглубь защищаемой территории.

Подавляющее большинство памятников этой группы не подвергалось стационарным исследованиям, поэтому мы располагаем случайными находками, материалами шурфовки, сборами подъемного материала и результатами раскопок **Снепорода.** В целом собранный материал показывает следующее. Ремесло представлено сверлами, ювелирным пинцетом и юрком; сельское хозяйство – боталом, серпом, косами и их многочисленными обломками – орудиями уборки урожая и заготовки корма для скота. Среди хозяйственного инвентаря – топоры, одинарные остроги (прямые и коленчатые); встречены также гребни, ключи от замков, поливные писанки. Общее представление однозначно: ремесло, сельское хозяйство и промыс-

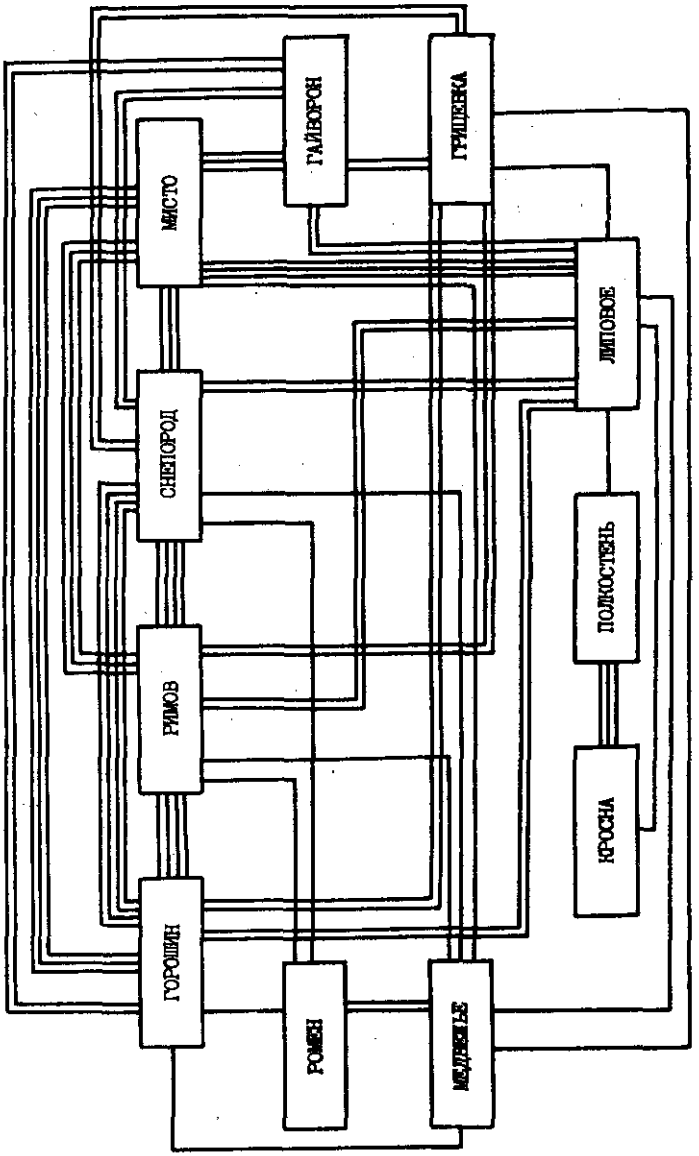


Рис. 4. Граф связей городищ площадью 0,7 – 1,0 га.

лы развиты слабо и односторонне.

Предметы вооружения и феодального быта, наоборот, доминируют: высок процент наконечников стрел (в том числе и арбалетных), встречены наконечники копий и вток. Профессиональное снаряжение коня и всадника представлено удилами, стременами, скребницей и псалиями енисейского типа.

Много найдено и ювелирных изделий, в том числе с позолотой и перегородчатой эмалью; неоднократны предметы с граффити. Импорт представлен крымскими амфорами.

Прослеживается уличная планировка и гнездовая (дворовая?) – на городище. Сильно усложнена конструкция въезда и оборонительных стен.

Налицо признаки, характеризующие военную ориентацию укреплений при слабом развитии ремесла и сельского хозяйства, наличие среди обитателей укреплений профессиональных воинов, следы имущественной дифференциации и социального расслоения. Необходимо напомнить, что рассматриваемые городища располагались или непосредственно на узловых участках границы, или на активно использовавшихся коммуникационных путях вглубь защищаемых русских земель. Полевые исследования показывают также возможность установления огневой связи между этими укреплениями (непосредственно или через городища других групп), поскольку они органически входят в непрерывную цепочку оборонительных сооружений, построенных вдоль правого берега Сулы и ее притоков.

Отсюда логически вытекает и интерпретация всей группы городищ: укрепления площадью 0,7–1,0 га были построены как сторожевые пограничные крепости. Не исключено, что некоторые из них могли быть и крупными феодальными замками, „частновладельческими городами": преобладание функций могло меняться в каждом конкретном случае и на конкретном этапе существования укреплений, и все же сторожевой аспект доминировал.

В группу наименьших укреплений вошло 12 городищ, имеющих площадь защищенной стенами территории от 0,15 до 0,4 га. Все они строились в домонгольское время, начиная с рубежа XI-XII в.; среди них встречаются и мысовые, и останцевые, и круглые. Конструкция малых укреплений отличается небольшой высотой валов (до 2 м), наличием только одного въезда, малой мощностью и низкой насыщенностью культурного слоя. Укрепленные посады при малых городищах встречаются только в качестве редкого исключения.

Ни одно укрепление малой площади ни разу не попало на страницы летописных источников. Они строились, за редким исключением, в непосредственной близости от более крупных населенных пунктов и почти обязательно – среди значительного скопления открытых сельских поселений. Военно-пограничные функции, как показывает картографирование их расположения, не играли существенной роли при их постройке. Для возведения укреплений этой группы не требовалось привлечения значительных масс населения, отсюда происходит и многообразие географических, политичес-

ких и социально-экономических условий, в которых они возникли.

При общей монолитности конструктивных признаков, группа наименьших укреплений имеет наибольшее разнообразие индивидуальных особенностей каждого конкретного памятника, вероятно, связанного с функциональным назначением каждого городища. Поэтому группу нельзя рассматривать в целом, только как группу сельских поселений одного типа: к ней следует относиться как к группе универсальных, относительно недорогих при возведении оборонительных сооружений, которые можно построить практически в любом месте, не связанных с особо серьезной обороной от особо опасного, профессионального войска.

Учет индивидуальных особенностей малых укреплений позволяет выделить отдельные типы сооружений.

Одним из таких типов являются усадьбы-замки глав родов кочевых конфедератов, известных по источникам „Переяславских торков" – городища **Высокие Лазирки** и **Бербеницы** /18,с.116/. Типологически им близко и городище **Городок**, расположенное близ летописного **Римова** и характерное теми же особенностями фортификации.

Все три укрепления отличаются наличием оборонительных валов на склонах, максимальным использованием рельефа местности при сохранении геометрической планировочной структуры. Они размещены на магистральных дорогах половцев вглубь Переяславской земли, но оттянуты от границы внутрь русской территории и построены близ русских укреплений. В массе торческие замки базируются на маловодные пастбища среди слабозасоленных почв, пригодных для выпаса лошадей и овец, но нерентабельных для распашки /9,с.203/. Также характерно, что на фоне русских городищ этой группы и построенных рядом, эти укрепления выделяются большой высотой валов и снабжены двумя въездами.

Среди находок, происходящих из этих укреплений, неслучайны орудия уборки урожая – серпы, керамический водолей в виде взнузданного коня и половецкий медный котел, выполненный в лучших степных традициях /9,с.197/.

Мысовое городище **Свиридовка** (0,4 га) – единственное из укреплений этой группы, имеющее укрепленный посад площадью 4 га, построенный на обновленном скифском городище, и сопровождаемое огромным открытым поселением. Следов интенсивной жизни на хорошо укрепленном детинце не прослеживается, а на посаде, обнесенном высоким валом, культурный слой достигает мощности 2 м и насыщен очень сильно. Около половины находок составляют наконечники стрел и копий, найдено также писало. Вероятно, перед нами укрепленная усадьба, изредка посещавшаяся феодалом для сбора даней и податей.

Городище **Новая Слобода** (0,3 га), расположенное на дороге из Выря в Путивль и не сопровождаемое селищем, могло являться сторожевым постом для контроля над этой важной стратегической магистралью, ведущей из степей /20,с.24/. **Бабаково** (0,18 га) и **Горки** (0,31 га) – небольшие, но относительно хорошо защищенные дозорные пункты, связанные прямой видимостью со степью и крупными летописными центрами и расположен-

ные на торных путях к этим центрам на доминирующих высотах. Они, несомненно, несли в первую очередь сигнально-сторожевые функции, столь актуальные в пограничных условиях.

Другой тип укреплений представляют **Чутовка** (0,2 га) и **Кизивер** (0,16 га), размещенные на высоких и крутых правобережных кручах пограничной Сулы. Оба городища как бы нависают над узкими разрывами между кручами – над единственными в своих местах подъемами от твердых бродов через заболоченную пойму к ровному плато, откуда открываются любые дороги к центрам Переяславской земли. Укрепления созданы на месте крупных открытых поселений, существующих с рубежа X-XI **вв.**, хорошо защищены условиями окружающего рельефа, могли быть связаны с соседними погра- ничными пунктами огневой сигнализацией. Несомненно, Кизивер и Чутовка выполняли и сигнально-сторожевую функцию, но основной скорее являлась защита конкретной узкой поднимающейся вверх тропы от наступающей конницы. Для этого нет необходимости создавать большие крепости, воинскими резервами могли снабжать окрестные селища. Такие крохотные крепостицы очень напоминают „богатырские заставы" русских былин.

Городища **Сампсониев Остров** (0,2 га), **Миклашевский** (0,3 га) и **Великий Самбор** (0,35 га) расположены вдали от крупных центров, сколько-нибудь значительных военных и торговых путей и сопровождаются открытыми поселениями большой площади. Искусственные укрепления не отличаются мощностью: строители больше полагались на естественную защиту окружающих поселения болот. Культурный слой имеет небольшую мощность и насыщен слабо. Все это дает основания считать памятники остатками укрепленных господских дворов или феодальных усадеб.

Рассмотренные городища посульского участка юго-восточной границы Руси представляют собой своеобразное и на первый взгляд хаотичное скопление древнерусских укреплений. Однако по мере изучения вырисовывается очень стройная, хорошо продуманная и совершенствуемая во времени система защиты русских земель от кочевников. И предпринятая выше попытка выяснить функциональное назначение городищ была бы не полной без уточнения хронологии существования полученных групп укреплений.

Среди крупнейших по площади городищ особняком стоит **Воинь,** построенный на рубеже X-XI вв. как крепость-гавань и к середине XII в. развившийся в город (рис. 5,А). Симптоматично, что городом стало единственное созданное при Владимире Святославиче укрепление. Другие из крупнейших укреплений представляли собой убежища и в массе отстроены после седины XII в. (рис. 5,Б).

Укрепления площадью от 1,6 до 2,5 га – крупные сторожевые крепости городского типа, центры административных единиц, начали создаваться в конце XI в., в период оформления государственной территории Переяславской земли (рис. 5,В). Наиболее ранние из них к концу XII в. развились и приблизились к нашему пониманию младшего города русских летописей.

Сторожевые пограничные крепости и феодальные замки площадью от 0,7 до 1,0 га начали создаваться также в конце XI в., массовое их строительство продолжалось и в первой половине XII в. (рис. 5,Г). На страницы

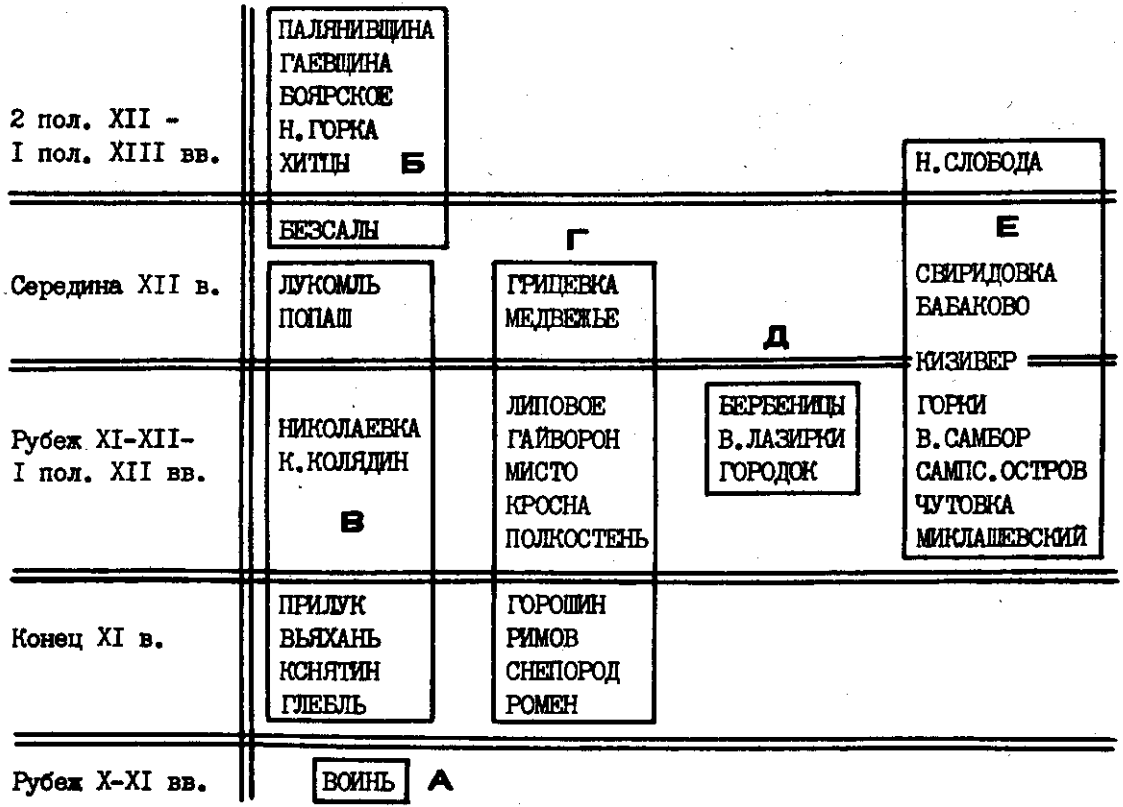


Рис. 5. Хронология возведения укреплений Посулья.

летописей попали укрепления площадью не менее 0,8 га и в подавляющем большинстве те из них, которые создавались в конце XI в. на территории больших открытых поселений, существовавших с рубежа X-XI вв., с эпохи первого этапа создания Посульской границы Владимиром Святославичем.

Городища площадью 0,15-0,4 га – группа универсальных, экономичных при возведении оборонительных сооружений сельского типа, которые можно построить в любом месте и приспособить к несению любых функций. Они начали возводиться с рубежа XI-XII вв. Среди них выделяются торческие усадьбы-замки, сторожевые посты для контроля над военными и торговыми дорогами, сигнально-дозорные пункты, заставы для защиты отдельных переправ и бродов и укрепленные господские дворы, являющиеся центрами определенной сельскохозяйственной округи (рис. 5,Д,Е).

Таким образом, даже простое сравнение площадей городищ выявляет основу типологии укреплений и показывает далеко не случайный принцип упоминания поселений на страницах источников.

Город – поселение многофункциональное, оно развивается во времени и имеет переходные этапы. Только стационарные раскопки могут прояснить всю полноту его функций, однако даже после раскопок, в силу ограниченности вскрытых площадей, порой трудно определить доминирующие черты поселения и достоверно узнать функциональное назначение. На рассматриваемой территории археологические раскопки производились на городище Воиня и, в значительно меньшей степени, на Снепороде. На остальных городищах производилась только шурфовка, топосъемка, сборы подъемного материала с целью изучения хронологии, вскрывались оборонительные валы, к анализу привлекались находки из музейных коллекций. Такая неравномерность в изученности укреплений и обусловила представленную выше попытку на примере значительного количества городищ найти место этих памятников в иерархии древнерусских укреплений. На этом этапе некоторые допущенные здесь умозрительные заключения неизбежны, в целом же вопрос могут разрешить только планомерные раскопки.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Раппопорт П. А.** Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. //МИА. –№ 52. –М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. **Раппопорт А. А.** Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X-XIУ вв. //МИА. –№ 105 –М.,Л.:Изд-во АН СССР, 1961.
3. **Раппопорт П. А.** Военное зодчество западнорусских земель X-XIУ вв. //МИА. –№ 140. –Л.: Наука, 1967.
4. **Раппопорт П. А.** О типологии древнерусских поселений. //КСИА. –1967. – Вып. 110.
5. **Седов В. В.** Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. //МИА. –№ 92. –М.,:Изд.-во АН СССР, 1960.
6. **Седов В. В.** Городища Смоленской земли. //Древняя Русь и славяне. –М.: Наука, 1978.

7. **Довженок В. И.** Древньоруські городища-замки. //Археологія. –1961. – XIII.
8. **Довженок В. И.** Сторожевые города на юге Киевской Руси. //Славяне и Русь. –М.: Наука, 1968.
9. **Довженок В. И.** Про типи городищ Київської Русі. //Археологія. –1975. 16.
10. **Толочко П. П.** Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII-XIII веков. –К.: Наукова думка, 1980.
11. **Тимощук Б. А.** Давньоруська Буковина. –К.:Наукова думка, 1982.
12. **Тимощук Б. А.** Археологические признаки восточно-славянских городищ-убежищ. //КСИА. – 1989. – Вып. 195.
13. **Кучера М. П.** Размеры древнерусского города по данным городищ на территории УССР. //Древнерусский город:/Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию г. Киева/. К.:Наукова думка, 1984.
14. **Куза А. В.** Социально-историческая типология древнерусских городов X-XIII вв. //Русский город. -М.:Изд-во МГУ, 1983. –Вып. 6.
15. **Куза А. В.** Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX-середины XIII вв. /методика исследования/. //Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I т.л.н.э. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1983.
16. **Куза А. В.** Укрепленные поселения. //Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М.:Наука, 1985.
17. **Куза А. В.** Малые города Древней Руси. –М.:Наука, 1989.
18. **Моргунов Ю. Ю.** Круглые городища Левобережья Днепра. //СА. – 1986. № 2.
19. **Моргунов Ю. Ю.** Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы. //СА. – 1988. – № 2.
20. **Моргунов Ю. Ю.** „Полю ворота" по археологическим данным. //„Слово о полку Игореве" и Путивльщина: Тез. докл. обл. ист.-краевед. науч.конф., посвящ. 800-летию „Слово о полку Игореве". – Путивль, 1987.

В. А. Мокляк ©

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ НОВЫХ САНЖАР

Территория Новосанжарского района, одного из самых крупных в области, несмотря на неоднократно проводившиеся ранее разведки /И. И. Ляпушкин /1/, Е. В. Махно /2,с.198-202/, В. И. Неприна /3,с.192; 4,с.1-2/, Г. А. Сидоренко /5/, А. Б. Супруненко /6,с.361-362; 7,с.418; 8,с.337/, С. П. Юренко /9//, до настоящего времени все еще остается недостаточно изученной. В 1989 г. отрядом Охранной археологической экспедиции Полтавского краеведческого музея проведено обследование участков левого и правого берега р. Ворскла в пределах района, выявившее новые памятники периода неолита – позднего средневековья. Большинство из них обнаружено в окрестностях с. Клюсовка, где, кроме новооткрытых пунктов, обследовано

несколько известных памятников. Почти все объекты расположены в непосредственной близости от реки или ее рукавов на мысах и возвышениях первых двух террас.

Сведения о памятниках приведены сверху вниз по течению р. Ворскла.

с. РЕШЕТНИКИ. На высоком (до 20 м)* выступе плато второй террасы правого берега р. Ворскла в 0,8 км к СВ от села расположено городище роменской культуры, площадью 0,07-0,08 га /1,с.306/. Восточная часть городища, расположенная на мысу, обнесена валом высотой 2-2,5 м. Склоны мыса эскарпированы, поросли деревьями и кустарником. Территория не распахивалась, но в конце 1970-х гг. местным колхозом на городище прорыты траншеи /14,с.16-17/. Они разрушили центральную часть памятника. С городища происходит керамика VIII-IX вв., половинка чернолощеного биконического пряслица со срезанными основаниями диаметром 2,7 см (рис. 1,14). Следует отметить, что городище в с. Решетники нуждается в проведении охранных работ.

В 2,2 км к СВ от села в ур. Горошочкова яма (правый берег реки), обнаружено местонахождение с разновременным керамическим материалом. Большинство фрагментов относится к неолиту ямочно-гребенчатой керамики, несколько – ямному времени, один – принадлежит сосуду эпохи Киевской Руси.

На правом берегу реки, в 3 км к СВВ от села в ур. Макаришино поле найдены отдельные обломки лепных сосудов ямной культуры.

с. ПРИСТАНЦИОННОЕ. На известном поселении Малоперещепинское II /10,с.32/ в ур. Рубайчин бугор эпохи неолита – раннего бронзового века, находящегося в 0,6 км на СЗЗ от железнодорожной станции Малая Перещепинская, в западной части дюны выявлен культурный слой мощностью до 0,7 м с материалами раннескифского времени. Из него происходят фрагменты лепных горшков с характерными налепными валиками, украшенные пальцевыми защипами и проколами по краю венчика.

с. КЛЮСОВКА. Поселение **Клюсовка I** энеолита – раннего (?) бронзового века расположено на второй террасе левого берега реки, в 0,6 км к западу от бывшего хутора Живиловка, включенного в состав села. Его размеры составляют 0,3 га (20х150 м). Поселение вытянуто с СЗ на ЮВ вдоль старицы Рашна. Собраны фрагменты керамики, часть из которых содержит в тесте примесь растительности, песок, мелкотолченую ракушку. Некоторые обломки украшены оттисками двузубого штампа, гребенки, витого шнура. Из кремней найдены нуклевидный обломок, отщепы, пластины с ретушью, скобель. Преобладающими на памятнике являются материалы позднеямного времени.

На второй надпойменной террасе левого берега, вдоль старицы Рашна (усадьба Б. Н. Нимченко) расположено поселение **Клюсовка II,** площадью 2,4 га (140-170 м). Северная его часть почти полностью уничтожена оврагом, южная – подвергается распашке. Обнаруженная керамика принадлежит двум эпохам – неолиту ямочно-гребенчатой керамики и культуре многоваликовой керамики.

* Высота всех возвышений дана от уровня поймы р. Ворскла.

На второй террасе левого берега реки, в 0,3 км к северу от хутора Живиловка, выявлено поселение **Клюсовка III** площадью 0,6 га, имеющее в плане форму треугольника с длиной сторон около 100 м. Собранные материлы относятся к неолиту ямочно-гребенчатой керамики. Среди находок – фрагменты амфор, пестик (рис.1, 7), кремни, в т. ч. скребки (рис. 1, 12).

Обломки посуды культуры многоваликовой керамики обнаружены в 0,13 км к СЗ от бывшего хутора Семиволосы, на второй террасе левого берега. Размеры местонахождения **Клюсова IУ** – 0,6 га (60х100 м), оно вытянуто с СЗ на ЮВ.

Возвышение (до 0,6 м) второй террасы левого берега в 0,7 км на север от хутора Семиволосы в ур. Дашкив бугор занимает поселение **Клюсовка У**, материалы которого принадлежат носителям ямной культуры и культуры многоваликовой керамики. Размеры поселения составляют 3 га (300х100 м), оно вытянуто с ЮЮВ на В. Среди подъемного материала – керамика, кремни (выделяется двусторонне ретушированный кинжал из серого кремня) (рис. 1, 6).

В 1,5 км северо-восточнее села на возвышении (до 5,5 м) второй террасы левого берега реки – поселение **Клюсовка УI,** площадью 0,4 га (45х90 м), вытянутое по линии СЗЗ-ЮВВ. Находки относятся к ямному времени. Среди них кремневые листовидный наконечник копья (рис. 1, 15) и наконечники стрел подтреугольной формы с выемками в основании (рис. 1, 8-9). Шурфовкой обнаружен культурный слой мощностью до 0,5 м. Из него происходит керамика, принадлежащая носителям позднеямной культуры: короткие прямые венчики горшков, чуть отогнутые и залощенные, фрагменты стенок украшены елочным орнаментом, оставленным гребенчатым штампом; внутри и снаружи заглажены гребенкой.

Распахиваемое местонахождение **Клюсовка УII** расположено на небольшом возвышении второй террасы левого берега, в 0,8 км к С от с. Клюсовка, и занимает площадь 0,16 га (40х40 м). Выявлены материалы неолита ямочно-гребенчатой керамики, ямного времени, культуры многоваликовой керамики. Среди находок – каменные бола, терочник и кремни, аморфный нуклеус, отщепы, подокруглые скребки на отщепах (рис. 1, 10), высокий скребок-скобель, отжимник.

Осмотрено поселение в ур. Татарский бугор /11,с.6-7/, расположенное в 1,2 км на З от села Клюсовка (куток Живиловка), на пойменном возвышении левого берега реки. Площадь памятника 0,7 га (80х90 м). Большая часть его задернована. Судя по обнажениям, мощность культурного слоя – гумусированного чернозема – до 0,7-0,8 м. В выбросах грабительских рытвин собрано более 50 фрагментов лепных сосудов, один из которых датирован неолитом ямочно-гребенчатой керамики. К эпохе энеолита – относится довольно редкая находка – обломок так называемого „челнока" (рис. 1, 4) из талькового сланца. Нижняя часть изделия – плоская, верхняя – выпуклая; на ней поперек оси изделия были проделаны поперечные канавки, средняя из которых – наиболее широкая и глубокая, делит челнок на две равные части. Изделие разломано в древности. Боковые стороны имеют орнаментацию в виде насечек (рис. 1, 4). Канавки сохранили следы заполи-

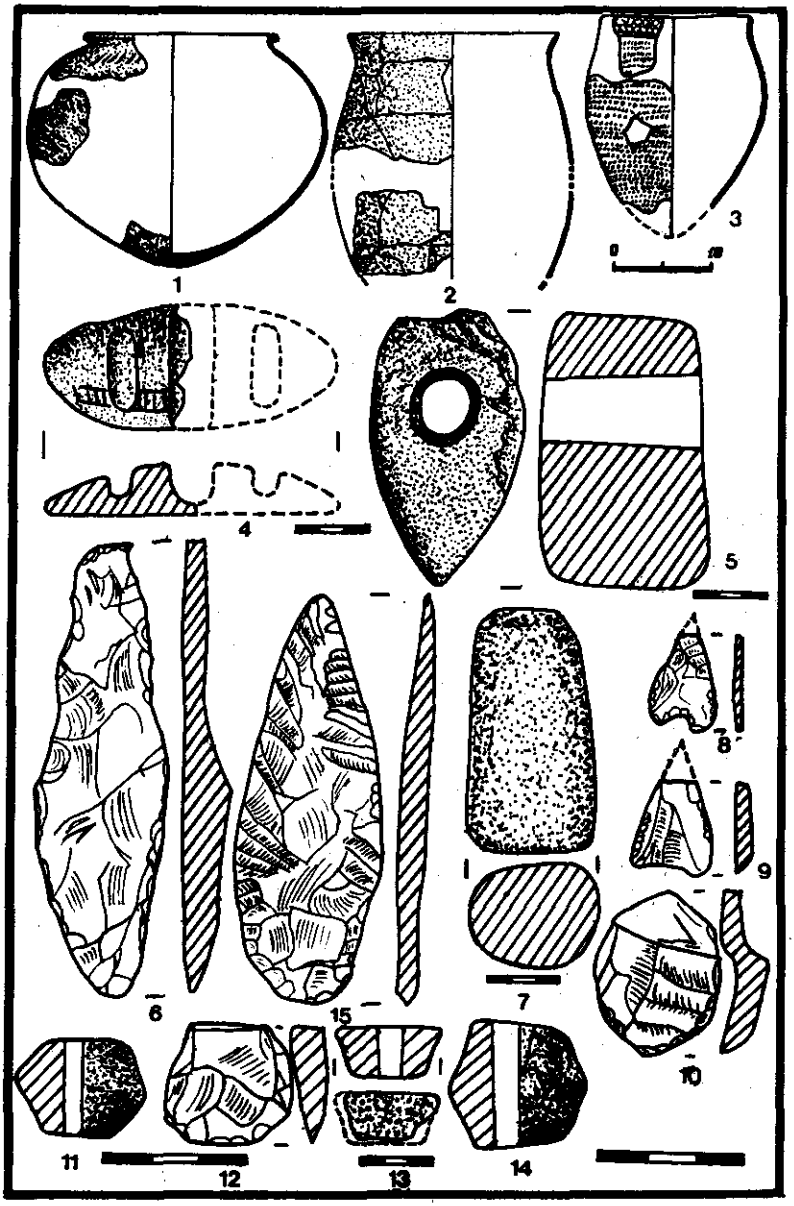


Рис. 1. Находки в Нижнем Поворсклье: 2, 11, 13 – Зачепиловка; 1, 4, 5 – Клюсовка, ур. Татарский бугор; 7, 12 – Клюсовка III; 6 – пункт V; 8, 9, 15 – пункт VI; 10 – пункт VII; 3 – Новые Санжары; 14 – Решетники, ур. Городок. 1-3, 11, 13-14 – керамика; 4, 5, 7 – камень; 6, 8-10, 12, 15 – кремень.

рованности.

Основную группу находок составляют материалы позднеямного времени. Обнаружен развал сосуда, позволяющий реконструировать его (рис. 1, 1). Это горшок с туловом яйцевидной формы, с прямым коротким чуть отогнутым венчиком. Венчик и короткая шейка залощены. Верхняя часть тулова украшена двумя рядами елочных оттисков гребенчатого штампа. Стенки снаружи и внутри заглажены той же гребенкой. Поверхность от светло-коричневого до черного цвета. Тесто серого цвета с примесью мелкотолченой ракушки и песка. Сосуд имеет многочисленные аналогии в керамике позднеямных погребений Орельско-Самарского междуречья /12,с.87/. Среди находок – каменный топор (рис. 1, 5), со слегка закругленным лезвием, сверленный на конус сверху. На поверхности орудия многочисленные сколы от работы.

Единичными находками представлены фрагменты горшков культуры многоваликовой керамики, венчик остроребероного сосуда срубной культуры, дно кувшина (?) с заглаженной поверхностью на кольцевом поддоне, вероятно, относящееся к сарматскому времени.

п.г.т. **НОВЫЕ САНЖАРЫ.** В 0,15 км вниз по течению от пляжа пионерлагеря „Фонтан" (левый берег), в 50 м к СВ от турбазы, в обрыве берега и на дне реки обнаружены многочисленные находки периода неолита – раннего железного века /15,с.34-35/. Среди них наибольшая группа фрагментов принадлежит керамике типа Засухи /13,с.75/, из которых выделяется обломок остродонного горшка с прямостоящим слегка отогнутым венчиком, край которого изнутри орнаментирован четырьмя рядами оттисков треугольной палочки, оставивших на внутренней стороне жемчужины, впоследствии сглаженные. Тулово яйцевидной формы с острым дном, также орнаментировано оттисками треугольно заостренной палочки. Внутри – стенки сосуда сглажены гребенкой. Диаметр венчика 15 см, высота 21,3 см. Тесто серо-коричневого цвета, с примесью песка (рис. 1, 3). Фрагменты стенок украшены оттисками гребенки, ямочными углублениями. Их тесто серого и черного цвета с примесью растительности и песка.

Из отдельных находок назовем обломки стенок горшков ямной культуры, фрагменты венчика и стенок горшка чернолесской культуры.

В обрыве левого берега р. Ворскла, выше по течению подвесного моста, на глубине 3,4 м обнаружен культурный слой мощностью 0,2 м, состоящий из мелких ракушек речных моллюсков и содержащий керамику эпохи энеолита – бронзы, кремни, обломки костей животных.

На пляже санатория, в 0,12 км ниже по течению от подвесного моста, на дне реки найдены фрагменты венчика и стенки сосуда неолита ямочно-гребенчатой керамики, диаметром 22 см, с характерным ямочным орнаментом и примесями кровавика в тесте.

с. **ЗАБРОДКИ.** В обрыве берега реки (правый берег) в ур. Максимцы обнаружены остатки поселения, с культурным слоем мощностью 0,3 м, содержащим материалы раннеславянского времени. Фрагменты лепной керами-

ки грубой выделки, с крупными зернами шамота в тесте принадлежат горшкам с плавно отогнутыми венчиками.

с. ЗАЧЕПИЛОВКА. В 2,3 км на Ю от села, в обрыве левого берега выявлено местонахождение керамики бондарихинской культуры. Из находок в размыве – керамика, кости животных, половинка пряслица биконической формы с двумя срезами и слегка углубленными основаниями (рис. 1, 11). Один из сосудов поддается реконструкции (рис. 1, 2). Венчик горшка слегка отогнут наружу, срез с утончением, тулово тюльпановидной формы, покрыто коричневым ангобом. Тесто серого цвета с примесью кварцевого песка.

Ниже, по течению реки, в 0,1 км от местонахождения бондарихинской культуры, в 2,4 км к Ю от села в обрыве левого берега выявлен слой толщиной 0,2 м с материалами пеньковской культуры. Среди примечательных находок – обломок усеченно-конического черноглиняного пряслица, украшенного игольчатыми наколами (рис. 1, 13) диаметром 4 см.

Материалы произведенных разведок позволяют дополнить и уточнить археологическую карту Поворсклья и дают представление о плотности заселения первых двух террас нижнего течения р. Ворскла в различное время – от эпохи неолита до древнерусского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ляпушкин И. И.** Днепровское Лесостепное Левобережья в эпоху железа //МИА. –№ 104. –М., Л.:Изд-во АН СССР, 1961.
2. **Махно Е. В.** Разведки Левобережного отряда. //АИУ 1967 г. –К.:Наукова думка, 1968.
3. **Нелрина В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. Л.** Памятники каменного века Левобережной Украины. –К.:Наукова думка, 1986.
4. **Неприна-В. И.** Отчет о работе Левобережной неолитической экспедиции ИА АН СССР //НА ИА УССР, 1976/23.
5. **Матеріали** археологічних експедицій Полтавського історико-краєзнавчого музею 1945-1946 рр. //НА ПКМ, ед.хр. 03-145.
6. **Супруненко А. Б.** Исследования на Полтавщине //АО 1983 г. –М.:Наука, 1985.
7. **Супруненко А. Б.** Работы в бассейне Ворсклы //АО 1985 г. –М.:Наука, 1987.
8. **Супруненко А. Б.** Работы в Нижнем Поворсклье и Поорелье //АО 1986 г. –М.:Наука, 1988.
9. **Юренко С. П.** Отчет о работе разведгруппы Левобережного Славяно-русского отряда Среднеднепровской комплексной экспедиции ИА АН УССР в 1977 г. //НА ИА АН УССР, 1976/11 в. 10. **Супруненко А. Б.** Отчет о
10. **Супруненко А. Б.** Отчет о разведках и охранных раскопках на территории Полтавской области разведотряда Полтавского краеведческого музея в 1983 г. //НА ПКМ, ед.хр. 03-207/4.
11. **Супруненко А. Б., Кулатова И. Н., Гавриленко И. Н., Морозко Д. В.** Отчет о разведках на Полтавщине в 1984 г. //НА ИА АН УССР, 1984/64.

12. **Ковалева И. Ф.** Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. – Днепропетровск :ДГУ, 1984.
13. **Телегін Д. Я.** Кераміка ранного енеоліту типу Засухи в Лісостеповому Лівобережжі України //Археологія. – 1988. – 64.
14. **Кучера М. П., Сухобоков О. В.** Звіт про роботу Лівобережного загону ІА АН УРСР за 1971 р. //НА ІА АН УРСР, 1971/17а.
15. **Гавриленко И. Н.** Новые находки мезо-неолитической эпохи в бассейне р. Ворсклы //Обл. науч. – пр. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. Я. Рудинского. /26-28 марта 1987 г.: Тез. докл. и сообщ. – Полтава, 1987.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	– Археологические исследования на Украине
АО	– Археологические открытия
АП УССР	– Археологічні пам'ятки УРСР
АС	– Археологический съезд
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВУАК	– Всеукраїнський Археологічний Комітет
ГАСО	– Государственный архив Сумской области
ГИМ СССР	– Государственный исторический музей СССР
ДГУ	– Днепропетровский госуниверситет
ЗУНТ	– Записки Українського наукового Товариства дослідування пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині
ИА АН СССР	– Институт археологии АН СССР
ИА АН УССР	– Институт археологии АН УССР
ИАК	– Известия императорской Археологической Комиссии
ІІМК АН СРСР	– Інститут історії матеріальної культури АН СРСР
КЗ ВУАК	– Короткі звідомлення ВУАК
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАР	– Материалы по археологии России
МГУ	– Московский госуниверситет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА АН УССР	– Научный архив Института археологии АН УССР
НА ПКМ	– Научный архив Полтавского краеведческого музея
НТЕ	– Народна творчість та етнографія
ПКМ	– Полтавский краеведческий музей
ПУ	– Пам'ятники України
ПУАК	– Полтавская ученая архивная комиссия
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
УІЖ	– Український історичний журнал
УРЕ	– Українська Радянська Енциклопедія

СОДЕРЖАНИЕ

Белоус А. П. Предисловие 3

Супруненко А. Б. Археологические исследования Полтавского краеведческого музея (к 100-летию со дня основания) 5

Луговая Л. Н., Шилов Ю. А. Михайликовский курган раннесрубного времени 43

Журавлев О. П. Остеологический материал из раннесрубного кургана у с. Михайлики Полтавской области 56

Мельникова И. С. Раскопки курганов у сел Мушты и Кириленки 59

Бовкун И. В. Каменная мотыга с Нижнего Поорелья 65

Кулатова И. Н. Женское погребение IУ в. до н. э. из могильника у с. Олефиршина 67

Приймак В. В. Охранные исследования памятников VIII-X вв. в Верхнем Поворсклье 76

Сухобоков О. В., Юренко С. П. *Керамический комплекс Опошнянского* городища 87

Моргунов Ю. Ю. Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси 95

Мокляк В. А. Археологические памятники в окрестностях Новых Санжар 109

Список сокращений 116

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОЛТАВЩИНЕ

Редколлегия: **Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Супруненко А. Б.** (отв. редактор)

Сдано в набор 14.08.90. Подписано к печати 22.10.90. Набор на типотайпере. Гарнитура Цюрих. Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 7,5. Заказ №2943. Тираж 1000 экз. Цена 1р.50к.

Красноградская межрайтипография
313050 г. Красноград, ул. Полтавская, 62а

1 р. 50 к.